

Федеральное агентство по образованию
Уральский государственный университет им.А.М.Горького
Межвузовский центр непрерывного гуманитарного
и социально-экономического образования

*к 85-летию Уральского государственного
университета им.А.М.Горького*

К.П.Стожко, О.В.Тарасова, А.Е.Новожилов, Н.Н.Маяков

**Социальная диалектика предпринимательства:
Личность. Самоуправление. Культура. Творчество**

Екатеринбург
2005

УДК 338.26
ББК У9(2)1
С 81

Печатается по решению Межвузовского
центра гуманитарного и социально-
экономического образования

К.П.Стожко, О.В.Тарасова, А.Е.Новожилов, Н.Н.Маяков

Социальная диалектика предпринимательства: Личность.
Самоуправление. Культура. Творчество. – Екатеринбург:
Изд-во Урал. ун-та, 2005. – с. 238.

ISBN 5-7525-1433-9

В монографии содержится анализ сущности и содержания процесса личностного самоуправления в сфере предпринимательской деятельности. Дается развернутое философское и социально-экономическое обоснование феномена культуры предпринимательского самоуправления. Раскрываются особенности, характер и основные тенденции развития культуры самоуправления в условиях трансформации современного российского общества.

Научный редактор:
Заслуж. работник Высшей школы РФ,
проф., докт. филос. наук. **Н.Н.Целищев**

Рецензенты:
проф. докт. филос. наук **В.М.Князев**
(Российский гос. проф.-пед. ун-т);
проф., докт. эконо. наук **И.А.Пыхова**
(Ин-т экономики УрО РАН);

ISBN 5-7525-1433-9

©К.П.Стожко, О.В.Тарасова,
А.Е.Новожилов, Н.Н.Маяков

ВВЕДЕНИЕ

Проблематика самоуправления в последнее время становится в нашем обществе все более актуальной. Различные ее аспекты (местное самоуправление, коллективное самоуправление, студенческое самоуправление, предпринимательское самоуправление и т.д.) все чаще становятся предметом обсуждения и научного анализа. Это объясняется тем, что в целом решить задачу вывода отечественной экономики в фазу устойчивого развития, преодолеть серьезные последствия социального и экономического кризиса, развернувшегося в нашем обществе в конце XX-начале XXI вв., оказывается невозможным без развития активности самого человека, его готовности к самоуправлению, его инициативности и креативности. В связи с этим личностное самоуправление становится центральным вопросом во всей многогранной проблематике самоуправления и требует социально-философского и социокультурного осмысления условий и факторов его развития. В контексте взаимосвязи личности и экономики, с учетом того обстоятельства, что все мы являемся субъектами хозяйствования, представляется своевременным и крайне перспективным исследование личного самоуправления в системе предпринимательской деятельности. Выбирая сферу предпринимательства в качестве конкретного сегмента социального пространства, в котором разворачивается процесс личностного самоуправления, следует учесть тот факт, что феномен предпринимательства до сих пор является слабоизученным явлением социальной реальности. Достаточно отметить, что в перечень важнейших характеристик предпринимательской деятельности до сих пор никто не включил личностное самоуправление. А ведь понятно, что в качестве инициативной, самостоятельной хозяйственной практики, связанной с рисками, извлечением прибыли, организационными способностями и творческой направленностью, предпринимательство не может актуализироваться вне способности личности к эффективному самоуправлению. Внешнее управление в целом выступает антагонизмом по отношению к предпринимательству, поскольку подменяет свободу личности, ее собственную систему аксиологических координат манипулированием, направлением, сторонней ориентацией личности на конкретные цели и задачи. Там, где са-

моуправление подменяется управлением, предпринимательство подменяется исполнительской, заданной, репродуктивной экономической практикой.

С другой стороны, следует отметить, что предпринимательство выступает в качестве особого типа воспроизводства личности, производства материальных и духовных благ, необходимых для развития личности; иными словами, предпринимательство есть одновременно саморазвитие личности человека как хозяйствующего существа, обретение ею социальной ответственности, социальной компетентности и креативной состоятельности. Особенность предпринимательства в плане развития личностного самоуправления как его основы, заключается в том, что оно представляет собой специфическую форму социальной, культурной, хозяйственной деятельности человека, связанную с личностным, собственным самостоятельным осуществлением выбора. Поэтому раскрытие механизма осуществления такого выбора, фаз в структуре данного процесса представляет собой, с нашей точки зрения, значительный научный интерес. Особенно это обстоятельство становится важным в связи с вступлением в действие с 1 января 2006 г. Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», а также в контексте сформулированного Президентом РФ В.В.Путиным в президентском послании Федеральному собранию положения о необходимости дальнейшего развития институтов гражданского общества и правового государства.

Следует отметить, что проблема личностного самоуправления в сфере предпринимательской деятельности имеет достаточно долгую историю. Уместно вспомнить о том, что еще в XIX в. Б.Франклин, М.Вебер, В.Зомбарт, Г.Зиммель рассматривали разные аспекты предпринимательского самоуправления. В первой половине XX в. данная проблематика нашла свое отражение в трудах Т.Веблена, А.Маршалла, Д.Кларка, Д.Кейнса. Очередным этапом в развитии представлений о сущности и содержании предпринимательского самоуправления стали неolibеральные концепции, получившие свое распространение в Западной Европе во второй половине XX в. в трудах А.Мизеса, Ф.Хайека, В.Ойкена, Р.Нурске, Г.Мюрдаля и др. Самоуправление трактовалось как конкретное социальное свойство человека, максимизи-

рующего свой доход и минимизирующего затраты. Такое упрощение сущности личностного самоуправления преобладало до конца XX в. Вместе с тем, в исследованиях последних десятилетий стали появляться «расширительные» интерпретации личностного самоуправления предпринимателя, связанные с более взвешенным анализом социальной структуры современного общества, нарастания проблем отчуждения, социального дискомфорта, одиночества, а также ростом негативных социальных явлений (пьянство, наркомания, суициды, терроризм и т.д.). В исследованиях ряда зарубежных авторов (Д.Карнеги, Дж.Лафта, К.Менар, Т.Питерс, О.Уильямсон, Р.Уотерман и др.) личностное самоуправление постепенно предстает не просто как общее социально-онтологическое основание в процессе формирования целостной личности.

Существенный вклад в разработку проблематики личностного самоуправления в сфере предпринимательства внесли и российские исследователи. Начиная с работ С.Н.Булгакова, И.А.Ильина, М.И.Туган-Барановского, С.Л.Франка, данная проблематика постепенно получила свое самостоятельное место в науке. Но в силу слабости российского предпринимательства в начале XX в., а затем его замены тотальным государственным управлением и планированием, данная тематика естественным образом сошла со страниц научных публикаций. Лишь в середине 80-х-90-е гг. XX в. начинается возвращение к ней. В работах В.С.Автономова, В.С.Барулина, Д.В.Валового, А.П.Ветошкина, Т.Н.Заславской, В.С.Ельмеева, Б.Г.Дилигенского, В.И.Ксенофонтова, Н.П.Пермякова, В.Д.Попова, А.И.Субетто, К.П.Стожко, Р.И.Трипольского, Л.А.Шумихиной и ряда других авторов ставятся и разрабатываются проблемы предпринимательского сознания, предпринимательской культуры, ценностных оснований предпринимательской деятельности. В рамках данных проблем, где непосредственно, а где и в косвенной форме, рассматриваются вопросы, связанные с развитием самоуправления личности. Наиболее предметно данный круг вопросов освещается в исследованиях П.Абовина-Егидеса, В.Белоцерковецкого, А.Зотова, Г.Латфуллина, В.Бутакова и др.

Вместе с тем, следует отметить, что конкретного и самостоятельного анализа личностного самоуправления в системе пред-

принимательской деятельности, которое в полной мере охватывало бы аксиологическое, социокультурное поле данной деятельности, пока не проведено. В связи с этим отсутствует комплексная научная концепция самого российского предпринимательства, которая выявляла бы его особенности, специфику, ориентировала бы на конкретное развитие данной формы деятельности по основным направлениям. В данной работе предпринята попытка рассмотреть личностное самоуправление не просто в качестве важного фактора предпринимательской деятельности, но и в качестве основания всего процесса социального творчества человека. Выделяя общий и частный уровни проблемы, необходимо синтезировать достижения исследователей прошлых лет по конкретным, частным вопросам в структуре более общей проблематики – личностного самоуправления в предпринимательской сфере.

Главная цель монографии состоит в выработке целостного социально-философского и социокультурного подхода к анализу личностного самоуправления предпринимателя. Социально-философский аспект данного подхода заключается в выявлении места и роли социальных предикатов в развитии личностного самоуправления (таких, как семья, коллектив, социальный статус, социальное положение и др.). Социокультурный аспект данного подхода связан с выявлением природы ценностных ориентаций личности, места и роли конкретных ценностей в генезисе личностного самоуправления (свобода, традиция, любовь, выгода и др.).

В связи с выработкой такого целостного социально-философского и социокультурного подхода к изучению проблемы личностного самоуправления необходимо:

- определить сущность и содержание процесса личностного самоуправления предпринимателя как субъекта хозяйственной практики;
- выявить специфику личностного самоуправления в системе индивидуального и коллективного предпринимательства;
- выявить взаимосвязь между самоуправлением личности предпринимателя и такими компонентами генезиса личности, как самоопределение, самоидентификация, адаптация и самореализация;

- показать связь личностного самоуправления с другими основными признаками (характеристиками) предпринимательской деятельности (инициативностью, самостоятельностью, прагматичностью, организованностью и т.д.);

- рассмотреть способность предпринимателя к эффективному личностному самоуправлению как определенную культуру социальных взаимосвязей (социокультурную коммуникацию);

- выявить механизм самоуправления личностным потенциалом предпринимателя (творческим, трудовым, организационным и др.), конкретные способы, методы и критерии повышения эффективности данного процесса;

- определить перспективы развития личностного самоуправления в системе коллективного предпринимательства, как наиболее отвечающего особенностям российской экономической традиции и потребностям современного российского общества.

В общем и целом монография направлена на утверждение и развитие в современной науке относительно нового направления исследований, а именно – философии хозяйства (экономики), которое в начале XX в. наиболее продуктивно представлено в трудах А.П.Альтина, В.А.Губина, Т.В.Борисовой, Е.И.Новиковой, А.И.Семина, Т.Ю.Сидориной, А.Г.Сpirкина, Т.С.Орловой и др. В книге предложена авторская трактовка культуры предпринимательского самоуправления – личностного самоуправления предпринимателя. В ее основе лежат следующие идеи:

Во-первых, культура личностного самоуправления предпринимателя представляет собой определенную систему ценностей, характеризующуюся своеобразной иерархией ценностных ориентаций личности предпринимателя, мобильностью и инвариантностью целевых установок предпринимательской деятельности, детерминированной социокультурным полем, в котором данная деятельность разворачивается;

Во-вторых, личностное самоуправление предпринимателя включает в себя такие составные компоненты, как самоопределение, самоорганизация, самоконтроль, самооценка, самоидентификация, посредством которых личность проявляет собственную субъектность и органично встраивается в тот хозяйственный континиум и социальную среду, которые ее окружают;

В-третьих, в структуре личностного самоуправления предпринимателя собственно предпринимательское самоуправление является не ядром, а оболочкой, не первичным, а производным от общей культуры личности явлением, представляет собой лишь часть более целого, общего явления – всей культуры личностного самоуправления. Это предполагает необходимость со стороны личности постоянного соотнесения ценностей и рангов имеющихся в предпринимательстве (прибыль, выгода, успех, карьера, имидж, перспективы и проч.) с ценностями более высокого порядка, определяющими собственно человеческую, и прежде всего, социальную природу личности;

В-четвертых, такое соотнесение, самокоординирование, самонастраивание обнаруживает подчиненный характер сугубо предпринимательских ценностных ориентаций по отношению к абсолютным ценностям личностного бытия и предполагает наличие и использование не только индивидуализированных, но и социально-нормативных, универсальных механизмов и способов их сочетания, синтеза;

В-пятых, в контексте различных моделей личности, конструируемых в современной науке, прослеживается некая общая закономерность генезиса культуры предпринимательского самоуправления, которая, независимо от различных типов личностного самоуправления, предпринимателя, сводится к определенной интенциональности, нацеленности, направленности личности на достижение органичного равновесия между идеалами и ценностями общего и чисто прикладного характера;

В-шестых, от такого равновесия существенно возрастает личностный потенциал самого предпринимателя (профессиональный, трудовой, организационный и т.д.), возможности его эффективной реализации, а значит, и возможности кардинального повышения эффективности (экономической, социальной, экологической и т.д.) самого российского предпринимательства, как специфической формы хозяйственной деятельности человека;

В-седьмых, культура личностного самонаправления предпринимателя выступает как основа расширения свободы личности, ее креативности и самостоятельности, поскольку представляет собой постоянную, регулярную, системную работу личности над собой, работу со смыслами (В.С.Соловьев), «духовное делание»

(И.А.Ильин), как стремление жить в сизигии, гармонии с самим собой и с окружающими его людьми (П.А.Флоренский). Очевидно, что в основе такой культуры лежит духовное начало, нацеленность предпринимателя на совершенное, на лучшее, на высшее, на абсолютное, причем нацеленность не только в секулярной, но и в сакральной сферах его личностного бытия.

Вне формирования и развития сакральной сферы секулярное направление естественным образом усекается, выхолащивается, девальвируется, предприниматель как личность не приобретает признаков целостности, гармоничности, полноты. На этой основе возникают и развиваются деформации не только самой предпринимательской практики, становящейся общественно бесполезной, а часто даже вредной, но и самого человека, проявляется его обездуховнивание, антисоциальность, антигуманность.

В-восьмых, следствием такой личностной деструкции становится уход в процессе предпринимательства от подлинного творчества к его антиподам – стяжательству, эгоизму, накопительству, рвачеству, социальному люмпенству и нравственной несостоятельности. Именно поэтому генезис самоуправления личности предпринимателя представляет собой важнейший объект философского исследования, позволяющий раскрыть реальные, глубинные возможности совершенствования предпринимательской деятельности, лежащие на стороне личности.

Изложенные в книге идеи могут быть использованы в системе воспитания будущих предпринимателей, для развития у них правильных аксиологических ориентиров, руководствуясь которыми, они могли бы полнее реализовать себя и вместе с тем внести значительный вклад в решение разных общезначимых социальных проблем (занятости, социального обеспечения, социальной защиты и др.). Кроме того, предложенная в монографии общая схема личностного самоуправления предпринимателя позволяет путем тренинговых занятий осуществлять самовоспитание и формировать необходимые свойства и качества самостоятельно.

Содержащиеся в книге предложения позволяют также более успешно осуществлять не только индивидуальную, но и коллективную предпринимательскую деятельность, существенно улучшить морально-психологический климат в коллективе (группе), наладить эффективную социокультурную коммуникацию в ней.

Они могут быть использованы в процессе преподавания ряда гуманитарных дисциплин: основ предпринимательства, культуры предпринимательства, профессиональной психологии, психологии личности, социальной философии, социологии труда, философии экономики.

Глава I. Самоуправление как способ социального творчества

§ 1. Сущностно-содержательная характеристика личностного самоуправления

Самоуправление есть процесс самореализации личности посредством осуществления ею собственной самостоятельности и самоорганизации. Проблема самоорганизации, ее коллективной процессуальности и кооперативной оформленности выходит далеко за пределы вопроса о самоуправлении и охватывает не только социальные субъекты, но и все иные субъекты и объекты макромира и микромира¹. Касательно проблематики самоуправления следует признать, что оно (самоуправление) представляет собой процесс становления, самоопределения и самореализации личности посредством ее самостоятельной, непосредственной социализации, преодоления ею самой своего отчуждения от общества, от социальной среды, в которой она развивается. Иначе говоря, самоуправление выступает *специфической* функцией личности в том смысле, что не только общество воспитывает ее, воздействует на человека, но и сам человек воздействует на самое себя, определяет свои интересы и приоритеты, собственную иерархию ценностных ориентации в мышлении и поведении.

Проблематика самоуправления достаточно регулярно обсуждается на страницах научной литературы². Однако до сих пор преобладает мнение о том, что «самоуправление есть метод социального управления»³, что, на наш взгляд, в корне неверно. Самоуправление и управление представляют собой, с социальной точки зрения, два совершенно различных процесса.

¹ См.: Дубищева Т. Я. Концепции современного естествознания. 3-е изд. М.; Новосибирск, 2001. С. 702 и др.

² См.: Латфуллин Г. Р. Развитие самоуправления хозяйствующих организаций. Дисс... д-ра экон. наук. М., 1995; Золотов А. В. Самоуправление непосредственных производителей: социально-экономические и организационные аспекты. Ниж. Новгород, 1996; Белоцерковецкий В. Самоуправление. Будущее человечества или новая утопия? М., 1992; Абовин-Егидес П. М. Философия самоуправления. М., 1997. и др.

³ См.: Бутаков А. В. Социальное самоуправление: сущность, основные черты // Становление человека как субъекта социального творчества. Матер. Всерос. науч.-практ. конф. Омск, 1997. С. 82 и др.

В первом случае субъект управления одновременно является и объектом данного процесса, а смысл самоуправления сводится к самокоординации, саморегулированию своего собственного мышления и поведения в определенной социальной среде. Во втором случае субъект управления отделен от объекта управления; здесь возникает определенное социальное отношение, в структуре которого имеют место одновременно два контрагента. Один из них управляет, а другой – управляем. Следовательно, в системе самоуправления нет и не может быть феномена отчуждения, поскольку субъект и объект самоуправления есть одно и то же лицо. В случае же управления, каким бы демократичным и эффективным оно не было, всегда остается место для определенной степени отчуждения управляемой личности от личности управляющего или от общества, выступающего как субъект управления (управленец). Мы также не можем согласиться с выводом о том, что «самоуправление – это универсальный метод социального управления»¹. Универсальность подразумевает всеобщий характер рассматриваемого явления, процесса. Но опыт психологии, физиологии, экономики вполне очевидно свидетельствует о том, что значительная часть членов общества (инвалиды, иждивенцы, дети и проч.) не в состоянии осуществлять самоуправление.

Вместе с тем заслуживает полного одобрения утверждения А.В.Бутакова о том, что «самоуправление» и «самодетельность» как понятия различны по объему: «Так, если *самоуправление* есть коллективный метод реализации правомочного действия субъекта в определенных пределах, то *самодетельность* представляет собой более широкое понятие. Оно характеризует деятельность, направленную на осуществление самостоятельности любым из методов социального управления»².

Самоуправление выступает одним из видов *самодетельности* человека.

Разница лишь в том, что самодетельность может осуществляться и с использованием методов социального действия, не-санкционированных обществом, не относящихся к правовым.

¹ См.: Бутаков А. В. Указ. соч. С. 83.

² См.: Там же. С. 82.

Именно здесь и проявляет себя отчуждение, составляющее сущностную разницу между управлением и самоуправлением как процессами социального развития человека. Но возникает такое отчуждение задолго до своего проявления на поверхности социальных взаимосвязей. Это наиболее четко видно на примере хозяйственной, экономической практики человека. Сегодня стало модным говорить о развитии самоуправления в корпорациях, крупных фирмах. Но конкретный анализ свидетельствует о том, что даже в наиболее продвинутой «немецкой» модели корпоративных отношений самоуправление – фикция. Так, И.Н.Ткаченко пишет о том, что в Германии широко распространены акции трудового коллектива (АТК). Например, в «Дойче банке» две трети сотрудников владеют такими акциями. Но означает ли это, что в «Дойче банке» сложилось коллективное самоуправление? Отнюдь нет. Во-первых, доля АТК от акционерного капитала «Дойче банка» составляет лишь 2,7%. Во-вторых, контроль за ведением дел данной корпорации осуществляет так называемый наблюдательный совет, в котором нет ни одного миноритарного акционера из числа сотрудников самого банка. В-третьих, несмотря на весь свой демократизм, в состав исполнительного совета банка также не включен ни один из рядовых служащих банка¹. Немецкие корпорации, такие, как «Дойче банк», являются «коллективными акционерами» – участниками в бизнесе друг друга. А это свидетельствует лишь о степени интегрированности корпоративного капитала в Германии, но никак не о коллективном самоуправлении в немецких фирмах.

Выступая как конкретный способ саморегуляции, самоуправление неразрывно связано с экономикой и ее артефактами: властью, собственностью, информацией и т. п. Отталкиваясь от марксистского положения о том, что «бытие определяет сознание», о примате базисных отношений над надстроечными, необходимо признать, что самоуправление есть функция экономически свободного человека, но никак не наемного работника. Следовательно, при всей своей демократичности и либеральности современный капитализм в принципе не может предоставить че-

¹ См.: Ткаченко И. Н. Эволюция внутрифирменных корпоративных отношений. Екатеринбург, 2001. С. 14–16.

ловеку реальную возможность осуществлять самоуправление.

Формирование капиталистической экономики в современной России свидетельствует о том же. Важным источником ограничения нашего самоуправления выступает современное российское государство, которое за последнюю четверть XX в. деградировало до уровня охлократии, объединенной круговой порукой и преследующей собственный корыстный интерес¹. С утратой статуса объективного «третьей стороны», оно утратило и способность эффективно управлять обществом. Законы и указы, постановления и распоряжения властей в значительной мере не соблюдаются и не исполняются.

С другой стороны, современный корпоративный бизнес также является серьезным ограничителем развития самоуправления. Соотношение мелкого бизнеса и корпоративного бизнеса лишь подтверждают мысль о том, что «сильный всегда прав». Но отнюдь не всегда эффективен. Из 145 млн. человек, проживающих в России, малым и средним предпринимательством охвачено всего 15 млн. чел.².

Следует отметить, что корпоративный бизнес не предполагает, а отрицает всякое хозяйственное самоуправление по целому ряду причин.

Во-первых, в российских корпорациях крайне велико число *ключевых* участников-собственников крупных пакетов акций. Крайне трудно было бы обнаружить крупную российскую корпорацию с исключительно миноритарным акционированием.

Кроме того, в российских АО важнейшую роль играет само же государство. Оно владеет контрольным пакетом акций не только в РАО ЕЭС или РАО ГАЗПРОМ, но и в сотнях других крупных корпораций. Кроме того, оно ведь создает нормативно-правовую базу для деятельности АО, которая, при серьезном анализе оказывается отнюдь не благоприятной для развития хозяйственной демократии. Наконец, хотя в Федеральном законе «Об акционерных обществах» и прописан механизм так называемого кумулятивного голосования при выборах членов Совета директо-

¹ См.: Тулеев А., Сыровецкий Ю. Власть в руках человека и человек в руках власти. Новосибирск, 1993. С. 118–136.

² См.: Стожко К. П. Экономическая теория. В 2-х т. Т. 1. Екатеринбург, 2004. С. 448.

ров, данное положение постоянно нарушается путем несвоевременного информирования мелких акционеров о предстоящих выборах, введением платы за участие в работе акционерных собраний и иными способами, никак не наказываемыми законом.

Современный российский корпоративный капитал выступает антагонистом для самоуправления прежде всего потому, что основывает свое благополучие на *манипулировании* личностью. Экономически свободная личность ему не нужна, поскольку она лишает его властных функций, наемной рабочей силы – источника дохода и монополии на собственность. Следовательно, развитие самоуправления есть не только общее направление социальной и экономической демократизации, формирования в нашей стране гражданского общества и правового государства, но и совершенно определенный способ демонполизации российской экономики.

В основе самоуправления лежит определенная ценностная иерархия индивида. Именно эта иерархия, воспринимаемая индивидом, выступает с одной стороны, социальным и моральным регулятором его понимания содержания экономической свободы, а с другой стороны, системой мотивов и стимулов к хозяйственной, а шире – всей социальной практике.

Когда же такую иерархию заменяют внешней системой параметров, навязываемых индивиду отчужденным от него субъектом управления, то возникает конфликт интересов. Данный конфликт запрограммирован самим отчуждением, а масштабы конфликта детерминированы масштабом и характером такого отчуждения. В нашем обществе масштаб запрограммированного отчуждения между новыми «капитанами экономики» и работниками оказался столь велик, что несет в себе угрозу социального взрыва. И это происходит по ряду причин. Во-первых, идеи «народной приватизации» оказались подмененными технологиями номенклатурного перераспределения национального богатства. Как известно, в наших условиях были предложены сразу несколько моделей «народной приватизации». По первому варианту работники предприятий, подлежащих приватизации, имели право на получение безвозмездно до 25% привилегированных акций в структуре уставного капитала. Они также могли выкупить на льготной основе еще до 30% обыкновенных акций. Однако по

этому варианту не было приватизировано ни одно крупное предприятие в стране. В рамках второго варианта «народной приватизации» члены предприятия могли подписаться на приобретение 51% акций в структуре уставного капитала, но уже по цене, близкой к номиналу. Но в силу того, что механизм подписки и приобретения акций был организован келейно, владельцами контрольных пакетов акций опять-таки стали не работники (в данном случае, как правило, администрация). Все иные варианты также не состоялись. Приватизация была названа обделенными работниками «прихватизацией», а самоуправление в них не получило развития.

Если сравнивать степень развития самоуправления между прежними советскими предприятиями и современными корпорациями, то становится очевидным, что стабильность и рентабельность советских предприятий была в массе своей выше, чем те же характеристики современных корпораций. О социальной защищенности работников в современных условиях не приходится и говорить.

Больше того, хотя мы и признали, что капиталистическая организация предприятия в принципе противостоит самоуправлению, но можем на основе конкретного сравнительного анализа сделать вывод о том, что при всей незначительности своего развития, самоуправление в западных корпорациях очевидным образом более ощутимо, конкретно, организовано, чем в российских корпорациях. Оговоримся, что речь идет не о самоуправлении как системе, целостном процессе, а лишь об отдельных и достаточно дискретных, поверхностных, антуражных его элементах в организации современного европейского бизнеса (согласования управленческих решения с персоналом, право отложенного вето, представительство и т. п.). Но даже и на таком уровне современный российский корпоративный капитал не приемлет социальное самоуправление, а махровый государственный чиновничий бюрократизм его полностью отвергает. Лишь в той мере, в какой самоуправление позволяет сэкономить корпоративный капитал и бюджетные средства для последующего их присвоения олигархами и чиновниками, оно, самоуправление, получает шанс на допущение.

Спецификой самоуправления в нашем обществе является то обстоятельство, что оно находится в наиболее неблагоприятных условиях (фискальная экономическая политика, запредельный уровень концентрации собственности, антинародные итоги приватизации, системный экономический кризис, подавленная инфляция, скрытая безработица, экономическая стагнация во многих отраслях и регионах, огромный государственный внешний долг и проч.). Все эти обстоятельства оказывают существенное давление на сам факт существования и развития самоуправления. Вместе с тем, самоуправление – это многомерный процесс, который отнюдь не сводится лишь к расширению экономической свободы хозяйствующих субъектов. На наш взгляд, самоуправление как способ самореализации человека, формирования целостной личности возможно исключительно в системе коллективистских отношений, основанных на трудовом участии каждого работника в создании продукта. Между работником и рантье, работником и чиновником, работником и мафиозником отчуждение носит антагонистический характер. Все домыслы о возможности его преодоления напоминают призывы кота Леопольда из известного мультсериала. Иное дело: работник–управленец, работник–менеджер, работник–руководитель. Если в системе общественно-го разделения труда управленец–руководитель выполняет общественно–полезную функцию, он может рассчитывать на то, что в процессе развития самоуправления и при ликвидации отчуждения между ним и работником, сам он как социальный и профессиональный субъект ликвидирован, устранен не будет. Здесь решается не задача классово-й борьбы, а проблема наиболее эффективной организации экономики (предприятия), которая связана лишь с правильным распределением функций и точным исполнением задачи. Только самоорганизованные хозяйственные структуры, в которых широкое развитие получают процессы социального самоуправления, смогут выжить в XXI в. в условиях глобализации, интеграции и конкуренции. Чиновник, от того, что он приватизировал кусок государственной собственности, но так и не научился ею грамотно и эффективно управлять, все равно будет обречен. Чем меньше плутократической и охлократической собственности останется в нашей стране, чем больше и активнее в бизнесе будет развиваться самоуправление, тем быстрее россий-

ская экономика станет конкурентоспособной и выйдет в своем развитии на стадию стабильного, устойчивого роста.

Однако развитие самоуправления не сводится к элементарному распространению самоуправления повсеместно. Важным аспектом развития самоуправления выступает и его содержание. Самоуправление возникает на почве добровольного волеизъявления работников, на основе общности их интересов. Самоуправление также основано на единой природе источников получения средств к существованию, на однородности самого характера деятельности. Трудовое единство, непосредственное трудовое участие в создании богатства, блага выступают первоосновой такого самоуправления и его социальной оформленности – трудового коллективизма. Только в этом случае трудовой коллектив может эффективно и действительно грамотно установить приоритеты в своей деятельности, определить эффективность и назначение самоуправления как такового, сформулировать принципы и конкретные способы осуществления самоуправления.

С содержательной точки зрения, самоуправление как раз и представляет собой социальное нормотворчество, в процессе которого определяются конкретные и общие нормы поведения, действия. Тем самым создаются предпосылки для преодоления отчуждения между членами общества. Известно, однако, что в трудовом коллективе также наблюдаются конфликты интересов, противоречия, иные социальные отклонения. Однако, в отличие от социальной системы, развивающейся вне самоуправления, в трудовом коллективе данные социальные отклонения не носят антагонистического, непреодолимого характера. Они наиболее оперативно и конструктивно разрешаются самими участниками коллектива. Поэтому такое разрешение противоречий непосредственными участниками конфликта в интересах всего коллектива и называется самоуправлением. Здесь не ожидают, что «вот придет барин, барин нас рассудит». Социальное иждивенчество наименее характерно для самоуправляемых социальных образований, но наиболее типично именно для управляемых социальных структур, в которых все регламентировано, процедурно оформлено, расписано «по полочкам». Так, в управляемом социальном образовании для получения подписи высшего начальства даже по пустяковому поводу необходимо собрать десяток сопутствующих

подписей, что свидетельствует о забюрократизированности процесса управления. Для получения гербовой печати на справку необходимо удостоверить подпись собственного начальника подписью вышестоящего начальства и т. д. Все это – издержки того махового бюрократизма, которым заражена наша экономика и власть. Такой бюрократизм, казалось бы, формирует личную ответственность работника. Но личная ответственность в условиях бюрократического управления есть личная ответственность подчиненного перед начальником. Это – лжеответственность, когда подчиненный в душе презирует или ненавидит своего начальника за то, что тот ущемляет его человеческое достоинство, заставляя унижаться и бездарно тратить время. В трудовом коллективе в условиях самоуправления работник также несет личную ответственность, но это – ответственность иного рода. Работник в самоуправляемом социальном образовании есть равный с другими, ему не на что жаловаться, кроме как на самого себя. Он отвечает не перед нелюбимым начальником (любимый начальник – вообще нонсенс!), а перед своими же товарищами. В условиях постоянной ротации кадров в системе самоуправляемых социальных образований даже само понятие «начальник» обозначает иной смысл: организатор, дежурный, сменщик, вахтер. Зачем завидовать вахтеру или сменщику, если до тебя также дойдет очередь «порулить» и отвечать за это?

Самоуправление таким образом есть механизм постоянного стимулирования социального творчества хозяйствующего субъекта, его деловой и социальной активности, социальной и профессиональной компетентности. Если в условиях обычного управления работнику «до лампочки» неудачи его коллег, то в условиях самоуправляемого коллектива «один за всех и все за одного». Таким образом, сущность самоуправления состоит в формировании социально зрелой, социально ответственной, самодостаточной личности человека труда. Вне труда самоуправление вырождается в свою противоположность — манипулирование. Поэтому более чем странными являются заявления о том, что существуют будто бы «отдельные направления социального отчуждения: труд, собственность, власть». В этой «триаде» труд явно лишний. Его место должно быть отдано управлению. Сам же труд есть универсальный способ единения людей, преодоления их

отчуждения друг от друга, а также от собственности и от власти. Ведь специализация в труде обрекает человека на сотрудничество с другими тружениками точно так же, как гравитация обрекает любые физические тела на связь друг с другом. Но, что важно, если в физическом мире мы обнаруживаем чисто механическую зависимость его субъектов друг от друга, то в социальном мире существует еще и духовная связь, проявлением которой и выступает самоуправление.

Самоуправление есть непосредственная форма проявления субъектности человека. «Субъект – это сам действующий и познающий человек»¹. Однако такое толкование субъекта не тождественно субъектности и тем более функции самоуправления. В настоящее время традиционным остается определение субъекта как «носителя сознательной целенаправленной деятельности»². Это определение достаточно для отличия человека от животного, но не достаточно для идентификации человека как самостоятельного субъекта социального действия, а тем более социального творчества.

Оно игнорирует существенные различия между личностью, способной к самоопределению, сознательному выбору модели своего поведения, и индивидом, который вообще не догадывается о присутствии у него таких способностей, поскольку живет как исполнитель, как управляемый субъект, как объект социального манипулирования со стороны других людей. Очевидно, что субъектность в обоих случаях имеет место быть. Но вот способность к самоуправлению, а значит и к осмыслению собственной субъектности, наблюдается только в том случае, когда индивид бытийствует самостоятельно, самоосуществляет себя лично. Иначе говоря, субъектность нельзя отождествлять с социальной дееспособностью, а саму социальную дееспособность следует разводить на пассивную и активную.

Отсюда ее самоопределение, а тем более самореализация будет на протяжении всей ее жизни оставаться неполной, незавершенной, частичной. В случае же, когда субъектность и самоупра-

¹ См.: *Сагатовский В. Н.* Философия как теория всеобщего и ее роль в медицинском познании. Томск, 1968. С. 10.

² См.: *Иванов В. П.* Человеческая деятельность – познание – искусство. Киев, 1977. С. 132; *Лекторский В. А.* Субъект // Философский энциклопедический словарь. М., 1983.

вляемость соединены в личности, ее самоопределение и тем более самореализация обретают признаки полноты, полноценности, завершенности. Такие признаки проявляются в чувстве выполненного долга, ощущении полноты прожитой жизни, ситуациях инсайта, удовлетворения от выполненного.

Об этом необходимо помнить прежде всего для того, чтобы не отождествлять социального субъекта—человека с творческим субъектом—новатором. Раб, например, был носителем сознательной целенаправленной деятельности, но цели—то задавал ему хозяин, рабовладелец. Следовательно, раб не был в строгом смысле слова субъектом собственного жизненного процесса в полной мере, не самоопределялся в правовой, культурной или хозяйственной сфере. Оставаясь субъектом и даже сохраняя частную субъектность, он, раб, не обладал способностью и возможностью к самоуправлению, а значит, и не самоопределялся как личность. Конечно, могут возразить, что он мог убежать от своего хозяина или в знак протеста против притеснений не выйти на работу, но подобные доводы не корректны, поскольку в таком случае раб как субъект социального действия прекратил бы собственное существование физически. Данная ситуация означала бы выбор между жизнью и смертью, который детерминирован не только инстинктом самосохранения, выживания, продолжения рода, но и социальными факторами, среди которых особое место занимает функция самоуправления. Самоопределяться в ценностном смысле без возможности актуализировать свой выбор в рамках конструктивного способа социального действия все равно, что решать задачу, условия которой содержат изначальную ошибку.

Точно так же, как не следует смешивать субъектность и субъективность, нельзя отождествлять самоопределение и самоуправление в процессе такого самоопределения. Точно так же, как субъектность входит в субъективность и в составе субъективного она, субъектность, выражает высшую, лучшую, совершенную форму субъективного, так и самоопределение входит в самоуправление и выражает в нем высшее проявление субъектности — способность к ценностному выбору.

Человек становится субъектом не просто в той мере, в которой он включен в социальные процессы, как считается тради-

ционно, но и в той степени, в которой он самореализует себя посредством функции самоуправления. Вне способности к самоуправлению он остается демиургом подобно тому, как вне способности летать бабочка остается личинкой.

Вместе с тем самоопределение есть функция личности, а не индивида, поскольку индивид остается личинкой, не способной летать по определению, т.е. не обладает для этого полета-самоопределения необходимыми социальными свойствами. Вне социальности нет и не может быть самоопределения и самоуправления конкретного, отдельно взятого лица. Но самоопределение есть условие социализации конкретного физического лица, его включения в социальную общность или социальный институт, в которых он вполне способен проявлять свою автономию и самоуправляемость, подобно тому, как свобода остается свободой и проявляет себя, в чем бы она не выражалась: «в типографской краске, во владении землей, в совести или же в политическом собрании»¹. Метод восхождения от абстрактного к конкретному, как известно, состоит в том, что сначала следует выяснить всеобщую форму предмета как таковую, затем рассмотреть ее особенные модификации и затем взять эти модификации в их целостной связи. Точно также необходимо выявить родовую форму субъектности, затем ее конкретные модификации и, наконец, их целостность. Для цели данной диссертационной работы достаточно ограничиться родовой, всеобщей формой субъектности.

Для того, чтобы зафиксировать форму субъектности как таковую, ее необходимо абстрагировать от того многообразного материала, в котором она непосредственно существует, от уровней ее функционирования (личность, группа, социальный институт), от ее особенных видов (субъектность в сферах экономической, политико-правовой, нравственной, эстетической, религиозной). Эти моменты целесообразно включать в анализ при переходе от всеобщей (родовой) формы субъектности к ее видовым формам. Общая форма субъектности весьма точно, на наш взгляд, выражена в следующем определении, которое нами несколько модифицировано.

¹ См.: *Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года* // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 83.

Субъектность есть такая социальная форма человеческой активности, которая характеризует людей: (1) со стороны их способности к свободному самоопределению, нормотворчеству, законодательству; (2) со стороны их полномочий в осуществлении социально значимых целей; (3) со стороны их реальной власти над природными, социальными и духовными силами¹.

Такое понимание субъектности ориентирует на решение важных конкретных вопросов воспитания, права, культуры. Исходным в структуре субъекта является свободное самоопределение. Оно становится реальным тогда, когда превращается в самоопределение воли – способности человека определять себя к действию согласно понятиям, ценностям, идеалам разума. Воля же в своем внешнем осуществлении принимает форму власти субъекта над самим собой или внешними обстоятельствами. Власть есть общественная форма функционирования воли. Здесь пока не имеют особого значения виды власти (моральная, интеллектуальная, политическая и др.), средства ее реализации (убеждение, авторитет, сила и др.), способы ее осуществления (руководство, управление, контроль), ее субординация, система власти.

Реальная субъектность объективируется и воплощается в невещественную сверхчувственную ткань разнообразных социальных отношений.

Способность к самоопределению – это общая генетическая основа субъектности, творчества, умения человека развивать свои способности.

Способности есть усвоенные человеком способы деятельности, общения, мышления. А эти способы природа порождает столь же мало, как и ракеты, компьютеры и т. п. Способности на сто процентов формируются людьми, как и иные произведения человека. То, что социальные условия развития способностей распределяются между людьми объективно процессом разделения труда, этот факт отрицать нет оснований.

«Исключительная концентрация художественного таланта в отдельных индивидах и связанное с этим подавление его в широ-

¹ См.: Гончаров С. З. Воспитание инженеров–педагогов как субъектов социального творчества // Формирование инженерно–педагогических кадров: воспитание творчеством. Свердловск, 1989. С. 10–11.

кой массе есть следствие разделения труда»¹.

Однако нас здесь интересует субъективный аспект способностей. Способами деятельности овладевает человек. Он может не ограничиваться их простым воспроизводством, а предпочтет развивать их. Тогда он станет творцом. Творчество – это нормальный, недеформированный внешними обстоятельствами процесс моделирования человеком схем деятельности в актах самодеятельности, равно как их талант – это норма в развитии личности как субъекта, не изуродованный разделением труда в «обрывок» целостного человека. Затухание творчества, редкость талантов – это точный показатель расщепления целостной деятельности на частичные функции, закрепленные за «одномерными» индивидами, утрачивающими в силу этого способность к полноценному самоопределению, а как результат – к полноценному самоуправлению. Для репродуктивной деятельности, для исполнительства достаточно умения подводить частный случай под общее правило, инструкцию, принцип.

Почему у одних молодых работников эта способность выражается весьма ярко, и они с удовольствием выходят за рамки схемы, штампа, предлагая нестандартные приемы решения, тогда как другие испытывают психологический дискомфорт и испуг от противоречий, от необходимости самим решать необычную задачу? Настрой на творчество или на исполнительство часто объясняют тем, что у одних нейрофизиологические структуры мозга гибкие, подвижные, а у других, они, якобы, перестраиваются медленно. Мнимая ясность такого объяснения проистекает из его упрощения. Ведь гибкостью можно объяснить и противоположные явления, например, легкомыслие, верхоглядство, а медлительностью – основательность, глубину мысли. Творчество социально. И объяснять его надо социальными же причинами.

Способность к нормотворчеству как культурный феномен означает то, что субъект признает себя равноправным представителем коллектива, той или иной общности, возвышается до колле-

¹ См.: Гончаров С. З. Воспитание инженеров–педагогов как субъектов социального творчества // Формирование инженерно–педагогических кадров: воспитание творчеством. Свердловск, 1989. С. 10–11.

ктивного самосознания и сам дает себе мандат на творчество, т. е. полномочие на суверенное конституирование той или иной нормы, будь то сфера труда, науки, политики, нравственности, искусства и др. Самоуполномочивание – это «душа» и самый важный момент новаторства. Оно обязательно возникает тогда, когда субъект проникается общественным интересом, рассматривает свой интеллект как равноценную частичку общественного интеллекта, доверяет своему разуму и своей совести как непосредственно–общественным и тем самым осознает себя равноправным началом («начальником») всего нового и общеинтересного. Поэтому он берет в свои руки функцию нормотворчества, «законодательства», не спрашивая разрешения свыше, у начальства.

Эта способность уходит своими глубинными духовными корнями в социальное равноправие, оно всегда так или иначе связано с чувством или с осознанием этого равноправия. Это чувство остается в тени, безотчетным, но именно оно подспудно рождает личную сопричастность общему делу, ответственность, смелость, воодушевление в творчестве общеинтересного и полезного. Когда субъект смотрит на проблемы глазами коллектива, тогда его разум, воля, чувства наполняются емким социальным содержанием. Он мыслит широко, с позиций интересов своего народа и поэтому чуток к перспективным тенденциям в экономике и политике, науке и искусстве. Социальное равенство в коллективе, отношения товарищества одухотворяют, рождают у каждого творческий порыв внести свою «живинку», свой особый вклад в общее дело, заслужить уважение товарищей, утвердить себя в их сознании как личность творческую, со «своей песней». Так товарищеское равенство рождает непосредственно свою противоположность – *потребность в индивидуализации* мастерства, творчества.

Так, первоначально способность к законотворчеству существовала, вероятно, лишь на уровне группы (общины, рода) в форме общих, т. е. общественных законодательных органов, которые в дальнейшем узурпировались и закреплялись за узким кругом лиц. Законодательная функция, отделившись от исполнительской деятельности, прошла ряд ступеней эволюции на институциональном уровне (государство, церковь, партии) и развилась настолько, что институциональные рамки и неуклюжие громоздкие аппаратные

процедуры стали для нее оковами. И по мере демократизации общества и развития личности эта функция (суверенное конституирование нормы) становится духовным достоянием все большей части народа, его самостоятельных организаций, деинституализируется и превращается в схему работы самосознания и воли «низов». Например, в сфере морали и нравственности институциональный контроль вытесняется индивидуально-личностным в виде самоповедения, самоконтроля, самооценки. Напротив, в условиях античности выдвижение решения, новой нормы всегда подкреплялось ссылкой на авторитет Пифии. Для самостоятельных решений, замечает Г.В.Ф.Гегель по этому поводу, нужна выработавшаяся субъективность воли, но у греков «еще не было этой мощи и силы воли»¹.

Развитая субъектность (способность к самоопределению, законодательству, нормотворчеству) становится достоянием каждого в условиях самостоятельности, непосредственно-общественных отношений, полновластия трудового народа, коллективных начал, общественного самоуправления и фактического социального равноправия. В таких условиях субъект с самого начала признает себя полномочным представителем той или иной ассоциации потому, что другие люди признают его таковым. И самоуполномочивание становится не чем-то исключительным, а нормой, равно как и нормой становится престижность деятельности и общения, просторных для самоопределения и самостоятельности личности, для ее сотворчества с другими в делах общеинтересных.

Способность к самоопределению, законодательству – «тайна» и исток любого творческого начинания человека, раскрепощенного и свободного, от пут социальных регламентации разного рода «монополистов» на собственность, власть, культуру. Когда же источник этой способности усматривают в биохимии плоти, в «генах», тогда сплошь и рядом плодятся элитарные концепции, возрождающие дух «избранности». Такие концепции губительны для творческого потенциала народа, они ведут к разделению людей на «своих» и «чужих», т. е. «элитных» и «серую» массу, к клановым своекорыстным интересам, в узкую щель которых не увидишь перспективы ни в жизни, ни в искусстве, ни в науке; они

¹ См.: Гегель Г.В.Ф. Соч. М.–Л., 1935. Т. 8. С. 239.

на практике оборачиваются творческим бесплодием одних («элиты») и позицией выжидания других: «верхи решат и укажут».

Развитие таких субъектных качеств человека, как его способность к самоуправлению – вот долговременный и самый надежный национальный ресурс. О том, на что способны люди, поставленные в положение реального самоуправляемого субъекта, свидетельствуют два примера из истории советской и американской жизни, несмотря на принципиальные различия общественного и государственного строя в СССР и США. Опыт организации труда, основанный на развитии субъективных качеств работников, изложил в своей книге автор подряда в промышленном строительстве В.П.Сериков¹. Название книги «Договор по совести» точно выражает суть дела. В.П.Сериков, как бригадир, ставку делал на сознательную гражданственность, на форму собственности, которая ставила рабочих в положение хозяина. В его бригаде людей окрыляла социально значимая цель, хорошо организованный труд и его общественное признание. Не длинный рубль, замечает Сериков, привлекал людей в бригаду, а положение хозяина стройки. Автор книги убедительно показывал положение хозяина, субъекта – вот тайна преобразования труженика из исполнителя в творца. Совет бригады определял стратегию, решал основные вопросы, а бригадир исполнял вместе с бригадой. Сериков, как опытный педагог, стимулировал в бригаде совместное творчество в труде, обращаясь к высшим чувствам: «чувству долга, патриотизма, чувству товарищеской солидарности, здорового соперничества и здорового честолюбия... Самое сильное моральное воздействие на рабочего человека, на его отношение к труду оказывает личная причастность к большому и нужному делу – общественно значимая цель! Это важно».

Приведем второй пример. В середине 80-х г. XX в. в США было организовано свыше двух тысяч экспериментов на цеховом уровне: привлечение рабочих к управлению качеством продукции, созданию совместных комитетов рабочих и управляющих, участие в прибылях. Например, рабочие «автономных бригад» на крупных предприятиях сами организовывали трудовой процесс,

¹ См.: Сериков В. П. Договор по совести // Роман-газета. 1986. № 7. С. 31.

определяли режим труда, порядок овладения смежными профессиями, перемены рабочего места и др. Компания «Локхид» сочла, что только за счет использования предложений, выдвинутых «кружками качества», она получила дополнительно три миллиона долларов прибыли. На заводе «Дженерал моторс», штат Мичиган, благодаря рабочему контролю за состоянием оборудования и качества продукции пришлось полностью ликвидировать контролеров и хронометристов. Однако управляющие среднего звена оказали ожесточенное сопротивление экспериментам. Они не желали расставаться с полнотой своих полномочий. Координатор программы фирмы «Полароид», на одном из заводов, в котором был отменен эксперимент по настоянию управляющих, заявил: «Эксперимент был слишком успешным. Что нам было делать с контролерами и управляющими? Они оказались не нужны. Управляющие заявили, что они не хотят иметь слишком квалифицированных рабочих, так как способность рабочих принимать ответственные решения создала серьезную угрозу традиционной структуре управления и контроля»¹.

Выключение рабочих из субъективных функций в политике и на производстве, в сфере организации и управления, сведение рабочих к технологическому агенту производства и к «потребителю» редуцировало их сознание до низкой планки экономизма и потребительства, привело их к социальной пассивности, что явилось одной из существенных причин застоя и распада социалистической экономики. Громадный социальный ресурс рабочего класса в советское время не был реализован².

Субъектные качества личность обретает и развивает в актах собственной самостоятельности. Ибо и первое, и второе есть самонаправленность к самоопределению.

О субъектнообразующей функции самостоятельности писали И.Кант и И.Фихте, Г.В.Ф.Гегель и К.Маркс. Теоретики научного социализма понимали самостоятельность на формационном уровне как общую форму созидания, а социальные институты – как

¹ См.: Изюмов А. Монополии экспериментируют//Труд. 1988. 15 февраля.

² См.: Матвиевский В.Я. Творческая сущность труда // Социальное творчество – основа культуры и производства. М., 1988. С. 19.; Маркс К, Энгельс Ф. Соч. 2–е изд. Т. 3. С. 68.; Матвиевский В.Я. Творческая сущность труда // Социальное творчество – основа культуры и производства. М., 1988. С. 19.

органы самодеятельности народа. В прежние периоды «самодеятельность и производство материальной жизни были разделены... они являлись уделом различных лиц, и производство материальной жизни еще считалось... второстепенным видом самодеятельности»¹. Они предвидели превращение материальной жизни общества в «полную, уже неограниченную самодеятельность»². К.Маркс развил положения о труде как о «самоосуществлении, предметном воплощении субъекта, стало быть, как действительной свободе, деятельным проявлением которой как раз и является труд»³. В актах самоосуществления человек переводит свою сущность в действительность, побуждаемый не внешними факторами, а существеннейшей потребностью «дать себе через себя самого объективность в объективном мире и осуществить (выполнить) себя»⁴. Самодеятельность и является адекватной формой самоосуществления, живым бытием свободы, порождением самобытной общеинтересной новизны, т. е. творчеством.

В. И. Ленин полагал, что «если не поднять массы на самодеятельность, ничего не выйдет»⁵. Он ни в коей мере не толковал самодеятельность как привилегию «творческой интеллигенции», не принижал ее уровень до «кружков» самодеятельности. Его мысль была куда серьезней. Он писал о «самодеятельности масс в рабочей кооперации», о самодеятельности солдатской массы⁶ в установлении мира, о развитии самодеятельности рабочих и трудящихся крестьян в области просвещения⁷, в сфере учета, контроля, регулирования всего производства и распределения⁸.

Задачу управления В. И. Ленин видел в неуклонном возвышении все новых и новых миллионов трудящихся до субъектов социального творчества путем соответствующего распределения полномочий, позволяющих развернуть самодеятельность трудящихся. Самодеятельность понималась им как форма усвоения личностью своих субъектных функций.

¹ См.: Маркс К, Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 68.

² См.: Там же.

³ См.: Там же Т. 46. Ч. 2. С. 110.

⁴ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 194.

⁵ См.: Там же. Т. 35. С. 311.

⁶ См.: Там же. Т. 37. С. 201.

⁷ См.: Там же. Т. 35. С. 88.

⁸ См.: Там же. Т. 38. С. 116.

Однако, в последующем, из лексикона советской философии категории самодеятельности и самоуправления исчезла на долгие годы по вполне понятным причинам. В результате гуманитарные и общественные науки лишились основополагающих понятий, и в них возобладала логика определения извне, заимствованная из естественных наук и весьма угодная командной системе управления. В наше время фундаментальное исследование самодеятельности и самоуправления является остроактуальным. Теория самодеятельности и самоуправления могла бы трансформироваться в эффективную социальную политику и привести к радикальному обновлению понятийного аппарата, в частности, философии педагогики и психологии.

Самодеятельность (самоуправляемая деятельность), как и субъектность есть самонаправленный социальный процесс. Она развивает субъектность потому, что, во-первых, она есть свободная деятельность, направленная на изменение самих схем деятельности; во-вторых, развивает свободное самоопределение субъекта; в-третьих, порождает в сознании диалектическое мышление, которое адекватно порождает в сознании диалектическое мышление, которое адекватно природе субъективности; в-четвертых, созидает целостность способностей субъекта; в-пятых, содействует общению, просторному для полной самореализации человека как субъекта.

Сразу же оговоримся, что речь идет не об отрицательной авантюрной самодеятельности анархистского толка, не о кривляниях в пустяках ради самовыражения любой ценой, а о самодеятельности положительной в делах общинтересных и важных. Деятельность направлена на изменение внешнего предмета. Она может быть несвободной, вынужденной внешними для деятельности мотивами. Самодеятельность – это рефлексированная, на себя направленная деятельность, она свободна. В ней доминирует направленность субъекта на преобразование способов деятельности¹.

Поэтому субъект не выходит за рамки «окостевевших» прие-

¹ См.: *Гончаров С.З.* Воспитание инженеров-педагогов как субъектов социального творчества // *Формирование инженерно-педагогических кадров. Воспитание творчеством.* Свердловск, 1989.

мов и проектирует новые способы преобразования реальности, обновляя тем самым свои способности. Одно дело сосредоточить внимание на преобразовании предмета, а другое – на самом способе преобразования и перестроить его. С такой перестройки и начинается самодеятельность: субъект умеет не только действовать согласно правилу, но и изменять само правило согласно новым обстоятельствам. Консерватизм мысли тогда и набирает силу, когда способы деятельности и общения воспринимаются как нечто неизблемое, данное раз и навсегда. Консервация этих способов есть и консервация способностей, их интеллектуальное «старение». Тогда как самодеятельная личность является архитектором своих способностей.

В самодеятельности доминирует установка на выход за пределы достигнутого, ставшего и «отвердевшего», который всегда осуществляется путем разрешения противоречия между сущим и должным. Здесь то и возникает обостренная диалектическая ситуация, требующая ума, т. е. умения разрешить противоречие. Возникающее в самодеятельности созидательное противоречие — это «локомотив» творчества, оно побуждает личность к обновлению способностей, возвращает творческую индивидуальность. Самодеятельность качественно изменяет ценностную позицию, свободную от фетишей и идолов, порождает у личности диалектический взгляд на наличные формы культуры со стороны их дальнейшего развития.

У диалектики и самодеятельности общий девиз – выход за пределы достигнутого путем разрешения противоречий в созидании общеинтересной новизны.

В самодеятельности формируется целостность способностей, что ведет к развитию многогранных потребностей и позволяет субъекту переходить от одного вида деятельности к другому, целостно претворять себя в «ансамбле» всех общественных отношений, полно потреблять богатство человеческой субъективности.

Таким образом, субъект самодеятельности устремлен не на консервацию наличных порядков и масштабов, а на развитие своих творческих сил безотносительно к заранее установленному масштабу. Он реализует себя путем беспрестанного выходения за границы этого развития, которые осознаются им как подлежа-

щие преодолению, а не как «священная грань»; он не застывает в односторонней определенности, а воспроизводит себя «во всей своей целостности, он не стремится оставаться чем-то окончательно установившимся, а находится в абсолютном движении становления»¹.

Абсолютной и «вечной» формой, в которой осуществляется самодеятельность и которая человеческим образом побуждает людей к интенсивной самореализации, напряжению всех способностей, выступает соревнование по весьма бескорыстному поводу развития универсальной человеческой природы, выявления творческих потенций лиц и коллективов. Уже сам общественный контакт, замечает К. Маркс, вызывает соревнование и своеобразное возбуждение жизненной энергии. Опережая себе равного, субъект опережает самого себя, вступает в состязание с собой. Противоречие между соревнующимися превращается в противоречие субъекта с самим собой, стимулирует к саморазвитию.

Однако саморазвитие и самоуправление – это не одно и то же. Саморазвитие осуществляется по-разному – как под преобладающим воздействием внешних обстоятельств, так и исходя из внутренних побудительных мотивов. Самоуправление же всегда есть результат именно внутренних мотивов, которые, выстраиваясь в определенную ценностную иерархию, создают некий ансамбль, способствующий возникновению уникальной способности человека к самоуправлению.

Личность может быть самодеятельной, но отнюдь не самоуправляемой. Под влиянием внешнего манипулирования, например, хозяйствующий субъект может заниматься трудом и создавать продукт, но очевидно, что данный процесс заданный, детерминирован извне. Отсюда и его результаты отчуждаются от работника и присваиваются «третьим лицом». В ситуации самоуправления работник самодостаточен, он не является продуктом зомбирования или манипулирования, он преодолевает извращенную форму общественного разделения труда, связанную с возникновением социальной монополии на управление. А следовательно, исчезает и само «третье лицо» как субъект экономических отношений, всякое же инкорпорирование посторонних в качестве

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. 1. С. 476.

собственников или потребителей в хозяйственный процесс, в котором им объективно не осталось места, представляет собой уже социальную агрессию, нелегитимное поведение, вызывающее у личности, способной к самоуправлению, конструктивную оппозицию. Тем самым самоуправление ориентирует всех и каждого на труд, на зарабатывание средств к существованию, а не на присвоение жизненных средств путем очередного их перераспределения. Именно поэтому самоуправление является подлинной основой социализма, тогда как все иные его теоретические и практические модели, связанные с перераспределением благ, есть лишь крайне поверхностная интерпретация социалистической идеи в духе текущей конъюнктуры.

§2. Социально–онтологические основания личностного самоуправления

Самоуправление есть высшее проявление субъектности в человеке, детерминирующее не только личностную самореализацию, но и сам целостный характер личности. При этом способность к эффективному самоуправлению есть сущее, хотя и не универсальное. В самом деле, отнюдь не каждый человек способен к самоуправлению. Отсюда следует, что данное свойство личности присуще далеко не каждому человеку. Это, однако, никоим образом не означает, что самоуправление остается лишь в сфере должного. Значительная часть людей все–таки обладает таким свойством, обретая его в процессе собственной социальной, и, прежде всего, трудовой, практики.

Для того, чтобы самоуправление как социальная характеристика личности предметно была определена как сущее, необходимы основополагающие критерии. Существовать, как известно, означает быть единством противоположностей. Таков исходный принцип диалектики, с позиций которой можно рассматривать самоуправление как онтологическую реальность. Однако, в структуре такого единства сами противоречия отнюдь не носят сугубо антагонистического характера, не снимаются борьбой или конфликтом. Исходя из традиционной трактовки диалектики противоречий можно было бы предположить, что каждая отдельно взятая личность в принципе не может быть самодостаточной и самоуправляемой. Не отсюда ли возникли идеи о «единой фабрике труда» (В.И. Ленин), «человеке как винтике общественного механизма» и т.д.? В действительности, в структуре диалектического единства противоположностей последние остаются имманентными друг другу, сопрягаемыми, сочетаемыми, а следовательно, и оставляющими реальные возможности для гармонизации. Это означает, что самоуправление есть результат именно гармонизирования структурных компонентов единства противоположностей. Так, например, высокая работоспособность человека отнюдь не означает, что он в принципе не подвержен лени или хандре. Но способность к самоуправлению означает возможность и привычку преодоления подобных характеристик с помощью волевых усилий. В процессе самоуправления человек постоянно заставля-

ет себя делать то, что ему не хочется. И здесь мы обнаруживаем тот факт, что хотение как эмоциональное переживание относится к области психологии, тогда как волевые усилия, обусловленные внутренними и внешними детерминантами человеческого бытия, есть уже объект исследования социальной философии.

Самоуправление как сущее, прежде всего бытийствует, т.е. оно организовано. Организовать самого себя и означает управлять собой. Поэтому самоорганизация есть как бы элементарная клеточка, фрагмент процесса самоуправления. Последнее, естественно, не исчерпывается самоорганизацией выходя далеко за рамки такой организованности. Это связано с тем, что в человеческом поведении можно выделить две системы взаимодействия, требующие организации: «Я и внешний мир (другие)» и «Я и Я». В рамках первой системы мы обнаруживаем феномены управления и организации, в рамках второй системы – самоуправление и самоорганизацию. Поведение индивида в рамках второй системы есть направленность действия, прежде всего не на внешний мир, а на самое себя, на свое собственное «Я». Здесь личность становится непосредственным объектом преобразований самой себя по собственной воле и инициативе, а человек, вырываясь за пределы того состояния, в котором он был уже изначально, пытается самоосуществляться и самореализоваться. Отсюда следует, что наряду с самоорганизацией самоуправление включает в себя и самореализацию, выступающую по отношению к самоуправлению как высшая его цель. В самом деле, было бы опрометчиво рассматривать человека исключительно как инструмент, «винтик», «средство». Человек как субъект социальных отношений выполняет не только чужие установки, правила, нормы, но и активно формирует и реализует свои. Целеполагание в системе самоуправления означает способность личности позиционировать себя по отношению не только к обществу, но и к самой же себе. Тем самым речь идет о самоидентификации субъекта. Рассматривая самоидентификацию в статике, одновременно, можно было бы предположить, что ее смысл состоит в обнаружении своей собственной идентичности раз и навсегда. Но как показывает опыт, человек не может сделать этого раз и навсегда. Точно так же, как он не может единожды и на всю оставшуюся жизнь насытиться, наесться или выпасться, он вынужден осуществлять самоиденти-

фикацию постоянно, по мере течения собственной жизни, в контексте тех жизненных фаз и циклов, которые он переживает. Каждый этап жизни имеет своё особое содержание и играет свою особую роль в самоидентификации. Так дети ощущают себя неотъемлемой частью своих родителей, у зрелого человека предметом самоидентификации может служить «вторая половинка» (супруг, супруга), у стариков смысл жизни часто уже даже не в работе, а во внуках. Существуют различные классификации жизненных этапов¹, но они касаются главным образом не проблемы самоидентификации генезиса самоуправления личности, а проблема психологического здоровья человека, что делает актуальным именно социально-философский анализ в этой сфере. Человек действительно автономен по отношению к внешнему миру: это проявляется не только в его сознании, мышлении, но и в его поведении. Вместе с тем способность успешно реализовывать наряду с внешними и свои собственные, никого не касающиеся цели обусловлена не статикой, а динамикой, самоидентификацию, как во внутренней, так и во внешней системе постоянно.

Динамика такой деятельности предполагает ее определенную социальную оформленность в виде планирования, прогнозирования, программирования, учета и контроля. Поскольку все это личность осуществляет в отношении к самой себе, самостоятельно, а не под диктовку и не в отношении внешних сил, приставка само – в полной мере отвечает характеру данной деятельности. В самом деле, что такое управление? Это комплекс мер, связанных с учетом, планированием и контролем. В системе (теории и практики) менеджмента именно эти компоненты характеризуют эффективное управление. Но в структуре управления все эти функции осуществляет внешний субъект: начальник, менеджер, управляющий, да еще часто внешний, конкурсный, наемный. В системе самоуправления данные функции осуществляет в отношении к самой себе конкретная личность. И такая способность к самоосуществлению указанных функций есть действительно высшая степень, ступень развития личности, которая овладевает

¹ См.: *Петровский А.В.* Возрастная и педагогическая психология. М.: Педагогика, 1979; *Ананьев Б.Г.* О проблемах современного человекознания. М.: Наука, 1977; *Личность: внутренний мир и самореализация. Идеи, концепции, взгляды.* СПб.: Тускарора, 1996; *Урланис Б.Ц.* История одного поколения. М.: Экономика, 1964.

или уже в основном овладела данными способностями и стала в полной мере социально зрелой и компетентной.

Осуществление самоуправления предполагает самоидентифицирование, самоопределение и самореализацию. Известно, что каждый процесс имеет прерывно–непрерывный характер; он сложен и одновременно элементарен; обладает признаками многообразия и одновременно единообразия, определенной унифицированности. Основопологающими определениями самоуправления как сущего в плане его организации являются тождество и различие. Это в полной мере обнаруживает себя при анализе специфики самоуправления личности в контексте ее национальной самобытности. Еще Л.Н.Гумилев пытался доказать, что «каждый этнос представляет собой оригинальную форму адаптации человека в биоценозе ландшафта». Действительно, для того чтобы раскрыть базовую структуру личности и природу ее способности к самоуправлению, а также типичный для данного народа способ и характер самоуправления, исследователи многих стран в разное время использовали и используют различные дефиниции, выражающие социокультурную идентичность и самобытность: «дух народа» (Г.Ф.Гегель), «культурно–исторический тип» (Н.К.Данилевский), «национальный характер» (И.В.Киреевский), «культурный архетип» (К.Юнг), «этноэпистема» (М.Фуке), «социальный характер» (Э.Фремм), «цивилизация» (А.Тойнби), «эволюционная парадигма» (Е.Ласло), «пассионарный модус» (Л.Н.Гумилев), «ступень развития» (Ш.Фурье), «стадия развития» (Ф.Лист), «энергетизм» (С.Гаринг), «цивилизационный код» (А.Тоффлер), «этнический стереотип поведения» (А.А.Потебня) и т.д. В этих идеальных формах, научных дефинициях выражалась и до сих пор выражается философская рефлексия на предмет обнаружения национальных особенностей в сфере саморегулирования, самоуправления, самоорганизации и самореализации. Однако, вопрос о самоуправлении как высшей форме проявления субъективности человека, детерминирующей все остальные особенности личности (к саморегуляции, самоопределению и самореализации предметно) специально исследованиями не выделялся. Кстати, и до сих пор, в специальной литературе вопросы самоуправления практически не рассматриваются в контексте личности и исследуются лишь на уровне социальных общностей

(коллективы, корпорации, семьи, артели и проч.). А отсюда, как нам представляется, и проблема национальной самобытности остается неразрешимой. Ведь, известно, например, что такие характеристики, как терпение или трудолюбие, коллективизм или старательность, простота или прямота свойственны не только русскому этносу, но и многим другим народам.

Используя понятие «стереотип поведения»¹, Л.Н.Гумилев также, как нам представляется, несколько упрощал проблему социокультурной самобытности и идентичности. Он, в частности, утверждал: «Единственным надежным критерием для отличия суперэтносов так же, как и этносов, служит не язык, не религия, а стереотип поведения»². Но ведь стереотип поведения детерминирован характером самоуправления, а никак не наоборот. Кроме того, трудно принять тезис о том, что стереотип поведения отличается этносы по существу. Ведь в условиях формирования «открытого общества» (К.Поппер), роста глобализма, развития интеграции мы обнаруживаем тенденцию к некоторой унификации стереотипов личностного поведения. Да и не только в этом личностном плане, но и в сфере экономики интернационализации, образования, культуры конвергенции, религии (экуменизм), нравственности (толерантность), и т.д., т.е. в сфере общественных взаимоотношений. И лишь тогда, когда мы осмыслим характер и специфику именно личностного самоуправления, т.е. тот способ, каким личность в структуре конкретного этноса саморегулируется, самоуправляется и самореализуется, только тогда мы выясним и социокультурные различия, существенно влияющие на человека и от которых никуда не уйти. Казалось, что развитие интеграции и стирание национально-особенного в рамках Евросоюза доказывают факт непреодолимости современных тенденций к унификации поведения личности в любом этносе и унификацию общества вообще: единые социальные нормы, законы, условия, ценности и т.д. Но вот Франция, а за нею и Нидерланды в мае-июне с.г. отвергли общеевропейскую Конституцию и поставили факт дальнейшего существования и развития Евросоюза под вопрос.

¹ См.: Гумилев Л.Н., Иванов К.П. Этнические процессы: два подхода к изучению// Социс.1992. №1 С.53.

² Там же. С.24.

Почему? Не потому, ли, что чиновники из Страсбурга попросту проигнорировали специфику самоуправленческой определенности в сфере экономики и культуры хотя и в соседних, но таких разных странах, не сделали ничего для того, чтобы сохранить и выявить конструктивный потенциал такой специфики? То, что сегодня обнаруживает себя на уровне этносов и государств, коренится прежде всего в личности и должно быть выявлено при научном анализе ее базовой структуры. В этом смысле необходимо осмысление в первую очередь праксиологических и аксиологических характеристик, детерминирующих генезис личностного самоуправления. В структуре аксиологических детерминант также, как и в структуре праксиологических детерминант самоуправления, можно выделить два вида параметров: параметры–качества и параметры–факторы. Среди аксиологических параметров–качеств, детерминирующих способность личности к эффективному самоуправлению можно назвать традиционализм, трудолюбие, патриотизм, гражданственность, социализированность, самосознание, ответственность. Наряду со многими другими аксиологическими параметрами, свойственными в целом также и процессу управления, данные параметры в отношении личностной самоуправляемости образуют уникальную иерархию. Этими детерминантами, а именно, их субординацией и определяется национальный характер личностного самоуправления. Какие бы иные качества мы не взяли, будь то темперамент или ценностная ориентация, они никогда не будут уникальными. «Уникальная будет структура, взаимная компоновка характерологических особенностей нации»¹. Но вместе с тем нельзя согласиться с мнением о том, что «все элементы, входящие в эту структуру, являются общими»². В таком случае незачем было бы изучать некий национальный «генетический», «цивилизационный» или «информационный» коды. А именно этим и занимаются многие зарубежные³ и отечественные⁴ исследователи, которые выявляют и примеры «выпадания» из структуры ценностных детерминант определенных характеристик.

¹ См.: Шаталова Н.И. Трудовой потенциал работника. М.: Юнити, 2003. С.153.

² Там же. С.154.

³ См.: Тоффлер Э. Третья волна: Пер.с англ.М.:АСТ, 1999. С.92–116.

⁴ См.: Платонов О.А. Русский труд. М.: Современник, 1991; Солоневич И. Дух народа//Наш современник, 1990. №5. С.165.

В самом деле, если признать что у любого этноса и во все времена характерными признаками, детерминирующими социокультурную самобытность в сфере личностного самоуправления были такие черты, как искренность, открытость, гуманность, человечность и т.д., то надо вообще закрыть глаза на феномен «византизма» или историю фашизма. Воспринимать, к слову, фашистскую социальную политику и даже некоторую благотворительность в период существования третьего рейха за подлинный гуманизм, что предлагает О.Ю.Пленков¹, было бы точно так же наивно, как и называть доноительство и сексотство, имевшие место во времена сталинизма, любовью нашего народа к государственной власти. Тогда чем же определялась эффективная личностная самоуправляемость людей в тех экстремальных условиях? Нельзя же всерьез отрицать ее наличие хотя бы у части общества. К.Альдерфер, например, считает, что подобные деформации связаны с подавлением потребностей высшего уровня (в системе А.Маслоу) потребностями низшего уровня (физиологическими) в первую очередь². Но вопрос о том, почему происходит такая деформации потребностей личности, остается у него без ответа. Л.Гордон, в свою очередь, выдвинул тезис о том, что такая деформация связана с необходимостью адаптации личности к внешней среде, тем самым обратив внимание на то, что самоуправление в контексте адаптации подменяется внешними воздействиями, неблагоприятной внешней средой³. Инстинкт самосохранения как физиологическая потребность однако не объясняет нам факт деградации и деформации самоуправления личности и его подмены манипулированием. Ведь конфликт между «Я» и «внешним миром» отнюдь не означает априорный отказ от личностного самоуправления. Возможен и иной, альтернативный сценарий развития, когда личность, овладев процессами самоуправления, оказы-

¹ См.: Пленков О.Ю. Третий Рейх. Социум Гитлера (очерки истории и идеологии). СПб.: Нева, 2004. С.86–117.

² См.: Alderfer C. Existence, Relatedness and Growth: Human needs in Organizational Settings. The Free Press. 1972. p.54–66. См. так же: Стожко К.П. Экономическое сознание. Екатеринбург: УрГУ, 2002. С.67–68.

³ См.: Гордон Л. Область возможного: варианты социально-политического развития России и способность российского общества переносить тяготы переходного времени. М., 1995. Ч.2.

вает эффективное внешнее воздействие—управление и на сам окружающий ее мир. Как справедливо подчеркивают И.А.Васильев и М.Ш.Магомед-Эминов, здесь необходимы не толерантность, пассивность, покорность личности, а активность, природа которой связана с «выходом человека за пределы ситуации», «с постоянным преодолением самого себя»¹. Активность есть не просто социальное движение и развитие, а конструктивное и прогрессивное развитие личности. Следовательно, не с адаптацией, не с приспособленчеством, не с мимикрией необходимо связывать самоуправление, а именно, с социальной активностью личности. И здесь мы подходим ко второму основополаганию личностного самоуправления как сущего, а именно к его активной динамичности. Известно, что противоположные стороны диалектического противоречия (а в контексте нашего анализа такими противоречиями могут быть приняты самоуправление—управление, инициативность—безынициативность, активность—пассивность, динамика—инертность), воздействуя друг на друга и обуславливая друг друга, изменяются. Они не только различны, но и неравнозначны. Так, если мы возьмем процесс управления, когда один социальный субъект управляет другим, то степень такого различия и такой неравнозначности со временем только усиливается. Между работником—исполнителем и управленцем—менеджером возрастает степень различия (не только в области выполняемых ими функций, объемах работ, уровнях доходов, но и в аспекте социальной активности). В предельном случае может возникнуть феномен отчуждения. В случае же развития личностного самоуправления степень исходных различий, мера стартовой неравнозначности различных детерминант наоборот «снимаются», стираются, нивелируются. Самоуправляемая личность в той же мере превращается в личность целостную и гармоничную, в какой она осваивает процесс самоуправления, самореализуется в контексте данного процесса, проявляет собственную позитивную социальную активность. Сегодня принято выделять четыре группы качеств, определяющих социальную активность: первая группа — качества ума, знания, умения, способность нестандартно

¹ См.: Васильев И.А., Магомед-Эминов М.Ш. Мотивация и контроль за действием. М.: МГУ, 1991. С.130-132.

мыслить, изобретательность, творческая самостоятельность; вторая группа – поведенческие качества – инициативность, предприимчивость, коммуникабельность, внутренняя дисциплина, способность принимать нестандартные решения, рисковать и нести ответственность за результаты деятельности; третья группа – природные качества: хорошее здоровье, рационализм, высокая работоспособность, быстрота реакции и т.д.; четвертая группа – способность интегрировать людей, объединять их для решения общей задачи, доминировать. Однако, очевидно, что не все из заявленных качеств определяют позитивную социальную активность и тем более не все из них детерминируют личностное самоуправление, а в еще большей мере эти возражения относятся к его эффективности. Скорее можно сказать, что это лишь общий набор возможных качеств, которые предлагает современная наука и которые, в общем и целом, необходимы для активности как таковой, но не непосредственно для эффективного личностного самоуправления. В самом деле, качество доминирования не обнаруживает себя в аксиологической структуре личностного самоуправления, поскольку здесь ни одного из «Я» в системе «Я–Я» не доминирует. Доминирование одного из двух «Я» можно было бы рассматривать как раздвоение личности, а это – болезнь. Качество коммуникабельности также обнаруживает себя лишь в системе «Я – внешний мир», но не в системе «Я–Я». Это связано с тем, что коммуникабельность как умение налаживать связь, отношение, предполагает двух субъектов. Все это свидетельствует о том, что активность есть лишь самое общее условие для формирования способности к личностному самоуправлению и не более того. Но сам генезис личностного самоуправления как раз и связан с предварительной размытостью ценностных ориентаций рождающейся личности и ее часто интуитивным стремлением найти такую их совокупность и субординацию, при которой она смогла бы эффективно управлять прежде всего сама собой (самоуправляться). А это означает, что в начальной фазе формирования личности, фазе ее индивидуально–природной самости, когда личность еще не есть продукт социального развития, еще не является отражением социальных отношений, когда человек есть только персона, которая только начинает осваивать социальное пространство, мы обнаруживаем неравномерность и неравнозначность лич-

ностного состояния: с одной стороны, ребенок, учащийся, подросток крайне зависимы от других людей (родителей, педагогов, опекунов и проч.), с другой стороны, они развиваются очень стремительно, страстно желают «повзрослеть», стать самостоятельными и часто проявляют внешнюю, искусственную мнимую самостоятельность (феномены раннего взросления, когда ребенок участвует в общественно полезном труде, или социальные деформации в виде употребления детьми и подростками алкогольных напитков, табачных изделий, распространения детской проституции). В таком неравновесном диалектическом противоречии очевидным отказом обнаруживается импульс, устремленность даже еще незрелой личности к освоению механизмом самоуправления. Что же говорить о зрелой личности, вполне осознающей свои потребности и интересы? Неоптимальная субординация содержательных компонентов и детерминант личностной самоуправляемости постепенно, по мере развития личности, эволюционирует в сторону координации и оптимизации. Тем самым личностное самоуправление как сущее обнаруживает себя уже на самых ранних стадиях личностного развития и, как правило, динамично развивается в сторону социальной эффективности. Примеры девиантного и деликвентного поведения все-таки исключение из правила, социальные отклонения. И здесь, на зрелых фазах генезиса личностного самоуправления, основополагающими являются уже моменты устойчивости и изменчивости. Но если изменчивость преобладает над устойчивостью в начальной фазе личностного развития индивида, то в зрелой фазе она становится подчиненной, тогда как устойчивость становится доминирующей. Именно на этой фазе формируются наиболее устойчивые стереотипы мышления и поведения индивида, которые впоследствии служат ему некими критериями в самоуправлении: так делала моя мама, так поступал мой отец и т.д. Неслучайно часто слышатся утверждения о том, что если в человеке до совершеннолетия не заложены определенные ценностные ориентации, то в дальнейшем перевоспитать его становится крайне трудным.

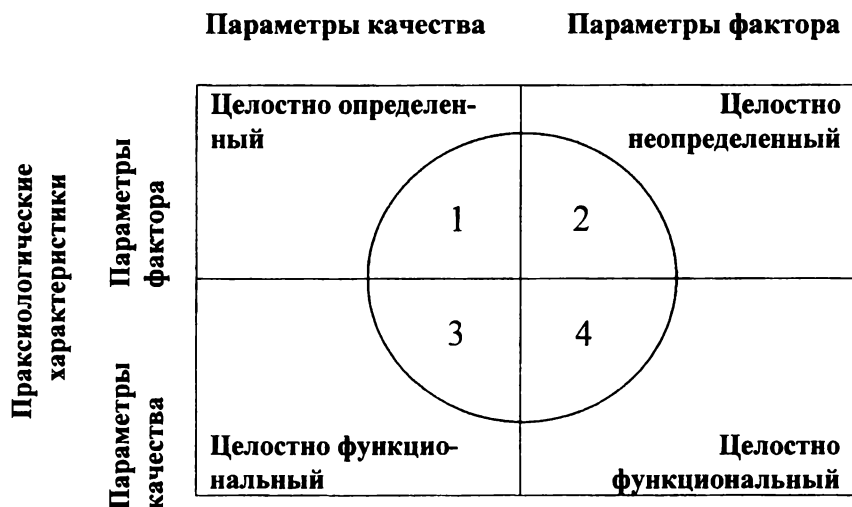
Наряду с аксиологическими параметрами самоуправление как *сущее* неразрывно связано с праксиологическими параметрами. Здесь также можно обнаружить параметры-качества и параметры-факторы. Разница между двумя видами параметров в системе

личностного самоуправления состоит в том, что параметры–качества «лежат» на стороне личности, имеют эндогенное происхождение, тогда как параметры–факторы находятся как бы вне личностного «Я» и представляют собой воздействие внешнего мира на личность, т.е. имеют экзогенное происхождение. Наиболее явными внешними параметрами–качествами являются причины и условия, определяющие генезис личностного самоуправления: функциональный выбор, наличие возможностей, социальный статус, система внешнего стимулирования, идеологическое воздействие и т.д. Эти параметры–факторы определяют и параметры–качества праксиологических характеристик личностного самоуправления: профессиональность–непрофессиональность, институциональность–неинституциональность, репродуктивность–нерепродуктивность, социальность–асоциальность–антисоциальность. Но в целом, параметры–качества отнюдь не являются простым отражением параметров–факторов. Следует помнить о том, что «у человека отражение характеризуется активностью, которая приобретает творческий характер»¹. Это означает, что параметры–качества содержательно и сущностно иная реальность, чем параметры–факторы.

Анализируя влияние и комбинаций аксиологических и праксиологических параметров–факторов и параметров–качеств внешнего и внутреннего характера на генезис личностного самоуправления, можно определить не только само социальное пространство данного процесса, но и основные архетипы личностного самоуправления:

¹ См.: Бессонов Б.Н. Актуальность марксизма. Перспективы социализма. М.: РГУК, 2004. С.86.

Аксиологические характеристики

Очевидно, что в данной онтологической матрице возможны строго определенные комбинации параметров. Это свидетельствует о третьей характеристике генезиса личностного самоуправления как *сущего*, а именно о его историческом характере. Известно, что противоположные стороны диалектического противоречия (а в нашем случае противоречия в процессе становления и развития личностного самоуправления) переходят друг в друга и в иные формы. Диалектика такого перехода есть проблема соотношения реального, т.е. актуального и возможного, т.е. потенциального. Развитие личностного самоуправления в контексте человеческой жизни всегда идет от возможного к действительному и

от действительного к возможному. Каждая из противоположностей, будь то устойчивость и изменчивость, тождество и различие, информированность–неинформированность, замкнутость или коммуникабельность, наличие опыта или его отсутствие, в своем полном развитии превращается в свое другое. Так, коммуникабельность связана с накоплением усталости от общения и поиском одиночества, уходом от общения. Замкнутость наоборот толкает личность к общению, порождая дефицит эмоций, чувств, информации. Переход одних состояний в генезисе личностного самоуправления в другие свидетельствует о том, что различие противоположностей здесь не является абсолютным. Но это объясняется не только тем, что противоположности текучи, связаны переходами, могут изменяться под воздействием изменяющегося внешнего мира, детерминирующего генезис личности в целом. Это связано и с тем, что сама личность изначально есть *tabula rasa* – открытая книга, страницы которой сердце и ум человека заполняют необходимыми смыслами по мере того, как они сами эти смыслы осваивают. Работа со смыслами, о которой писал В.С.Соловьев, в этом плане есть работа над собой, самонастройка, осуществляемая в контексте преемственности и обновления. «Вследствие способности к сознательному размышлению, к рефлексии человек подвергает суждению и оценке все фактические данные своей внутренней и внешней жизни»¹. В качестве основополагающих характеристик генезиса личностного самоуправления данные понятия отражают исторически преходящий и одновременно исторически и социокультурно вполне определенный тип данного процесса. Так, абсолютизация преемственности и непрерывности в генезисе личностного самоуправления порождает иллюзию о достаточности традиционализма и консерватизма для обретения эффективных социальных качеств личности. С другой стороны, идеализация обновляемости, увлечение модернизацией и инновационностью ведут к отрыву от накопленного опыта прошлого, который не воспринимается личностью и тем самым предопределяют неэффективный характер личностного самоуправления, а порой, и неспособность личности к самоуправ-

¹ См.: Соловьев В.С. Спор о справедливости/Сочинения. М.: Эксмо–Пресс, 1999.С.53.

лению. В социальной онтологии проблема генезиса личности есть прежде всего проблема ее саморазвития точно так же, как история сущего есть саморазвитие этого сущего, конкретного единства самовоспроизводства человека и его самообновления, самосовершенствования.

В этом смысле, как условие самосовершенствования человека, личностное самоуправление представляет собой безусловную и определенную социокультурную направленность в развитии личности. В рамках генезиса личностного самоуправления эта направленность обнаруживает себя и динамически, в фазах созревания, формирования и зрелости личности, и качественно, в плане адекватности или неадекватности поведения личности, проявлениях ее внутреннего «Я». Собственно говоря, личностное самосознание, по которому мы можем судить о конкретной ступени в генезисе личностного самоуправления, как раз и проявляется в различных модусах внутреннего «Я»: актуальном (как видит и оценивает личность саму себя); компаративном (как она видит и оценивает себя по отношению к начальным этапам своего саморазвития); идеальном (каким она хотела бы видеть себя); перспективным (какой она может стать в реальности, а не в мечтах); прямозеркальном (как ее оценивают благоприятные контактные аудитории); кривозеркальном (как ее оценивают недоброжелатели). И здесь мы обнаруживаем существенное отличие самоуправления и саморегуляции личности. Помимо того, что саморегуляция выступает в отношении к личностному самоуправлению как частное к общему, саморегуляция направлена не на воздействие и изменение соотношений, взаимосвязей между личностью и внешним миром (природой, обществом), а на самое себя, т.е. на внутреннее «Я». Самоуправление есть более комплексная характеристика социальной онтологии, поскольку здесь речь идет не только о системе «Я–Я», но и о системе «Я–внешний мир». И хотя система «Я–Я» остается приоритетной, но она никоим образом не изолируется от второй системы. Больше того, самоуправление как раз и необходимо человеку для того, чтобы обрести не только внутреннюю гармонию и не для того, чтобы уйти от мира (впасть в транс, стать монахом, войти в состояние *сатори* и проч.), а чтобы посредством внутренней гармонии гармонизировать и свои связи, отношения с внешним миром, обрести в них самое себя. И

здесь вспоминаются слова из Екклезиаста, которые можно перефразировать: «толку в том, что ты обретишь самого себя, но потеряешь весь мир». Ведь плохо само по себе не то, что «обретишь весь мир, но потеряешь себя» (религиозная версия), но и то, что можно потерять и свою родовую сущность, которая состоит в способности этот мир творить и созидать¹. Самоуправление как базисное основание формирования и развития личности как раз и нацеливает ее на творчество, созидание, на такую гармонию, сизигию, равновесие между «Я» и «Мы», которые позволяют личности реально, не эфимерно «обрести себя в мире». Тем самым личностное самоуправление существенно предопределяет все поведение личности, ее отношение к самой себе и к внешнему миру. Исходя из этого можно выделить внутренний и внешний, или интенсивный и экстенсивный горизонты в генезисе личностного самоуправления. Эффективное самоуправление как раз основано на сочетаемости этих горизонтов, когда личность способна и готова управлять своими желаниями, эмоциями, действиями не только в отношении к самой себе, но и в отношении к окружающим ее людям. Но часто бывает наоборот: человек требует от других того, что сам не в состоянии предложить: ответственности, честности, открытости, трудолюбия, прилежания. Или наоборот: он сам стремится быть честным, ответственным, гуманным, добросовестным, но прощает, закрывает глаза на отсутствие этих качеств в других. И то, и другое есть лишь частичное, неэффективное личностное самоуправление. Дело не в том, что человек формирует только самого себя, что в процессе личностного самоуправления он лично самосовершенствуется. Дело в том, что он совершенствует и окружающую его социальную и природную среду, что вне такого совершенствования он лишь уподобится окружающему его миру, зачастую просто мимикрирует, опускается и морально, и социально, и физически. Какой смысл, например, в том, чтобы сделать в собственной квартире евроремонт, но пользоваться заплеванными подъездами, любоваться мусорными свалками из окон своего жилища или постоянно бояться, что соседи тебя либо затопят, либо подожгут, либо взорвут? Ясно, что самоуправление есть расширение личностного горизонта соб-

¹ См.: *Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений.* М.: Гослитиздат, 1956. С. 566.

ственного горизонта собственного бытия, есть осваивание и освоение мира, есть способность его, этот мир преобразовывать. Но не на условиях самотека, конъюнктуры или действия внешних сил, а на условиях устремленности к самосовершенствованию.

Именно силой примера, силой собственного духовного видения формируется подлинное а не мнимое лидерство, подлинная, а не показушная креативность и наиболее эффективный тип власти, основанный не на диктате и произволе, а на авторитете, уважении и признании. Здесь мы вправе говорить о мобильности самоуправленческой функции, которая, будучи изначально нацеленной на саму личность, подобно огромному магниту, вовлекает в свое силовое поле объекты и субъекты внешнего мира. И здесь не идет речь о перерастании самоуправления в управление, поскольку такое «перетекание» не строится на принципах контроля или ответственности внешних субъектов и объектов перед конкретной личностью. В данном случае мы вправе говорить о мобильности в плане расширения эффекта личностного самоуправления, его огромном «заразительном» влиянии (в лучшем смысле этого слова) на всех. Если в вашем подъезде живет прекрасный человек, известный артист или художник, ученый или космонавт, вы невольно начинаете гордиться фактом соседства с такой личностью и в чем-то даже пытаетесь если не подражать ей, то хотя бы соответствовать данному обстоятельству. Живя в доме, где все жильцы в далеком прошлом получали квартиру через отдел культуры партийного горкома, вы обнаруживаете, что не только лестничные площадки, но даже дворы существенно отличаются от тех, которые числятся за жильцами из бараков, люмпенами и маргиналами. Это очевидное свидетельство того, что личностное самоуправление обладает определенной экстравертивной мобильностью и способностью возвышаться до коллективного самоуправления. Именно так и формируется коллективное самоуправление. Бессмысленно ждать коллективного самоуправления в социальной среде, участники которой не имеют способности к личностному самоуправлению. Но было бы наивным предполагать, что мобильность и «перетекание» самоуправления с личностного уровня на уровень социальных общностей осуществляется стихийно и самотekom. Здесь необходимы определенные комбинации

и условия, анализ которых, однако, выходит далеко за рамки предмета нашего исследования.

Однако, здесь важно отметить, что будучи открытой системой, личностное самоуправление, детерминируемое параметрами–качествами и параметрами–факторами, выступает ничем иным, как способом социального регулирования жизни человека и общества. В самом деле, личностное самоуправление, взятое в своей абстрактной форме, есть регулирование жизни всех и каждого. В то время, как управление, о котором написано столько книг, является лишь регулированием деятельности других, самоуправление есть регулирование самого себя и через себя всех. И в этом смысле личностное самоуправление хотя и есть специфическое, но выступает именно в качестве социального регулятора универсального. Подобно тому, как соль или перец есть лишь приправа к блюду, регулирующая его вкусовые качества, и либо соблазняющая едока, либо отвращающая его от употребления данного продукта, личностное самоуправление есть социальный регулятор универсума, без которого сам универсум превратился бы в хаос. Тем более удивительно то обстоятельство, что увлекаясь проблемами внешнего управления, т.е. менеджмента в его классическом понимании, современная наука так мало места оставляет личностному самоуправлению. Пожалуй, лишь социальная психология к настоящему моменту наиболее обстоятельно анализирует данную проблематику. Но социально–философский аспект такого регулирования также является крайне актуальным, особенно в условиях переходных периодов, социальных парадигм, трансформаций, модернизаций и реформирования общества. Социальный универсум, если брать данное понятие в узком смысле слова (поскольку в наиболее общей трактовке универсум есть космос) не может развиваться стихийно потому, что тогда теряется смысл существования самого человека. Будучи лишь пешкой в игре внешних сил, мотыльком или даже «летающей улиткой» (термин С.Лема), человек никогда в таком случае не поднимется до уровня творца, созидателя, строителя своей жизни, всегда будет оставаться в фатальных координатах собственного бытия. Он всегда будет апеллировать к судьбе, року, ананке, если он не научится саморегулированию, самоуправлению, самокоординации, самонастраиванию. Личностное самоуправление как ключ-

чевой момент всех ипостастей самости есть действительно социальный регулятор. И в качестве такового он представляет собой двуединое целое. С одной стороны, это понятие большой общности, применимое, однако, только к миру живой природы, к социальной среде. Хотя существуют регуляторы и в неживой природе, а также в биогеоценозе, социальное самоуправление есть специфическая характеристика общества, есть конкретизированная характеристика личности даже есть предикативное свойство человека как индивида. Социальный регулятор есть то, что упорядочивает общество, придает ему определенность, задает характер его процессуальности. Вместе с тем, социальный регулятор есть то, что определяет и личностное развитие, придавая ей характер прогрессивного саморазвития. Личностное самоуправление есть результирующее свойство сознания и самосознания, мышления и социальной рефлексии человека, чего лишены напроць иные живые существа. При этом личностное самоуправление в контексте социальной онтологии обладает определенной двойственностью. С одной стороны, это понятие близко к понятию социального закона, поскольку обладает признаками устойчивости, повторяемости, существенности, субъектности и объективности в структурах и процессах социальных систем. И в этом смысле личностная система или общественная система не только не отрицают, но и предполагают самоуправляемость, тогда как все иные системы характеризуются лишь саморегулируемостью и определенной замкнутостью, автаркией (вспомним хотя бы о круговороте воды в природе или о естественном отборе видов). Это – объективная сторона в содержании данного понятия (личностного самоуправления). С другой стороны, в данной научной дефиниции фиксируются определенные способы и средства упорядочения социальных систем, а значит, кодифицируется вес процесс превращения индивидов в общество. И это происходит через посредство формирования личности.

Социальное пространство и время данного процесса задается не генотипом, не хромосомным кодом, а в первую очередь личностным самоуправлением, которое проявляет себя в процессах обучения, воспитания, наставничества, трудовой практики, ответственных поступков, конструктивном действии. Нельзя рассматривать личностное самоуправление как нечто, существующее вне

нас. Одновременно нельзя рассматривать его и как то, что существует исключительно в нас самих. И в этом смысле личностное самоуправление есть не какое-то гениальное изобретение человечества и не какая-то внешняя сила природы, а конкретный результат развития биосоциальной сущности человека, возникающее и становящееся эффективным на стадии гармоничного синтеза био- и социо- в личности. Доминирование социо- над био- или био- над социо- есть лишь деформация личности, лишаящая самого человека не только всего богатства, всех красок, всей полноты жизни, но и превращающая его либо в аскета, либо в скота. В процессе эффективного личностного самоуправления личность вырабатывает определенные нравственные и правовые нормы, соотносясь с внутренним «Я» и внешним миром. А это уже есть само по себе социальное творчество. Следуя различным обрядам, традициям, обычаям, процедурам, личность часто создает и свои собственные, которые затем могут быть восприняты другими людьми. И в этом также есть фрагмент социального творчества. Личность точно так же может задавать ритмы, темпы социальной жизни, как и социальные общности: профсоюзы, политические партии или общественные движения, союзы потребителей или филателистов. Разница состоит только в том, что «перетекание» самоуправленческого потенциала и его реального эффекта из системы «Я-Я» в систему «Я-Мы» осуществляется тогда, когда личность обладает креативным потенциалом, не утрачивает, а развивает его по мере собственного развития. Простой отказ от традиций, обычаев, опыта прошлого есть обскурантизм и самый элементарный нигилизм, которые не предлагают такого позитивного «перетекания». И здесь нет и не может быть никакого созидющего регулирования. Но при этом отрицать сам факт социального воздействия пускай даже и деструктивного, со стороны социально неэффективного личностного самоуправления на системы «Я-Мы» было бы наивно. Иначе невозможно было бы объяснить распространение различных негативных процессов и явлений в обществе (начиная от панков, реперов, хиппи, и заканчивая самой элементарной уголовщиной). Личностное самоуправление есть в абстрактном смысле выработка определенного отношения человека ко всему, что его окружает. Но дальше начинается процесс актуализации этого отношения, этого самоопределения. Актуали-

зация предполагает поступки, действия, а следовательно, и социальную активизацию индивида, переход от стадии адаптации к стадии самоуправляемого проявления – действию. И здесь характер социальной процессуальности индивида существенно изменяется. Одно дело, когда индивид *в мыслях* строит воздушные замки на песке и отвергает реальность социальной жизни, и совсем другое – когда он пытается строить подобные замки *в реальности* и занимается очернительством, клеветой, разрушением. Даже тогда, когда такие замки имеют соблазнительную форму и называются «коммунизмом» или «обществом изобилия», «технотронной цивилизацией» или первобытным «эдемом», они оторваны от реальной жизни и представляют собой продукт мифотворчества именно потому, что личность не обрела в полной мере способность к эффективному самоуправлению. А значит и не стала самодостаточной. И это проявляется в тех социальных технологиях, средствах достижения цели которые личность использует: «лес рубят – щепки летят»; «цель оправдывает средства» и т.д. Всему этому соответствует мифологизированное мировоззрение индивида, не овладевшего всей полнотой способов эффективного личностного самоуправления. Это наиболее ярко проявляется сегодня, в условиях российской рыночной экономики, когда многие прежние идеи и идеалы обнаружили собственную несостоятельность. Данное обнаружение ввергает личность в конфликт: либо признать собственную несостоятельность, либо упорно двигаться дальше, надеясь на то, что все самообразуется. Нас все современные учебники по экономике, например, уверяют в том, что конкуренция есть не просто обязательная характеристика, но и безусловное благо, обеспечивающее снижение цен, рост качества продукции, а, как результат, и качества жизни. Однако, наблюдаемая в российской экономике монополистическая недобросовестная конкуренция, присущие ей методы (рэкет, логроллинг, коррупция, промышленный шпионаж, картелирование, контрафакция и т.д.) убедительно свидетельствуют об обратном, а именно о том, что конкуренция может быть и социальным злом. Следовательно, люди, которые всерьез поверили в благость рыночной конкуренции, оказались несостоятельными не только в профессиональном, но и социальном плане. Даже имея роскошные столичные пентхаусы или собственность за рубежом, они остаются изгоями

в собственной стране. И не потому, что они сами стали богатыми, а потому, что они ввергли в нищету и бедность миллионы своих соотечественников. Сегодня очевидно, что современному рыночному обществу соответствует свое специфическое мировоззрение, главным качеством которого является гипертрофированный эгоизм, прагматизм, гедонизм и индивидуализм. В системе таких координат личностное самоуправление из системы «Я-Я» не «перетекает» конструктивным образом в систему «Я-Мы», а наоборот раскалывает общество, порождает массовые конфликты и социальное напряжение. И проблема даже не в том, что необходимо создавать систему социально-ответственного бизнеса, о чем так много говорилось. Проблема в том, чтобы создать социально ответственное государство, а значит, перейти от формальной и декларативной демократии к реальному самоуправлению. А это – высший уровень самоуправления, когда общество контролирует и регулирует деятельность власти, а не наоборот.

Чтобы не впасть в редукционизм, следует признать, что общественное самоуправление не тождественно личностному самоуправлению и что общественное самоуправление не есть простая сумма эффектов личностного самоуправления. Но при всем этом именно личностное самоуправление задает тональность, ритм и динамику развития общественному самоуправлению. Если в обществе люди – рабы, то об общественном самоуправлении говорить не приходится. И здесь необходимо разводить понятия самоуправление и администрирование. В структуре личностного самоуправления нет и не может быть никакого администрирования – т.е. подчинения одного индивида другому. Самоуправление есть изменение самого себя посредством самого же себя. Администрирование есть изменение других посредством себя. При самоуправлении я добиваюсь того, что соответствует моим желаниям и удовлетворяет мои потребности. При администрировании задача состоит в том, чтобы выполняя распоряжение одного субъекта, другой субъект одновременно исполнял и удовлетворял свои потребности и желания.

Иначе он просто не будет исполнять команды, распоряжения, приказы, предписания¹.

¹ См.: Литвак М.Е. Командовать или подчиняться? Ростов н/Д.: Феникс. 1997. С.10..

Посмотрев на систему самоуправления изнутри, можно сказать, что она есть способ самонастройки, основанной на принципах добровольности, осознанности, самостоятельности, тогда как администрирование строится на принципах принудительности, зависимости, регламентации. Так, самоуправление супругов в семье означает взаимную добровольную и самостоятельную координацию их поступков с тем, чтобы не только сохранить семью, но и личностные отношения в ней. Администрирование в семье превращает ее в ад.

Это рассуждение, взятое в качестве примера, доказывает, на наш взгляд, что опыт нашего тоталитарного прошлого может быть преодолен лишь на основе всемерного развития личностного самоуправления, поощрения, инициативы, социальной активности, сопряженной с социальной ответственностью, личностной самодисциплины, определяемой доверием, творческой деятельности, свободной от бюрократических предписаний и чиновничьего произвола. До такой социальной онтологии в нашем обществе пока довольно далеко, она относится лишь к категории возможного. Но в этом направлении надо двигаться, поскольку именно в этом направлении и состоит главный долгосрочный диахронический тренд не просто цивилизованного, а подлинно социокультурного развития самого человека (саморазвития личности).

§ 3. Развитие творческих способностей в процессе личностного самоуправления

Необходимость исследования вопроса о самоуправлении личности, прежде всего в рамках ее трудовой деятельности, обусловлена потребностями практики в формировании нового типа экономического мышления, экономической психологии и хозяйственного поведения работников. Говоря о новом типе экономического мышления, хозяйственного поведения личности, следует иметь в виду, в первую очередь, объективный характер возрастания значения творческих способностей личности. Если репродуктивная способность сама по себе выступает лишь как воспроизводственная, способствующая механическому воссозданию или восстановлению определенных предметов и объектов трудовой деятельности, то творческая способность как таковая есть изобретение, создание принципиально нового, возвышение над репродуктивностью, есть новаторство. Самоуправляющаяся личность тем и отличается от личности, не обладающей этими качествами, что склонна к творчеству, новаторству и способна к реализации этих качеств. Будучи своеобразным структурным элементом экономико-правовой и профессиональной деятельности работника, творческая активность и формирующиеся в процессе ее разворачивания творческие способности личности одновременно являются и продуктом духовно-нравственной жизни личности, несут на себе безусловные следы ценностной ориентации человека.

Трудовые усилия, как отмечал еще А.А. Богданов, «отличаются двумя чертами: социальностью и пластичностью»¹. Действительно, в труде человек связан с другими людьми, вступает с ними в совершенно определенные отношения: производственные, административные, организационные, юридические, межличностные и пр.

Индивидуальный труд надомника или репетитора также не является исключением. Взятый же совершенно изолированно, человек бессилен в труде, он лишен тех эмоций, переживаний, информации, технологий, материальных условий, без которых труд

¹ См.: Богданов А.А. Методы труда и методы познания // Русская философия. Конец XIX– начало XX веков. СПб., 1993. С.479.

осуществляться не может.

В свою очередь, все, что человек получил и накопил в процессе своей трудовой активности и деятельности, обладает свойством «пластичности» или эластичности, т.е. своеобразной мимикрией по отношению к аналогичной деятельности прошлого. Труд порождает не только все новые и новые этапы в общении между людьми, но и новую культуру и технологии. Это уже нельзя назвать репродуктивной активностью личности, поскольку в результате трудовой активности и трудовой деятельности, являющимися социальными по существу, возникают принципиально новые социальные технологии.

Прежде всего, следует обратить внимание на то обстоятельство, что при переходе от использования репродуктивных способностей к творческим существенно изменяется сам тип личности работника и те формы его деятельности в рамках которых проявляются различные аспекты способностей к самоуправлению. Так, при формировании и «включении» творческих способностей личности в сфере хозяйственной, экономической деятельности, наемно-исполнительский труд дорастает до предпринимательства, которое есть ведение дела самостоятельным образом на свой страх и риск. То же происходит в процессе образования человека, когда переход к творческим способностям и опора на них позволяют заниматься самообразованием. Аналогично обстоят дела и в иных сферах человеческого бытия. Творческие способности личности, формируемые в процессе его трудовой активности, как мыслительной, так и внешне-материальной, выступают таким образом совершенно определенным параметром, отделяющим исполнителя от творца, художника от рисовальщика, композитора от тапера и т.д. Конечно, в той мере, в какой степень развитости творческих способностей в человеке выше, он сам становится отчасти автором и творцом. Переходные, промежуточные формы характеризуют процесс социального взросления личности. Но самоуправление как определенная качественность есть не просто совокупность профессиональной, правовой, экономической активности, а творчески активная, созидаящая личность, обращенная к совершенному, духовно высокому, стремящаяся жить и творить по нравственным законам, в пределах кантовской

идеи о «звездном небе над всеми и нравственном законе внутри нас».

Нельзя, думается, рассматривать репродуктивные и творческие способности личности в отличии друг от друга, поскольку они объективно присутствуют в личности и различные их комбинации мыслимы лишь благодаря их объективной необходимости.

Становление личностного самоуправления означает возрастание роли творческих способностей человека в процессе его жизнедеятельности.

Вопрос о стремлении человека к творчеству особое свое развитие и решение получает в процессе трудовой деятельности. Следует заметить, что вопрос о творчестве в труде – это вопрос о культурном самовоспроизводстве человека. Воспроизводство, как известно, может быть простым, суженным и расширенным. Если суженное воспроизводство встречается крайне редко и в философской и теоретико-экономической литературе дискутируется даже сам термин, то простое и расширенное воспроизводство – традиционные категории. Но что подразумевается под расширенным воспроизводством? Начиная с Ф.Кенэ, положившего в своей знаменитой «Экономической таблице» начало воспроизводственному подходу в анализе трудовой и хозяйственной деятельности человека, под расширенным воспроизводством подразумеваются исключительно количественные показатели. Так, в «Капитале» К.Маркса постоянно речь идет о расширенном воспроизводстве самой рабочей силы, т.е. не только о росте численности пролетариата, но и о расширенном производстве производственных отношений, т.е. о расширении социального пространства, в котором они действуют и вовлечении в сферу их действия новых отрядов работников, а также о расширенном воспроизводстве совокупного общественного продукта, т.е. материальных благ. Ни о духовных благах, ни о нравственных ценностях применительно к капиталистическому производству классики марксизма – ленинизма в своем анализе воспроизводства речь не вели, фактически отрицая саму возможность личностного самоуправления при капитализме. Исходя из этой логики, В.И. Ленин, как известно, и сделал свои выводы о наступлении «всеобщего кризиса капитализма» и об империализме как последней стадии в его развитии. Выводы оказались «несколько преждевременными», прежде всего из-за

методологической неполноты и социально-философской ущемленности предложенного анализа. Качественные аспекты воспроизводства человека, как личности, как социального явления, остались вне политико-экономического и социально-философского анализа. И до сих пор крайне мало исследований в области теоретической экономики, социальной философии или социальной психологии, в которых ставился бы вопрос о качественных аспектах воспроизводства человека как субъекта социального творчества.

Что же подразумевать под качеством в воспроизводстве? Применительно к самому работнику это не только рост качества его профессионализма, но и формирование его способности к самоуправлению. Можно согласиться с тем, что капитализм развращает личность морально, пробуждая в нем корысть, эгоизм, жажду наживы. Можно было бы с определенными оговорками принять известное утверждение К.Маркса о том, что «при трехстах процентах прибыли нет такого преступления, на которое не пошел бы капиталист», но это относится к духовно-нравственным ориентациям личности, а не к самой способности к самоуправлению. Другое дело, что при капитализме становление личностного самоуправления может быть менее динамично, органично. Частнособственнические инстинкты и исходная гедонистическая мотивация действительно существенно затрудняют становление эффективного личностного самоуправления и гармонизацию человеческой личности. Неслучайно многими отмечается такой феномен, как щедрость, бескорыстие, добросердие, взаимопомощь в среде бедных людей и откровенная жадность, скопидомство, доходящие до цинизма в среде более или менее имущих граждан. «Мы не настоль богаты, чтобы плодить нищету», – заявляют представители некоторых вполне обеспеченных семей.

Утверждать, что в рамках современной рыночной экономики и капитализма прошлого становление личностного самоуправления также нет, значило бы грешить против исторической правды. А она свидетельствует о двух фактах: во-первых, современная рыночная экономика оказалась во многих отношениях менее прогрессивным социально-экономическим устройством, чем не только средневековый феодализм, но и тот казарменный социализм, который был создан в социалистических странах; во-

вторых, она иллюстрирует, что личностное самоуправление сегодня разрушается и повсеместно заменяется манипулированием личностью и бюрократическим управлением. Поэтому хотя качественное воспроизводство работника безусловно происходило и происходит в рамках рыночных систем, как свободного, так и монополистического характера, само по себе это не ведет к развитию самоуправления. В этой связи представляется уместным развести понятия капиталистического общества и цивилизации. Как справедливо пишет Г.Г. Дилигенский, «фундамент цивилизации образуют те продукты культуры, которые способны придать определенный смысл, определенную мотивацию и направленность человеческой деятельности на протяжении большой исторической эпохи, выполнять функции интеграции, интегрировать человеческую общность, превосходящую по своим временным и пространственным масштабам отдельные группы и целые общества»¹. И далее Г.Г. Дилигенский делает, на наш взгляд, вполне оправданный вывод: «Гуманизация обществ, основанных на капиталистической экономике — заслуга не капитализма, но развития человеческой цивилизации»².

Сегодня довольно часто звучит апологетика в пользу рыночной экономики. При этом забывается, что рынок не панацея от кризисов и конфликтов, а тем более не совершенный и не самонастраивающийся механизм, способный осчастливить человечество. Ключевым фактором, предпосылкой и одновременно самоцелью эффективной и полноценной экономики, основным смыслом ее существования и развития является не рынок, а человек. Если рынок не в состоянии обеспечить полной занятости, роста уровня и качества жизни, то либо модель рынка избрана для конкретной страны не верно, либо стратегия экономического развития отсутствует. В этих условиях личность только разрушается.

Творческая личность и творческий труд современным рынком не поощряются, ведь это означало бы поощрять самостоятельность и самоуправление работников. Ни о каких конкретных благоприятствующих творчеству условиях в сфере экономичес-

¹ См.: Дилигенский Г.Г. Конец истории или смена цивилизаций?// Вопр. философии, 1991. С.32.

² См.: Дилигенский Г.Г. Указ.соч. С.35.

кой и социальной политики, которые способствовали бы росту творчества в труде применительно к российской действительности, говорить не приходится. Правомерно было бы назвать современную экономику по-аристотелевски – «хрематистикой». Это не означает, что творчество в труде полностью уничтожено, просто предстоит провести существенную корректировку всей социально-экономической политики государства в сторону социализации, гуманизации социально-экономических отношений и поощрения самостоятельности и творчества в труде, развития личностного и коллективного самоуправления.

Труд «сам по себе уже есть положительная творческая деятельность»¹, что предполагает особое отношение со стороны органов власти и всего общества и трудовой личности. Это утверждение, конечно же, нельзя абсолютизировать, так как есть и механический труд, связанный с высокой долей рыночных операций, низкой фондовооруженностью и т.д.

Почему же переход к рыночной организации хозяйства не способствует росту творчества в труде, а ведет к его деградации? Прежде всего это связано с отказом от идей социального равенства. Наше общество отказалось от социализма как наиболее эффективного социально-экономического устройства, хотя социал-демократические модели социализма в западных странах, например, модели «шведского социализма», французских коммун, израильских киббуцев, муниципальной собственности в Германии, малого бизнеса в Италии позволяют делать выводы о перспективности подобной организации национального хозяйства.

В связи с этим современный человек оказался в условиях углубления и усугубления социального и экономического неравенства. С этим связана общая переживаемая нами тенденция к дегуманизации в современном обществе в целом. С этим связано и существенное торможение в сфере формирования творческих способностей личности в труде и способностей личности к самоорганизации и самоуправлению.

Существенно поменялась мотивация в трудовой деятельности. Если эта тенденция не изменится, прогнозы в области сохранения и дальнейшего развития способности личности к само-

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.46. Ч.2. С.113.

управлению могут оказаться самыми неблагоприятными. Актуализация личностного самоуправления неразрывно связана с демократизацией отношений собственности и распределения. Думается, неслучайно проблема социализации собственности традиционно рассматривалась в качестве одной из наиболее актуальных в нашей отечественной литературе¹, и в мировой.

Причем она рассматривалась как проблема не столько экономическая или правовая, сколько как проблема социальная. Рассуждая о социализации собственности, передовые мыслители предупреждали от ошибочности ее отождествления с государственной собственностью. Еще Т.Мор в своей «Утопии» писал: «При неоднократном и внимательном созерцании всех процветающих новых государств я могу клятвенно утверждать, что они представляются ни чем иным, как заговором богачей, ратующих под именем и вывеской государства о своих личных выгодах»². Аналогично рассуждал и Л.Н. Толстой³, М.И.Туган-Барановский⁴ и многие другие русские философы и экономисты.

Условие, согласно которому социально-экономическое и правовое равенство граждан является фактором развития эффективного личностного самоуправления, относится к категории очевидных и как бы «внешних». Иначе говоря, личность находится как бы в соответствующей социально-экономической и правовой среде, вне которой формирование у нее такого свойства, как самоуправление, вряд ли мыслимо. То, что в условиях неравенства некоторые люди достигают выдающихся успехов в профессиональной деятельности (науке, политике, бизнесе), не является безусловным свидетельством всеобщей развитости личностного самоуправления. Успех отдельной личности зыбок и часто эфемерен, конфликты неизбежны, а крушение, банкротство, весьма вероятны. Внешняя среда, окружающая их, такова, что основные силы уходят на борьбу за выживание, на конкуренцию, на самые обычные интриги, а не на творчество и новаторство. Многие люди знают, как подобные «усилия» убивают творчество и вместо способности к самоуправлению порождают цинизм и нигилизм.

¹ См.: Русская философия собственности. XVIII–XX вв. СПб.: Ганза, 1993.

² См.: Мор Т. Утопия. – М. Наука, 1963. – С. 218.

³ См.: Толстой Л.Н. Собр. соч.: в 20 т., 1964. Т. 20. С. 103–104.

⁴ См.: Туган – Барановский М.И. К лучшему будущему. – М.: РОССПЭН, 1996.

Именно поэтому многие отечественные экономисты полагали, что для России и русских людей более адекватны и приемлемы не конкуренция, а соборность, содружество, коллективизм в труде, кооперация и сотрудничество, а не лоббирование или бойкот. Достаточно в этой связи сослаться на теорию взаимной помощи П.А. Кропоткина¹ или концепцию собирания человечества А.А. Богданова².

Но имеются и «внутренние», глубинные факторы формирования способности к эффективному личностному самоуправлению, знание и учет которых необходимы при переходе от репродуктивных к творческим способностям. Традиционным является мнение о том, что для творчества необходимо наличие определенной суммы знаний, умений, навыков, информации, опыта. Это бесспорно.

Но представляется, что это лишь экзогенные параметры для творчества. Гораздо более важным является критическое отношение к ним, мотивированность личности, ее социализация. От этого зависит активизация в переборе вариантов в сознании и поиск оптимального варианта поведения, но куда в большей степени от этого зависит и созидание, как создание, творение принципиально качественно нового. В подборе различных комбинаций можно натренироваться на японских головоломках или обычных ребусах, точно так же, как развить эрудицию – разгадывая кроссворды. Но задача заключается в том, чтобы пробудить душевные струны, «внутреннее зрение» человека, разбудить его духовную природу для улучшения, самосовершенствования самого себя и окружающего его мира. Без творчества получаемые знания и умения «суть мертвы». Без самоуправления творчество «не включается», никакой отдельно взятый инсайт (вспышка, озарение) не превратят творчество в процесс постоянного и осознанного личностного самоуправления. Так, в фантастическом рассказе Р. Джонса «Уровень шума» психолог Барк, помогая ученикам решить проблему гравитации, говорит: «Все, что необходимо сделать – это избавиться от груза предрассудков, от окаменевшего мусора в голове, изменить произвольную настройку ваших умственных

¹ См. *Кропоткин П.А.* Этика: Избр. тр. М.: Республика, 1991.

² См. *Богданов А.А.* Вопросы социализма: Работы разных лет. М., 1990.

фильтров в отношении других вещей, которые вам всегда хотелось сделать, и тогда удастся найти нужный ответ». Чтобы не избавиться случайно от того, что не является предрассудком или окаменевшим мусором, нужны духовно–нравственные ориентиры. Но не менее важное значение имеет и технология творчества, основанная на таких ориентирах. В творчестве существует несколько методов, среди которых можно отметить метод проб и ошибок, метод мозгового штурма, морфологический метод и т.д. В основе каждого из них лежат свои «основания» и даже философские и психологические концепции. Так, в основе мозгового штурма, по мнению Г.С.Альтшуллера, лежит идея З.Фрейда, суть которой состоит в следующем: сознание человека представляет собой тонкое и непрочное наложение над бездной подсознания. В обычных условиях мышление и поведение человека определяются в основном сознанием, в котором властвуют контроль и порядок; сознание «запрограммировано» привычными представлениями и запретами. Но сквозь тонкую кору сознания то и дело прорываются темные и грозные силы и инстинкты, бушующие в подсознании; они толкают человека на нарушение запретов, нелогичные поступки. Поскольку для новаторства, изобретения, творчества приходится преодолевать психологические запреты, обусловленные привычными представлениями с возможным и невозможным, нужно создавать условия для прорыва смутных иррациональных идей из подсознания. Такова, по мнению автора, философская концепция мозгового штурма¹. С нашей точки зрения, речь идет не столько о философской, сколько о психологической концепции. Философский аспект этого и других методов в творчестве, равно как и собственно творческих способностей человека лежит, как представляется, в несколько иной плоскости, а именно – в области социальных стереотипов, правил и запретов. Более того, существуют операциональные и неоперациональные творческие способности.

Иначе говоря, у человека могут складываться в мышлении, в сознании, и в реальной механике действия как такие способности, которые он может объяснить, спроектировать, смоделировать и освоить, так и те, что находятся вне компетенции человека, при-

¹ См.: Альтшуллер Г.С. Найти идею. Новосибирск: Наука, 1986. С.23–24.

сутствуют в нем «неведомо как» и действуют произвольно, непонятно, необъяснимо. К категориям неоперациональных способностей можно отнести: интуицию, вдохновение, очарованность, влюбленность. И здесь личностное самоуправление безусловно детерминирует творчество и его характер. Важную роль играют также операциональные способности, благодаря которым разворачиваются определенные процессы творчества. Так, продуктивному, категориальному мышлению можно и нужно учиться. Этике и культуре восприятия, умению наслаждаться и многому другому человек может научиться, а тем самым стать социально компетентным. Вряд ли следует упрощать технологию формирования таких способностей, сводя всю проблему к использованию аналогий в образовательном процессе или психофизиологическому воздействию на нервные центры человека в физиологии. Очевидно, что можно десятки раз прослушать Крейцерову сонату, но при этом все-таки предпочитать оперетту, или с помощью эмоционально-смыслового обучения ускоренно привить ученику навыки разговорной речи, но навсегда отбить у него склонность к литературному слогу. Но если в ученике возникает способность к самоуправлению, к самостоятельному выбору, к самоопределению, то он перестает быть объектом социального манипулирования.

Следует также различать понятия «активизация личности» и формирование творческих способностей. Как свидетельствует анализ учебной практики, даже использование информационно-развивающих моделей или дидактических карт не является в этом отношении выходом. Нами проанализированы различные уровни учебной активности учащихся в профессиональном учебном заведении, но как следует из опыта, даже при высоком уровне активности у учащегося формируется не творческая способность как таковая, а только более или менее устойчивая потребность в формировании таких способностей, желание заниматься творчеством. Но не более того. Дидактические карты еще более сужают простор для активности учащихся, хотя отсутствие таких карт, естественно, вообще не способствует росту образовательной активности учащихся.

Использование не только названных, но и многих других приемов в образовании для формирования в человеке творческих

способностей постоянно, как свидетельствует практика, сталкивается с, казалось бы, фундаментальной, но вместе с тем и прикладной проблемой – как, с одной стороны, уберечь человека от негативного влияния окружающей его социальной действительности, а с другой стороны, все-таки сформировать нравственную личность. Это возможно «только в общественной среде и через взаимодействие с нею»¹. И главное здесь – сформировать у человека способность к эффективному личностному самоуправлению.

Именно механизм, характер и содержание такого взаимодействия индивида и общества через личность человека выступают условием социально-экономической эффективности личностного самоуправления, а шире – воспроизводства самого работника в условиях становления и развития различных социально экономических и общественно-политических систем. Общая социально-экономическая эффективность такого воспроизводства проявляется не только в социальной и хозяйственной адаптации личности к меняющимся условиям, но и в развитии многообразия самих типов работника, формируемых системой профессионального образования и самим производством. Можно, думается, утверждать, что развитие многообразия типов работников выступает как бы свидетельством многообразия самих форм личностного самоуправления.

Это, возможно, спорное утверждение, поскольку все-таки здесь не прослеживается прямой взаимосвязи между профессиональной и экономико-правовой компетентностью работника и его духовно-ценностными ориентациями. Тем не менее совершенно очевидно, что само разнообразие социально-экономических типов работника обусловлено его индивидуальными-личностными различиями в мышлении, общей гуманитарной, а не только профессиональной подготовленности, различными уровнями культуры в целом, а следовательно, и различной иерархией ценностных ориентаций. А отсюда можно сделать вывод о различных типах самоуправления. Так, работник-предприниматель и наемный работник имеют различные типы самоуправления. Исполнитель и новатор, менеджер и лидер так-

¹ См.: Соловьев В.С. Оправдание добра// Русская философия собственности. СПб.: Ганза 1993. С.165.

же различаются в типологии самоуправления. Выделяют также атакующий и обороняющийся тип самоуправления в условиях конкурентной экономики¹ и т.д. Понимая условность такой классификации социально-экономических типов работника и их личностного самоуправления, следует все-таки подчеркнуть, что в основе данной классификации лежат не только такие традиционные критерии, как уровень обобществления собственности, степень включенности в рыночные взаимосвязи, степень развитости и зрелости самих отношений собственности и содержание трудовых функций работника, но и наличие творческих активно проявляющихся способностей личности. В самом деле, могут иногда возразить, что исполнитель тоже способен проявлять творческую активность, интерпретируя, критикуя, аранжируя, даже расфасовывая или просто оформляя предметы своего труда. Нисколько не отрицая факта наличия в исполнительском труде творческой компоненты, хотя основная часть исполнительского труда весьма далека от творческого как такового, отметим лишь крайне низкую удельную составляющую творчества в трудовых усилиях исполнителей. В самом деле, наиболее виртуозные музыканты или самые талантливые рисовальщики, исполняя, повторяя уже созданные до них шедевры, постепенно достигают такого уровня мастерства, т.е. такого уровня зрелости своих репродуктивных способностей, что как бы «задыхаются» в заданной системе координат, пытаются выйти из них, дополнить своим видением, домыслить и додумать за автора. Это – естественно пробуждающееся творчество, проснувшееся в душе человека лишь благодаря определенному содержанию трудовой деятельности личности, определенному уровню трудовой активности и мастерства. Вряд ли столь уж бесспорными являются известные слова К.Маркса о том, что можно сколько угодно смотреть, как рисует художник или сочиняет композитор, но так в конце концов ни художником, ни композитором не стать. Это справедливо для ребенка, для совершенно незрелой личности. Включая наблюдение, все органы чувств, человек включает собственные «локаторы», с помощью которых усваивает и улавливает элементы и мотивы прекрасного,

¹ См.: Фостер Р. Обновление производства: атакующие выигрывают: Пер.с англ. М.: Прогресс, 1987. С.37–39, 91–92 и др.

волнующего, радующего т.е. всего, что неизбежно пробуждает в нем стремление к творчеству. Здесь – внешняя среда есть раздражитель, а временной фактор, длительность наблюдений, усилий, время общения с прекрасным – своеобразный катализатор. Поэтому тот, кто долго смотрит на прекрасные полотна гениев или слушает прекрасную музыку, ничего в ней не понимая вначале, вполне способен «пробудиться» к творчеству именно потому, что он понимает не разумом, рассудком, а слушает сердцем, душевными фибрами. Соединяя эту еще пассивную, хотя крайне важную, функцию с трудовой, с первыми попытками сделать также, сделать лучше, человек начинает творить. Любой ученик музыкальной школы, нормально усвоивший азы сольфеджио и технику игры, сам практически в обязательном порядке сочиняет музыку. Огромное количество людей, в которых проснулась тяга к поэзии, сформировалось увлеченность ею или даже самое обыкновенное равнодушие, даже критическое, в детстве и юности, сами сочиняют стихи. Потом, в силу отсутствия постоянной практики, дефицита времени, загруженности и психической зашлакованности все куда-то уходит. Остановить и продлить эти процессы утраты детского творчества, которое есть самое яркое свидетельство органической склонности к новаторству и самовыражению, поощрить процессы творческого отношения ко всему окружающему миру является важнейшей задачей образования. Необходимо учить не только навыкам и умениям. Нужно понять, что образование не исчерпывается научением и воспитанием. Важную роль в структуре педагогики и образования играет поощрение, поддержка творческих склонностей. Как часто педагог не может развить эту склонность профессионально или даже не воспринимает ее, не будучи профессионалом в конкретной области ее проявления, и как редко педагоги, особенно в системе профессионального образования, поощряют эту «душевную вольницу», этот дух бунтарства, не боясь ни за свой престиж, а точнее, имидж педагога, ни за ребенка, который подобно джинну «вырвался» из крепких рук муштрующего учителя. Таким образом, на наш взгляд, именно в приобретении способности к эффективному личностному самоуправлению и «закодировано» творчество, но не в генетике. Исходя из генетического подхода, следовало бы признать, что

гениями рождаются, но практика опровергает это. У талантливых родителей могут быть вполне бездарные дети. И дело не в образе жизни. Ибо как тогда объяснить тот факт, что люди, ведущие нерациональный или просто социально и физиологически вредный образ жизни обладают тем не менее гениальностью и творческой способностью? Будь то Ф. Раневская, скитавшаяся всю жизнь по квартирам, бездомная, курившая папиросы и завораживающая зрителей или слушателей своей духовностью, или Э.Тейлор, употреблявшая наркотики и околдовывавшая в «Синей птице» миллионы людей, В. Высоцкий, также не брезговавший, по свидетельствам друзей, наркотиками, – все они обладали способностью к эффективному личностному управлению и умели мобилизовать свои силы, когда им это было необходимо. Правомерно связывать пробуждение творческих способностей и развитие творческой активности личности с трудом, с трудовыми усилиями, типом, характером и содержанием труда.

Вне труда нет творца, так как творение есть прежде всего труд. Именно в процессе труда формируется способность к личностному самоуправлению. Именно это делает совершенно правомерным анализ личностного самоуправления с теоретико-экономических и социально-философских позиций, поскольку на стыке теоретической экономики и социальной философии, а не психологических или демографических выкладок можно принципиально продвинуть современное знание в области осмысления проблемы генезиса личностного самоуправления.

Именно такой системно-синтетический анализ свидетельствует о том, что творчество как определенный тип трудовой деятельности развивается через труд и посредством труда. А эффективное личностное самоуправление как раз и является условием формирования подлинно социального творчества.

Итак, можно выстроить логическую цепь рассуждений: трудовая деятельность способствует формированию эффективного личностного самоуправления, пробуждает творческие способности; творческие способности позволяют компенсировать социальное неравенство и восстановить социальную справедливость. Ясно, что сами по себе творческие способности есть лишь результат трудовой практики эффективного личностного самоуправления. Даже в плане индивидуальной трудовой деятельности или

предпринимательства, проявление таких способностей лишь в тех случаях ведет в конечном счете к формированию подлинно социального творчества, когда они основаны на профессионализме, реализуются в рамках закона и базируются на духовно–нравственных ценностях общества. Тем самым мы признаем определенные детерминанты процесса личностного самоуправления. Последнее утверждение не означает необходимость исповедовать официальную мораль или обожать своих вождей. Речь идет об общественных, а не об обобществленных ценностях. Это понятия разные.

Исходя из понятия особого фундаментального значения труда в формировании творческих способностей личности, обеспечения социальной справедливости в обществе и становлении всего процесса личностного самоуправления, следует признать, что низкая занятость и рекомендации в области допущения т.н. «естественной» безработицы, как якобы мобилизующих работника на высокопроизводительный труд, есть не что иное, как завуалированное отрицание самой необходимости развития личностного самоуправления. История и практика свидетельствуют, что эффективное самоуправление и безработица, низкая занятость взаимно друг друга исключают. Рассуждения о том, что потеря работы якобы стимулирует человека на поиск более активных и продуктивных социальных технологий и сфер применения своей энергии есть не что иное, как чудовищная некомпетентность тех, кто это утверждает. Свидетельством тому является не только спад производства в ключевых отраслях экономики, затягивающийся социально–экономический кризис, но и серьезные кризисные явления в самосознании, психологии, культуре, образовании. Без обеспечения полной занятости ни о каком эффективном воспроизводстве отдельной взятой личности и ее самоуправлении говорить не приходится. Другое дело, как обеспечить эффективную занятость. Но это уже задача социальной и экономической политики, с которой современные власти пока не справляются.

Следует признать, что работающий, трудящийся человек, в котором проснулась тяга к творчеству, к созиданию, – это есть эффективно самоуправляющаяся личность, не признающая насилия, разрушения, знающая цену труду и его продукту, человеческой жизни и человеческой смерти. Творческий человек – это че-

ловека, обращенный в будущее. Это человек, о котором Р.Эмерсон писал: «В духовной жизни каждого человека наступает такой момент, когда он приходит к убеждению, что зависть порождается невежеством; что подражание – самоубийство; что человек хочет он того или нет, должен примириться с собой, как и с назначенным ему уделом; что какими бы благами ни изобиловала вселенная, хлеба насущного ему не найти, коль скоро он не будет прилежно возделывать отведенный клочок земли. Силы, заложенные в нем, не имеют подобных в природе, и лишь ему самому дано узнать на что он способен, а это не прояснится пока он не испытает себя»¹.

Испытание творчеством – самое важное в жизни личности. Одни люди заключают внутренний договор с Мефистофелем, всю жизнь остаются конформистами, творя в одном месте и вытворяя в другом. В этом случае личностное самоопределение не дорастает до личностного самоуправления. Высшая функция управления здесь принадлежит не личности, а Мефистофелю. Подлинно творческая личность есть самоуправляющаяся, созидаящая, любящая сердцем человеческая реальность, неподражаемая, по-своему, уникальная, гуманная. Выражаясь словами Д.Карнеги, это личность, которая «нашла себя и является собою»². Именно в этом и состоит онтологический смысл личностного самоуправления как *сущего*.

Подводя итог, следует сделать следующие выводы: во-первых, переход от репродуктивных к творческим способностям личности работника имеет свой совершенно определенный духовно–нравственный и социально–экономический механизм. Содержание такого механизма формирования и развития творческих способностей выступает как сочетание следующих элементов; наличие определенной суммы знаний, умений, навыков и опыта; наличие склонности к саморазвитию и самосовершенствованию; заинтересованность общества в развитии творческой личности; активная трудовая деятельность; социальное равенство; умение

¹ См.: Эмерсон Р., Эссе.Г.Торо Уолден, или Жизнь в лесу: Пер. с англ. М.,1986. С.133.

² См. Карнеги Д. Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей: Пер. с англ. М.,1990. С.586.

выстраивать оптимальную ценностную иерархию; желание следовать своим идеалам.

Творческие способности личности формируются только благодаря трудовой ее активности, а значит, и собственно экономической, хозяйственной деятельности. Вместе с тем, можно и конкретизировать социально-экономический и социально-философский аспекты такого механизма. Так, собственно социально-экономический механизм выступает как совокупность и сочетание таких элементов, как общественное разделение труда; персонификация отношений собственности; наличие добросовестной конкуренции и цивилизованного рынка; наличие инвестиционных ресурсов; цели управления, направленные на культурное воспроизводство человека и предметных условий его жизни. Все это, в конечном счете, детерминирует личностное самоуправление. С другой стороны, социально-философский аспект механизма личностного самоуправления включает в себя социальный статус личности, уровень ее самосознания, такие характеристики, как общая культура, субъективные качества, профессионализм, экономико-правовая компетентность, нравственность, определенный социальный тип характера.

При этом следует признать, что процесс личностного самоуправления строится не только под влиянием социальных, культурологических или психологических факторов, но и под воздействием политических, экономических, природных (экологических), физиологических и исторических обстоятельств.

Так, социально-психологическим аспектам анализа личностного самоуправления по существу посвящена монография М.Е. Литвака¹, анализу роли интуиции в личностном самоуправлении – работа американской исследовательницы Л.Дэй², интеллектуальным аспектам личностного самоуправления – глава под названием «Человеческие активы» Э.Брукинг³. Используя термины «самоучитель», «практическое руководство», «самооценка», «самоаттестация», «самонастройка» и т.д., эти и другие авторы фактически рассматривают различные аспекты не управления в его

¹ См.: Литвак М.Е. Командовать или подчиняться. Ростов н/Д.: Феникс, 1997. С.288.

² См.: Дэй. Л. Практическая интуиция в бизнесе: Пер. с англ. М.: АСТ, 2003. С.314.

³ См.: Брукинг Э. Интеллектуальный капитал: ключ к успеху в новом тысячелетии: Пер. с англ. СПб., Питер, 2001. С.288..

традиционном смысле, а личностного самоуправления как фактора креативности в различных сферах человеческой жизнедеятельности. Особенно наглядно это обстоятельство присутствует в известной книге М. Вудкока и Д. Френсиса, которые, рассуждая о деятельности менеджера, половину своего исследования посвятили личностному самоуправлению. Так, в качестве важнейших ограничений личной эффективности в сфере управления людьми и корпорациями они называют неумение управлять собой и недостаток творческого подхода¹. Отсюда делается вывод о том, что управление (менеджмент), как наука и эффективная практика невозможны без эффективного личностного самоуправления. Прежде чем управлять другими, необходимо научиться управлять собой.

¹ См.: Вудкок М., Френсис Д. Раскрепощенный менеджер: Пер. с англ. М.: Дело, 1991. С.42–44.

Глава II. Культура самоуправления в сфере индивидуального предпринимательства

§ 1. Культура личности как основа предпринимательского самоуправления

В последнее время все чаще встречаются исследования, в той или иной степени обращенные к личностной культуре (культуре личности). И хотя много места отводится изучению культуры власти, организационной культуре, деловой культуре, культуре труда, тем не менее культура личности остается как бы исходным пунктом для всех этих направлений в исследовании экономической культуры в целом¹. Действительно, предпринимательскую культуру освоить и исследовать вне обращения к культуре личности нельзя.

Предпринимательство, развивающееся в нашей стране, существует в трех основных видах: индивидуальное, коллективное и корпоративное. Соответственно, и культуру предпринимательства необходимо начинать исследовать, в первую очередь, с личностного уровня. Однако в нашей работе мы выделяем культуру личностного самоуправления в индивидуальной предпринимательской деятельности, что предполагает определенное философское осмысление места и значения такой культуры в общей проблематике. Культура самоуправления индивидуального предпринимателя есть частный случай всей его личностной культуры. Понятно, что последняя никоим образом не сводится к самоуправлению, хотя личностное самоуправление занимает важное место в жизни предпринимателя.

Культура личностного самоуправления для предпринимателя представляет, прежде всего, систему ценностей, которыми руководствуется предприниматель как личность и как субъект экономических взаимоотношений. Кроме того, культура личностного

¹ См.: Анциферова Л. И. Системный подход к изучению функционирования и развития личности // Проблемы психологии личности. М.: Наука, 1982; Асеев В. Г. Мотивация поведения и формирование личности. М.: Мысль, 1976; Карнеги Д. Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей: Пер. с англ. М.: Прогресс, 1990; Кузин Ф. А. Культура делового общения. М.: Ось-89, 1996; Митин А. Н. Культура управления. Екатеринбург: Уралвнешторгиздат, 2000; Шадрина С. З., Шабатура Л. Н. Экономическая культура в структуре гуманитарного образования. Екатеринбург: УрГУ, 2002; Швальбе Б., Швальбе Х. Личность, карьера, успех: Пер. с нем. М.: Прогресс. Интер, 1993 и др.

самоуправления представляет собой совокупность методов и технологий, которыми пользуется личность предпринимателя в осуществлении такого самоуправления. Наконец, культура самоуправления предпринимателя представляет собой культуру коммуникации, посредством которой каждый предприниматель как личность встраивается в общество и адаптируется в нем, адаптируя его к самому себе.

Таким образом, можно выделить ценностный (аксиологический), инструментальный (технологический) и отношенческий (коммуникационный) уровни в структуре культуры личностного самоуправления.

Осуществляя свой ценностный выбор, личность самоопределяется по отношению к базовым, исходным ценностям, которые до нее уже существовали. Идентифицируя их как ценности, т. е. блага, личность вырабатывает в себе самой собственное отношение к ним. Признавая их как блага, личность выстраивает свое отношение к ним в диапазоне от абсолютного неприятия до условного или абсолютного восприятия. Такое отношение к благам, как материальным, так и духовным, составляет как бы первую ступень личностного самоуправления предпринимателя, обретение им собственной иерархии ценностных ориентаций в сфере своей предпринимательской деятельности. Однако, поскольку на данном этапе генезиса личности предпринимателя эти ценности конкретной личностью лишь осмысливаются, но не творятся, не создаются, верифицируются и фальсифицируются, но не креативируются, возможно говорить о том, что эта первая ступень в развитии личностного самоуправления носит сугубо *идеальный* характер. При этом, поскольку ценности, в отношении которых личность предпринимателя позиционирует себя, имеют социальный характер, постольку мы можем говорить и о социальном характере данной ступени личностного самоуправления. Но эта социальность будет до определенного времени оставаться как бы вторичной и опосредованной, так как личность обретает собственную способность к самоуправлению, опираясь изначально на априорные, уже существующие ценности. Далее, переходя к технологической стадии развития личностного самоуправления, предприниматель осваивает инструментарий такого самоуправления – конкретные методы, способы, навыки, приемы. Все это

может быть названо социальными технологиями, которые также априорно уже даны ему в его хозяйственном опыте. Существовая объективно и до него, и до начала конкретного процесса выстраивания личностного самоуправления предпринимателя, такие социальные технологии также могут быть взяты в качестве аргумента об опосредованной социальности, вторичной социализированности предпринимателя. В самом деле, от того, что Р. Крузо (в известном романе Д. Дефо), занимаясь хозяйственной деятельностью на необитаемом острове, успешно применял уже полученные им ранее знания, невозможно вывести его подлинную способность к личностному, а тем более, к предпринимательскому самоуправлению. Это объясняется тем, что личность формирует данную способность только как личность, т. е. в окружении других людей, как социальная реальность, а не вырванная из нее конкретная персона отшельника. Самоуправляться по отношению к рубанку или домашним животным нельзя. Здесь самоуправление личности предпринимателя теряет всякий смысл точно также, как доход, получаемый им от своей хозяйственной деятельности, утрачивает характеристику предпринимательской прибыли, а сама хозяйственная деятельность просто перестает быть предпринимательской *по определению*.

Поэтому ключевое значение в культуре личностного самоуправления играет третий этап развития данной способности, когда личность коммуникатирует себя, т. е. формирует определенные социальные взаимосвязи, взаимоотношения с другими личностями. Социокультурное коммуникативное, осуществляемое посредством языка, символов, знаков, оценок, обобщений, суждений и т. д., представляет собой как бы живую социальность, исходит от конкретной личности, овладевающей самоуправлением и технологически, и аксиологически. Подобно тому, как сперматозоид, встретившись с яйцеклеткой, дает новую жизнь, аксиоматика (система ценностных ориентаций), вступившая в синтез с праксиоматикой (системой социальных технологий), дает подлинную социальность, характеризующую личностное самоуправление как духовное делание, как акт духотворения и одновременно как подлинную социализацию, как самореализацию личности предпринимателя.

Здесь нужно отметить, что реализация предпринимательских проектов, различных бизнес-планов или иных идей отнюдь не тождественна самореализации личности. Наши планы и проекты живут и осуществляются вне нас и в значительной мере без нас. Путать эти вещи означает путать «вещь в себе» и «вещь в ее инобытии», замысел и результат, частное и общее, условие и следствие. Если бы это было не так, то богатство, достаток, прибыль, гонорар, доход с полным успехом заменяли бы всем нам счастье, любовь, здоровье, жизнь. Но известно, что здоровье нельзя купить ни на какие деньги. Бессмертие (вечную жизнь) также не купишь за пару миллионов долларов. Это самое очевидное доказательство того, что личностное самоуправление предпринимателя нацелено не только и не столько на успех, прибыль, доход, сколько на подлинные смыслы бытия. Но именно личностное самоуправление позволяет гармонизировать ценности предельного, высшего порядка и ценности конъюнктурного, обыденного уровня. Вне личностного самоуправления предприниматель уподобляется буриданову ослу, который не мог выбрать из двух охапок сена ту, с которой можно было бы начинать утоление голода. Смерть осла – метафора, однако она не так далека от реальности. Можно назвать сотни и уже тысячи примеров такой раздвоенности предпринимательского существования, когда на фирме все прекрасно, а в семье, дома – нет, когда удовлетворение от успеха в бизнесе зачеркивается неудачами в личной жизни.

Для понимания значения коммуникативного уровня предпринимательской культуры самоуправления следует иметь в виду, что она не сводится к фактору организации (самоорганизации). Если «организационная культура – это набор наиболее важных предположений, принимаемых и получающих выражение» в действиях людей, «задающих человеку ориентиры их поведения, и действия», то самоуправленческая культура коммуникативирования есть не набор, а способ действия, не простая сумма ценностей и инструментов, а определенная их комбинация, обеспечивающая личности предпринимателя органичную взаимосвязь с другими людьми. Именно в этом случае возникает важнейший элемент

¹ См.: Виханский О. С., Наумов А. И. Менеджмент: человек, стратегия, организация, процесс. М.: Гардарики, 1996. С. 327.

самоуправления – самооценка, которая дает верные суждения. Во всех иных случаях самооценка может быть заниженной или завышенной, в зависимости от ситуации, запаздывающей или своевременной и т.д.

Искаженная личностная самооценка свидетельствует об отсутствии у личности предпринимателя способности к эффективному самоуправлению. Такое искажение есть одновременно и причина, и следствие *отчуждения* личности от общества. По мнению Г. Маркузе, «понятие отчуждения делается сомнительным, когда индивиды отождествляют себя со способом бытия, им навязываемым, и в нем находят пути своего развития и удовлетворения»¹. Однако навязывание навязыванию рознь. Известная формула о том, что «свобода есть осознанная необходимость», обращает наше внимание на то обстоятельство, что в структуре личностного самоуправления предпринимателя присутствуют такие навязанные извне нормы и установления, как законы, этика, мораль, санкции и т. п. Разве их наличие означает, что отчуждение личности становится эфемерным, сомнительным? Наоборот, личность пытается выйти из прокрустова ложа таких предписаний, проявляя собственную креативность. Нарушая или демонстрируя такие предписания, личность может делать это не обязательно грубо и антисоциально. Она может делать это и корректно, профессионально, осмысливая и используя идею о том, что «то, что не запрещено – разрешено». Личностная самооценка в той мере становится адекватной деятельности личности предпринимателя, в какой он сам научится коммуникации. Именно поэтому, на наш взгляд, умение эффективно выстраивать социокультурную коммуникацию с другими людьми выступает едва ли не главной, основной социальной предпосылкой успешного предпринимательства. Умение ладить, общаться, отстаивать свои идеи без унижения или оскорбления других, умение быть лидером или употреблять свой талант к месту и вовремя свидетельствуют как раз о такой коммуникации. Достигается этот процесс личностного самоуправления, в процессе постоянной работы над собой, своим характером, своими привычками, самодисциплиной. В более ши-

¹ См.: Маркузе Г. Одномерный человек: Исследования идеологии развитого индустриального общества: Пер. с англ. М., 1994. С. 15.

роком плане личностное самоуправление есть, на наш взгляд, особый вид труда, обращенного не на создание ценностей, новых благ вне нас, хотя и для нас, а обращенного на нас и создание ценностных свойств и способностей в нас, для нас и для всех!

Созданное предпринимателем конкретное благо, например, ваза, может кому-то нравиться, кому-то – нет. Но мужество, смелость, упорство, сила воли, честность, общительность, – эти и другие качества, вырабатываемые в процессе личностного самоуправления предпринимателя, нравятся всегда и всем именно потому, что они универсалии предпринимательской культуры, основополагающие детерминанты культуры предпринимательства в целом. И наоборот, цинизм, жестокость, неразборчивость, грубость, упрямство, – эти и некоторые другие качества отнюдь не требуют эффективного личностного самоуправления. Они относятся к низшей форме (ступени) развития психики и характера личности и не требуют культивирования. Подобно тому, как сорная трава растет на грядке без нашего вмешательства в этот процесс, но прекрасные розы требуют для своего произрастания не просто нашей заботы, а порой, и героических усилий, высшие качества предпринимателя формируются исключительно на коммуникативной стадии развития процесса личностного самоуправления, тогда как низшие свойства нашей натуры могут передаваться нам с генотипом или под влиянием улицы. Когда мы пытаемся наладить управление такими людьми-работниками без их личностного самоуправления, получается неэффективная система хозяйствования. Поэтому менеджмент не в состоянии обеспечить полноценной экономики. «Нам предстоит еще найти такие формы общественного управления хозяйством, – признает Р. Фостер, – при которых план ни в коей степени не будет сдерживать инициативы, прогрессивных технологических устремлений, научного и инженерного творчества; соревновательность не станет причиной негативных социальных явлений, замкнутости предприятий, культа технологической тайны; самоокупаемость и самофинансирование не приведут к коммерческой изоляции хозяйственных звеньев»¹.

¹ См.: *Фостер Р.* Обновление производства: Атакующие выигрывают: Пер. с англ. М.: Прогресс, 1987. С. 19.

Казалось бы, правильная постановка вопроса. Но дело в том, что она находится в неверной системе координат, когда утверждают, будто бы «ведение бизнеса сводится к трем базовым элементам: определению ценности, пониманию ситуации и реализации замысла». А дальше – больше. «Под ценностью понимается то, что нам *представляется* (выделено нами – авт.) важным для нашего существования»¹. Так, если мы считаем, что для нас не важно, что о нас думают окружающие люди, то это и не ценность. Для нас представляется не актуальным соблюдение законов – и чет с ними. Но *dura lex – sed lex* – закон суров, но он закон. М. Ходорковский, осужденный на длительный срок лишения свободы, Б. Гейтс, у которого отняли часть его бизнеса за нарушение антимонопольного законодательства, – яркие примеры того, что наши представления о ценностях отнюдь не всегда соответствуют подлинному характеру ценностей. В личностном самоуправлении как раз необходимо научиться отказываться от собственных, часто доморощенных представлений в пользу научно обоснованных. В этом состоит специализированный характер нашего мышления, отличающийся от обыденного. Тогда личность предпринимателя оказывается в условиях такого взаимодействия с другими людьми, которое можно назвать сотрудничеством. В случае отсутствия личностного самоуправления или его неполноты, незавершенности, когда он не дорастает до коммуникативного уровня, предприниматель оказывается либо в условиях нейтральных взаимоотношений с обществом, либо в условиях конфронтации с ним.

Но очевидно, что в условиях конфронтации практически невозможно заниматься успешным бизнесом. Даже в условиях нейтральных взаимоотношений с обществом, когда последнее не помогает предпринимателю ни льготными кредитами, ни своевременной информацией, ни другими способами, бизнес просто погибает. Отсюда становится понятной объективная необходимость развития сотрудничества путем развития личностного самоуправления в самом предпринимателе как субъекте хозяйственных взаимоотношений.

Содержанием развитых и культурно оформленных хозяйственных взаимоотношений становится эффективное социальное

¹ См.: Дэй Л. Практическая интуиция в бизнесе: Пер. с англ. М.: АСТ, 2003. С. 15.

взаимодействие, которое можно представить в следующих формах: товарищеская взаимопомощь, устойчивая совместная деятельность; эпизодическое сотрудничество, связанное с сезонным характером самого предпринимательства; косвенная взаимосвязь (например, через продукты труда), когда трансфер продуктами позволяет решить проблемы, возникающие при неправильной монетарной политике властей. Если же хозяйственные взаимоотношения остаются за рамками сотрудничества, то складываются совершенно иные по своему характеру формы связей: противодействие друг другу; открытая борьба, например, насильственное банкротство и т. п.

Итак, суть культуры личности предпринимателя состоит в достижении такой социальной ситуации, когда предпринимательская деятельность наилучшим способом встраивается в систему социальных взаимосвязей и обеспечивает самому предпринимателю полноценность бытия, осуществление им самого себя (самореализация). Как вид творческой деятельности предпринимательство есть деятельность культурная. Творчество и культура соотносятся как категории парные, имманентные друг другу. Творчество вне культуры остается хаотичной сублимацией. Культура без творчества превращается в фетиш и догмат. Для понимания личностного самоуправления в контексте предпринимательской культуры следует отметить, что в основе такой культуры лежит ряд условий и требований.

Во-первых, фундаментальным условием предпринимательства как творчества и культуры предпринимательства является свобода личности в выборе направлений и рода занятий, форм и методов деятельности, самостоятельность в принятии управленческих решений, обращенных как на личность самого предпринимателя, так и на других людей.

Во-вторых, фундаментальным условием предпринимательской культуры является все-таки не традиционно отмечаемая большинством исследователей ориентация субъекта предпринимательской деятельности на достижение максимальной прибыли, а адекватное, взвешенное соизмерение и сочетание всех возможных экономических и неэкономических целей, среди которых могут быть и создание имиджа предпринимателя, обретение им авторитета и уважения в сфере своей деятельности, захват опреде-

ленного сегмента рынка, накопление опыта хозяйственной практики, налаживание необходимых отношений с другими контрагентами, удовлетворение от самого процесса создания благ и т. п. О каком коммерческом успехе или о какой максимизации прибыли начинающего предпринимателя вообще может идти речь, если у него нет опыта, связей, имиджа? Часто начинающие предприниматели работают на чужих фирмах и совершенно бесплатно, в качестве стажеров, либо за очень маленькое вознаграждение, составляющее доли процента от сбыта продукции. Примеры Дж. П. Моргана¹, И. Боски² и сотен других удачливых предпринимателей XX в. это только подтверждают. Однако может возникнуть сомнение в том, что для успешного предпринимательства столь уж важна культура личности, которая в процессе предпринимательской практики должна трансформироваться в культуру предпринимательства. И уж тем более может показаться наивным представление о том, что личностное самоуправление и коммерческий успех как-то связаны между собой.

В самом деле, на поверхности социальных отношений культура и предпринимательство находятся, казалось бы, в обратной связи друг с другом. Отсюда и распространение стереотипов: «нахальство – второе счастье», «что упало – то пропало», «много не бывает – бывает мало», «хозяин-барин» и т. д. Однако в действительности подобная связь все-таки не обратная, а прямая: чем больше степень, мера культуры предпринимателя, тем больше у него клиентов, тем выше его доходы, имидж, репутация. И кажимость обратности данной зависимости объясняется тем, что связь между культурой и предпринимательством некоторые исследователи рассматривают в отрыве от долгосрочного характера предпринимательства, изолированно, дискретно, в «отсеке сегодняшнего дня» (Д.Карнеги), по принципу: «после нас хоть потоп».

Но точно также, как нельзя назвать культурным человеком того, кто однажды показал свою культуру, но в жизни постоянно ею пренебрегает, точно также нельзя назвать предпринимателем субъекта, который лишь однажды «наварил» денег, «надыбал» или «накосил» доходов. И культура, и предпринимательство

¹ См.: Байбаков А. Глобальный резервист Америки // Деньги, 2003, № 5. С. 66–67.

² См.: Байбаков А. Семейное дело Ивана Боски // Деньги, 2003, № 3. С. 42–43.

есть категории, отражающие регулярное, системное явление. Именно поэтому зарубежное предпринимательство, выйдя из фазы первоначального накопления капиталов, так много места уделяет сегодня культуре. Сошлемся здесь на мнение: нет никаких сомнений в том, что Стокгольмская школа экономики – организация подрывная. И задач у нее, кроме как вдребезги разбить иллюзию российской фазы первоначального накопления капитала, не имеется. В самом деле: всех волнует, как организовать работу, не заплатив сотрудникам или хотя бы сократив издержки до минимума, – северные же футурологи пишут, «что надо думать совершенно о другом»¹. И не просто пишут. Еще в 1973 г. в Давосе (Швейцария) на I Международном съезде предпринимателей и менеджеров был принят Манифест, в котором четко сказано, что главной целью развития современного предпринимательства является не максимальная прибыль и не минимальные издержки, а создание системы социальной ответственности бизнеса перед обществом: потребителями, иждивенцами, контактными аудиториями и т. д. Это решение полностью соответствует мировоззренческой ориентации, в соответствии с которой «не только важно, но и нужно, чтобы отдельные части социального целого совпадали в их стремлениях и идеях. Важно и нужно, чтобы каждая группа не забывала об остальных и в определенной мере разделяла их жизнь»².

Итак, социальная ответственность, основанная на правильной иерархии ценностей, оптимальной системе ценностных ориентацией предполагает доминанту духовных установок над сугубо меркантильными. Иное ведет к энтропии предпринимательской культуры и разрушению, фиаско самого предпринимательства как общественно-полезной деятельности человека.

Итак, мы можем утверждать, что:

В-третьих, предпринимательство в контексте личностной культуры предполагает ответственность за принимаемые решения и осуществляемые предпринимателем действия.

Но возникает вопрос, а каким образом такая ответственность

¹ См.: Ермилов В. Техника камлания для топ-шаманов // Деньги. 2002. № 46. С. 108.

² См.: Ортега-и-Гассет Х. Этюды об Испании: Пер. с англ. Киев, 1994. С. 49.

возникает и становится константой предпринимательской культуры? Иначе говоря, каким образом данная ответственность формируется в структуре самой личности, а затем перерастает в характеристику предпринимательской культуры?

Для ответа на данные вопросы необходимо обратиться к понятию социальной нормы. Социальные нормы определяются как «правило, требование общества к личности, в которых определены более или менее точно объем, характер, а также границы возможного и доступного в поведении человека»¹. Социально-нормативное поведение должно основываться на общественно-полезной норме и на санкции – ответственности за ее нарушение. Полезность мотивирует личность соблюдать норму, санкция предупреждает от ее нарушения. В качестве конкретных регуляторов нормативного и ответственного поведения выступают право, мораль (нравственное сознание), обычаи и традиции и т. п. Социальные нормы (политические, религиозные, гражданские, этические и т. п.) регулируют деятельность предпринимателя лишь в том случае, если личность предпринимателя идентифицирована и самоопределилась по отношению к ним. Иными словами, когда имеет место процесс личностного самоуправления. Именно поэтому формирование способности личности к эффективному самоуправлению есть условие социально-нормативного и ответственного поведения, а следовательно, и формирования самой культуры предпринимательской деятельности.

Естественно, что соблюдение норм есть лишь первый шаг на пути к культуре личности, есть лишь обретение ею статуса цивилизованности. «Цивилизация научила людей видеть свой интерес в поддержании общественного интереса»². Однако следует учитывать и то обстоятельство, что нормы меняются. Еще Э. Дюркгейм смешивал понятия постоянства и нормальности, на что указывал Г. Тард. Именно здесь, на наш взгляд, кроется одна из важнейших причин безответственного поведения предпринимателей. Ведь предприниматель, строго по выражению Й. Шумпетера, взрывает сложившуюся ситуацию покоя, стабильности, отступая

¹ См.: Пеньков Е. М. Социальные нормы-регуляторы поведения личности. М., 1972. С. 47; Социальные отклонения. Введение в общую теорию. М., 1984. С. 75.

² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 2. С. 538.

от прежних норм. Не является ли такой предприниматель безответственным? Нет, если речь идет об отказе от устаревших норм, изживших себя. Нет, если речь идет о такой форме отказа, которая замещает прежнюю норму новой, более общественно полезной и эффективной. Так, предприниматель перестает производить традиционные лекарства. Это хорошо или плохо? Если он вообще перестает их производить и перепрофилирует собственный бизнес на эксплуатацию игровых автоматов или строительства казино, то данное поведение наносит вред обществу потому, что уровень общественной полезности предпринимательской деятельности существенно сокращается. Если же вместо старых и неэффективных лекарств предприниматель предлагает производить новые и более эффективные, то общественная полезность его деятельности возрастает и, следовательно, само поведение предпринимателя строго социально ответственно.

Здесь удивительным образом выгода и нравственность, мораль и прибыль могут совпадать. Главное условие этого – гуманная, человеческая направленность бизнеса, то, что по Ф. Энгельсу, есть поддержание своего интереса в структуре общественного интереса. А это уже не психологический, а сугубо социально-философский аспект проблемы формирования предпринимательской культуры посредством особой способности личности к социокультурному коммуникативированию – способности к личностному самоуправлению.

Система самоуправления включает в себя разные фазы и этапы: идентификацию, самоопределение, адаптацию, саморегуляцию, самореализацию. На всех этапах и фазах генезиса личности, превращения и индивида из биологической определенности в социальную данность самоуправление играет важную роль. Смысл самоуправления состоит в выработке управленческих решений, обращенных не на других субъектов социальных взаимосвязей, а на себя, на саму личность. Принятие эффективных управленческих решений в отношении к самой себе гарантирует личности формирование ее как целостности, как органичной социальности, как полноценной социальной реальности. И наоборот, отсутствие самоуправления на одной отдельно взятой фазе генезиса личности или на всех этапах ее развития ведет к деформации личности, ее ущербности и незавершенности. Обладая этическим сознани-

ем, человек может быть фашистом, отправляющим других людей в газовую камеру. Не обладая этическим сознанием, человек может быть «добропорядочным самаритянином», интуитивно чувствующим необходимость добродетели и благожелательности. В любом из этих случаев мы обнаруживаем частичное социальное отклонение в силу незавершенности, неполноты самой личности. Отклонение от социальной нормы – понятие многоплановое и далеко не однозначное. А отсюда и социальная ответственность за такие отклонения может и должна быть различной: от общественного порицания до уголовной ответственности. И чем эффективнее и оперативнее такие санкции, тем быстрее внешняя социальная норма, установленная обществом, превращается во внутренний мотив личностного поведения, в детерминанту культуры личности, а затем и в детерминанту потребительской культуры, предпринимательской культуры, культуры труда, культуры управления и т. д.

В теории менеджмента обычно рассматривается такое поведение хозяйствующего субъекта, которое ориентировано на внешнюю среду (экстравертивное). Оно может быть целевым, заранее запрограммированным, запланированным, либо аффективным, спонтанным, ситуативным. Но в контексте предмета нашего исследования речь идет о поведении, ориентированном субъектом на самого себя (интровертивное), направленном на достижение личностных целей и решение личностных задач. И здесь санкция и мотивация выступают как система координат, позволяющая сформировать такое самоуправление личности, которое позволяет ей наиболее органично вписываться в социум, в систему социальных отношений. «Индивид есть общественное существо, – подчеркивал К. Маркс, – Поэтому всякое проявление его жизни – даже если оно и не выступает в непосредственной форме коллективного, совершаемого совместно с другими проявлениями жизни, является проявлением и утверждением общественной жизни»¹.

Содержанием процесса личностного самоуправления таким образом является не только самореализация личности, формиро-

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956. С. 590.

вание ее целостности и полноты, но и превращение ее в общественную реальность, обретение ею социально-онтологического статуса. Поэтому, на наш взгляд, все имеющиеся в философской литературе суждения о том, что индивид уже есть социальная реальность, представляются ошибочными. Индивид лишь потенциально может быть рассматриваем как некая социальность, для актуализации такой реальности индивид должен пройти все этапы личностного становления и обрести способность к самоуправлению. Конечным результатом такого развития человека от его индивидуальной самости к личностной сущности является культура личности, ее формирование как сущностной характеристики социального существа. Если рассмотреть личность человека по существу, в определенном структурном плане, то в ней можно выделить общие, универсальные и особенные, специфические черты. Культура личности складывается и развивается в поле общее—частное. Среди общих характеристик можно выделить те, которые присущи любому человеку как личности: сознание, мышление, темперамент, эмоциональность, здоровье и проч. Культура сознания и мышления, культура здоровья, безотносительно к мере и степени их развития, присущи каждому нормальному человеку. Но есть и специфические характеристики культуры личности, которые связаны с такими особенностями, которые характеризует лишь определенную личность, отсутствуют у остальных людей. Сюда можно отнести деловые качества, профессиональные свойства, правовую грамотность, образование и воспитание. Очевидно, что встречаются люди не просто с низкой культурой деловых качеств (минимальной компетентностью, осведомленностью и т. д.), но и вообще без таковой. Точно также в обществе существуют люди, не обладающие правовой культурой, необразованные и даже невоспитанные. В современных российских условиях, когда мы наблюдаем рост алкоголизма, наркомании, преступности, безотцовщину, бродяжничество, распад семей, рост числа безграмотных и невоспитанных людей, это становится понятным.

Поэтому первый вопрос, стоящий перед исследователем культуры личности, состоит в том, какие же общие признаки культуры личности являются константными, а какие конъюнктурными. Без здоровья человек погибает, поэтому минимальная

культура здоровья, хотя бы в виде чистоплотности, соблюдения режима питания или ухода за своей внешностью, всегда присутствует в человеке. Иное дело, когда мы обращаемся к его организаторским, деловым способностям. Поэтому в структуре культуры личности можно выделить как бы два контура: внутренний и внешний. Во внутреннем контуре находятся константные компоненты культуры, во внешнем – конъюнктурные. Ядром же личностной культуры выступает способность личности к самоуправлению. Действительно, все компоненты личностной культуры будут находиться в состоянии покоя, не осваиваться и не усваиваться человеком, в отношении их не будет происходить самоопределение, идентификация и саморегуляция, если «не включить мотор», «зажигание». Именно так рассуждает, например, Р. Уотермен, предложивший еще в 70-е гг. XX в. свою модель культуры предпринимателя. Рассматривая культуру предпринимательства исключительно в контексте устройства организации фирмы, компании, он нарисовал две граф-модели 7-К и 7-С, в которых сосредоточил наиболее важные, на его взгляд, комплексные «узлы» культуры предпринимательства. Затем, попытавшись «наложить» одну модель на другую, автор предложил комплексную модель предпринимательской культуры, которую он назвал «кольцом обновления». Он в частности писал: «Очевидно, что мотор работает лучше, если все поршни движутся одновременно. Если в одном или двух цилиндрах нет зажигания, мотор будет продолжать работать, но при большой потере мощности. Если зажигание во всех цилиндрах будет несвоевременным, двигатель не будет работать вообще. То же самое со схемами 7-К и 7-С. Чтобы организация обладала хорошо развитым навыком или способностью, все элементы схемы должны работать. Чтобы создать новый навык или способность, необходимо создать все элементы, включенные в схему»¹. Ключевое слово, которое Р. Уотермен поместил в центр своих моделей – *способность*. Однако все периферийные элементы его схем также связаны со способностями: коммуникации, символика поведения, контроль и т. п. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что автор культуру в целом рассмат-

¹ См.: Уотермен Р. Фактор обновления: Как сохраняют конкурентоспособность лучшие компании: Пер. с англ. М.: Прогресс, 1988. С. 71–80.

ривает как рядовую, а не универсальную характеристику эффективного предпринимательства, полагая, что организация, планирование, учет или стратегия существуют как бы сами по себе, и для их осуществления культура непосредственно не нужна. Это очевидное заблуждение, свойственное технократически мыслящим исследователям.

С другой стороны, в отечественных исследованиях также присутствует симметричный подход, когда в культуру личности предпринимателя (на личностном уровне, что выгодно отличает наши исследования от зарубежных, ориентированных исключительно на корпоративную культуру) также включают семь базисных элементов. Например, А. Н. Митин¹ предлагает граф-модель качеств личности предпринимателя (менеджера), в которой отражено семь блоков, включающих конкретные свойства личности. Условно они сведены в две группы: основную группу качеств и системообразующую группу качеств. Эти группы выступают в предложенной граф-модели фактически внешним и внутренним контурами предпринимательской культуры и включают в себя культуру управления, опыт предпринимательства, правовую культуру, экономическую культуру и т. д. Но вот дальше автор, как следует из анализа его граф-модели, теряет логику классификации, и в структуре его граф-модели возникает очевидная путаница, когда одни и те же конкретные качества личности относятся к различным сегментам модели. Так, в разных из семи сегментов модели присутствуют и знания, и навыки, и опыт, и природные свойства и т. п. Стройность рассматриваемой граф-модели личных качеств нарушается в силу того, что автором не разведены константные и конъюнктурные характеристики культуры. Кроме того, внутренний и внешний контуры культуры также четко не разведены. Наконец, автор пишет не о личности вообще и не о личности предпринимателя, а о личности менеджера, а это – сугубо специальный аспект культуры личности, на основе которого (частного) воссоздать целое вряд ли возможно. Мы же пытаемся воспроизвести структуру культуры личности в целом, а лишь затем «наложить» полученную модель на культуру предпринимате-

¹ См.: Митин А. Н. Культура управления персоналом. Екатеринбург: Уралвнешторгиздат, 2001. С. 255–270.

ля и выявить общее и особенное в ней.

В связи с этим представляется продуктивным еще один подход, предложенный совсем недавно¹, когда культура хозяйствующей личности рассматривается системно, с аксиологического и праксиологического угла зрения. Предлагаются такие укрупненные характеристики культуры, как духовность, самобытность, коллективизм, творчество, патриотизм, традиция. Но и здесь культура выступает рядовым компонентом в структуре семи аксиологических основ предпринимательства. На наш взгляд, такой подход все-таки имеет изъян именно потому, что без доминантного понимания значения культуры личности невозможно выстроить корректную теоретическую модель культуры предпринимательства, в которой конкретные параметры находились бы в органичной связи.

Если в отношении всей экономики культура может рассматриваться как рядоположительное явление наряду с самобытностью или коллективизмом, патриотичностью или креативностью, то в отношении личности она обретает статус императива, а ее максимумы – роль социальных регуляторов, детерминирующих поведение человека и составляющих как бы основу для развития в нем способности к самоуправлению. Личностная организованность (организаторские способности по А. Маршаллу), способности к общению (в том числе и деловому общению), умение рисковать или управлять конфликтами, – эти и другие способности личности сами по себе не являются свидетельством его культуры. Они скорее выступают технологическими параметрами личности предпринимателя, т. е. некими социальными технологиями, с помощью которых личность предпринимателя может актуализировать себя. Но самореализовать себя и при этом интегрироваться в социум личность может лишь в поле культуры, т. е. актуализации ценностных ориентаций, их верной иерархии.

Виртуальные ценностные предпочтения не дают гармонии, сизигии, не способствуют созданию социально ответственного бизнеса именно потому, что остаются неактуализированными. В мыслях, фантазиях, мечтах можно сколько угодно быть этичным,

¹ См.: *Философия российской экономики* / Под ред. Н. Н. Целищева. Екатеринбург: УрГУ, 2005.

нравственным, гуманным существом, но необходимо становиться таковым и на практике, в реальности. И вне культуры такая актуализация просто немыслима. А следовательно, немыслим и системный эффект в предпринимательстве как творческой, инициативной, самостоятельной деятельности самоуправляемой личности, ориентированной на создание новых благ для себя и для других. Виртуализация культуры и сведение ее к навыкам, умениям, технике не дает самовозрастания личности, ее потенциалов; это скорее ведет к обезличиванию человека. Но «продолжать кривую гоминизации к диффузному состоянию – очевидная ошибка!»¹. И лишь одухотворяя личность, развивая духовную составляющую в культуре, можно эту ошибку исправить.

В этой связи представляется продуктивным подход, предложенный еще в начале XX в. С. Н. Булгаковым, предлагавшим признать ограниченность экономизма, чисто экономизированного подхода к культуре. Исходя из положения о том, что «хозяйство есть явление духовной жизни»², он писал: «Истинным и притом единственным трансцендентным субъектом хозяйства, олицетворением чистого хозяйства, или самой функции хозяйствования является не человек, но человечество»³. Здесь важно не то обстоятельство, что в отличие от западноевропейских персоналистов С. Н. Булгаков выступает как сторонник соборности, коллективизма, а то, что объединяет философию западную и философию отечественную, а именно, признание духовной основы хозяйства и ограниченности его экономической составляющей, которая выступает лишь как конкретно-историческая форма. Только при такой постановке вопроса мы можем заниматься осмыслением культуры той или иной формы, конструировать те или иные модели хозяйственных систем. При всем своем технократизме многие американские современные исследователи вполне разделяют такой подход, что, на наш взгляд, является существенным продвижением социальной философии и ее направления – философии хозяйства в сторону правильной постановки вопроса о лич-

¹ См.: *Тейяр де Шарден. Феномен человека. Вселенская месса*: Пер. с фр. М.: Айрис-Пресс, 2002. С. 265.

² См.: *Булгаков С. Н. Философия хозяйства // Русская философия собственности. XVIII–XX вв.* СПб.: Ганза, 1993. С. 229.

³ См.: *Булгаков С. Н. Философия хозяйства*. М.: Наука, 1990. С. 94.

ности субъекта хозяйственных отношений, в частности, предпринимателя. Так, М. Вудкок и Д. Фрэнсис, рассматривая ограничения личной эффективности в сфере предпринимательской деятельности особое внимание обращают на такие моменты, как неумение управлять собой (на первом месте), размытые личные цели и ценности, остановленное саморазвитие. И только после этого они называют недостаточность навыков решать проблемы, неумение влиять на людей, слабые навыки руководства и т. п. И хотя в книге этих авторов о духовной культуре практически ничего не сказано, но приоритет самоуправления (умения управлять собой) по отношению ко всем другим параметрам хозяйствующей личности говорит сам за себя¹. Выделяя в структуре социального пространства три главные области развития человеческого потенциала и культуры предпринимателя (менеджера), авторы указывают на личность человека, коллектив и организацию (компанию)². Основная часть работы начинается у них с оценки личных качеств человека как субъекта управленческой деятельности. Для предпринимателя это тем более актуально.

Продуктивным является, на наш взгляд, и такой подход к анализу культуры предпринимателя, который связан с выявлением смыслодержательной определенности экономической культуры. Предлагая методологическую матрицу для исследования экономической культуры в виде культуры труда – организованной культуры и деловой культуры, некоторые акторы справедливо указывают на приоритет духовно нравственных ценностей в структуре ценностных ориентаций личности предпринимателя. Рассуждая о духовном содержании экономической культуры, частью которой выступает культура предпринимательства, С. З. Шадрина и Л. Н. Шабатура справедливо указывают, что сводить духовное содержание исключительно к сакральному аспекту нельзя. По их мнению, важную роль здесь играет и секулярный аспект: «Если в качестве ценностных основ хозяйства берется светский гуманизм с его идеей плюрализма, демократии, свободы, то экономическое сознание приобретает черты духовности,

¹ См.: Вудкок М., Фрэнсис Д. Раскрепощенный менеджер: Пер. с англ. М.: Дело, 1991. С. 20–29, 48–63.

² Там же. С. 29.

поскольку именно эти ценностные основания закладываются в дух работника, в мышление и практику человека»¹.

Однако, если такую свободу или демократию редуцировать, что порой встречается в литературе, то можно прийти к абсурду. Так в одной из диссертационных работ последнего времени обосновывается «фундаментальное метафизическое основание предпринимательской деятельности как стремление к жизни путем компенсирования себя посредством соединения целей и способов жизни во всеобщее бытие денег»; при этом выделяются и другие «специфические основания предпринимательского бытия: свобода путешествий, свобода выбора предпочтений, индивидуализация эгоизма и ответственности, универсализация личной жизни»².

Такая метафизика предпринимательства идет вразрез с реальной практикой. Свободой путешествия «болеют» даже обычные туристы, не занимающиеся предпринимательством, точно так же, как малоимущие озабочены проблемой денег ничуть не меньше, чем олигархи. Выдавать кажимость за реальность, на наш взгляд, ошибочно потому, что не всякая кажимость отвечает реальности. Так, на циферблате часы могут показывать без пятнадцати минут двенадцать, но отражение циферблата в зеркале дает иную картину: там часы будут указывать пятнадцать минут первого. Думается, что «эффект зеркала» обнаруживается и в философской рефлексии по поводу метафизики предпринимательства, когда система ценностей в структуре предпринимательства упрощается, рассматривается линейно, а не в качестве сложной системы ценностных ориентаций личности.

Наращение объема исследований в области философии предпринимательства, как нам представляется, свидетельствует о том, что проблематика культуры предпринимательства, а шире – всей экономической культуры, может быть успешно исследована только в контексте культуры личности, закономерностей ее развития, осмысления той роли, которую она призвана играть в обществе. В нашем обществе, естественно, эта роль может видоизменяться с учетом внешних (природных), геополитических,

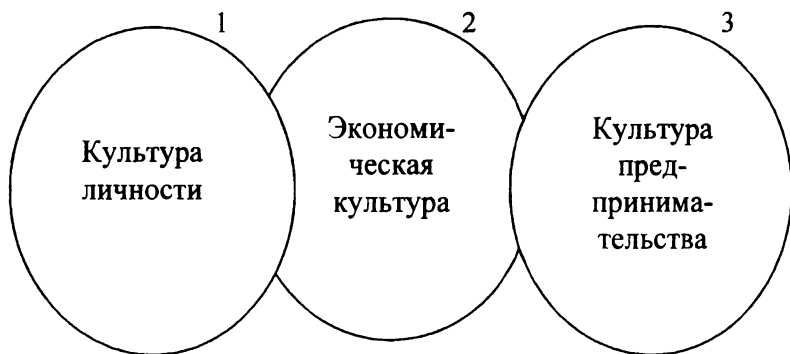
¹ См.: *Шадрина С. З., Шабатура Л. Н.* Экономическая культура в структуре гуманитарного образования. Екатеринбург: УрГУ, 2002. С. 33.

² См.: *Борисова Т. В.* Философский анализ предпринимательской деятельности. Автореф. дисс... докт. филос. наук. Саратов, 2005. С. 27–28.

социальных, географических и т. д.) детерминант и внутренних параметров самобытности (менталитет, характер, психология, мышление и т. д.). Но идти в философском исследовании необходимо от общего к частному, поскольку «философствовать необходимо, исходя из целого» (К. Ясперс).

Отталкиваясь от «целого» или используя метод восхождения от абстрактного к конкретному, можно предложить следующую схему соотнесения культуры личности и предпринимательской культуры. В этой схеме показана не только величина, объем содержания культуры личности и культуры предпринимательства, но и очередность в их формировании.

Схема 2

Рассматривая данное соотношение как процесс, нельзя, думается, не сказать, что суть данного процесса культурного развития личности состоит не в простом, механическом овладении ею необходимых для предпринимательской деятельности свойств и характеристик. Суть данного процесса гораздо глубже и заключается в самосовершенствовании личности, в ее прогрессивном развитии. В контексте этого процесса личность сама определяет то, что необходимо воспринять, усвоить, применить для такого совершен-

ствовании. А это-основа самоуправления. Если в основу самоуправления «положить» не самосовершенствование человека, а его деградацию или *диффузию* (по Т. де Шардену), то самоуправление не просто будет неэффективным, оно перестанет быть самоуправлением. Дело в том, что в такой ситуации личность из ведущей становится ведомой, из определяющей – определяемой, из действующей – манипулируемой. Возникает эффект зеркала, когда нам кажется, что решения мы принимаем сами, но в действительности за нас их уже приняли другие и нам они незаметно навязываются. Трудно признать такое положение, здесь нужна самооценка, которая является функцией самоуправления. Но если вместо самоуправления личность оказывается самонеправляемой (манипулирование), то самооценка также по определению не может быть эффективной и подменяется зомбированием, кодированием и иными современными технологиями внушения. Для идентификации процесса самосовершенствования как функции самоуправления необходимы объективные параметры этического и технического свойства. К этическим параметрам мы могли бы отнести автономию личности, разумность и рассудительность, самодисциплину и самоуважение, самоконтроль, креативность и инновационность. К техническим параметрам самосовершенствования можно отнести мотивированность, оптимизм, целеустремленность, компетентность. Иерархия и перечень таких параметров в разных источниках разные. Так, П. Курц выделяет, помимо названных, еще и утверждающий характер, здоровье, жизнелюбие, способность к эстетическому восприятию, честность, благожелательность и ответственность¹. М. Вудкок и Д. Фрэнсис предлагают дополнить этот перечень рациональным распределением сил, выдержкой и умением сдерживать свои эмоции, рациональное распределение времени (планирование), умение преодолевать трудности². Э. Ф. Зеер предлагает включить сюда еще и профессиональные детерминанты: мастерство, компе-

¹ См.: Курц П. Запретный плод. Этика гуманизма: Пер. с нем. М.: Гнозис, 1993. С. 103–119.

² См.: Вудкок М., Фрэнсис Д. Раскрепощенный менеджер: Пер. с англ. М.: Дело, 1991. С. 50–62.

тентность, навыки, умения, опыт¹. «Уточнение ценностей» (термин П. Вейлла), предлагается М. Месконом, В. Оучи, Д. Мак Грегором, М. Круазье и многими другими исследователями. Однако самосовершенствование и совершенствование человека – процессы хоть и схожие, но имеющие и различие. Смысл самосовершенствования состоит в том, что человек самостоятельно и осознанно принимает и актуализирует в своей практике те ценности, которые действительно, а не мнимо способствуют его полноценному и полнокровному развитию – улучшению его самочувствия, его взаимоотношений с окружающими его людьми, его существования. Управление и совершенствование как раз связаны с воздействием внешних детерминант на процесс такого развития. Поэтому необходимо различать данные процессы. Там более, что в неблагоприятных внешних условиях, подобных нынешней ситуации в нашем обществе, когда недостаточно государственное финансирование в сфере образования, здравоохранения, социального обеспечения, когда распространяются различные социальные отклонения, роль самоуправления в формировании и развитии культуры личности, а культуры предпринимателя тем более, становится ключевой в социогенезе и антропогенезе человека.

¹См.: Психология становления педагога профессиональной школы. Екатеринбург: РГППУ, 1996. С. 96–102.

§2. Структура и целостность культуры личностного самоуправления в предпринимательстве

В качестве базового, исходного понимания культуры сегодня предлагается ее трактовка как исторически определенного способа существования личности в обществе¹. В системе понятий «личность–культура–общество» культура выступает генотипом такой системы, выражающим отношение личности и общества. Дифференцируя параметры базового определения культуры, можно строить различные ее типологии историческую, экономическую, социальную, личностную и т. п. Культура предпринимательства выражает наиболее конкретный, дифференцированный уровень анализа связи личности и общества через систему специфических отношений, выраженных в особой форме человеческой деятельности. Начиная с XVIII в., под предпринимательством понимается особый род человеческой деятельности, связанный с рисками (Р. Кантильон). Со временем представления исследователей о предпринимательстве углублялись и дифференцировались. Так, А. Маршалл предложил рассматривать предпринимательство как особый вид организаторской деятельности, Й. А. Шумпетер связал предпринимательство с новаторством, Ж. Б. Сэй – с умением комбинировать факторы производства, А. Смит – с конкурированием, О. Моргенштерн – с игровыми способностями (предприниматель-игрок) личности, Р. Хизрич – с динамикой хозяйственной деятельности, умением быстро решать задачи, Ф. Найт – с особым складом ума и интеллектом субъекта хозяйствования. П. Друкер – с наличием у него вдохновения, креативности, озарения, инсайта и т. п.². До самого последнего времени список ключевых характеристик предпринимателя не завершен, открываются все новые стороны его характера и способности. Это – конкретный уровень анализа предпринимательской культуры, выявление ее специфических характеристик. Очевидно, что большим упущением современной теории предпринимательства является отсутствие в данном перечне способности к

¹ См.: Лойфман И. Я. Мировоззренческие штудии. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2002. С.48.

² См.: Стожко К. П. Экономическая теория. В 2-х т. Екатеринбург: УрГУ, 2004. Т. 1. С. 411–414.

самоуправлению. Хотя часто и утверждают, что предпринимательство – это активная, самостоятельная деятельность, но данные термины не являются синонимами самоуправления. Поэтому конкретный анализ культуры предпринимательства остается незавершенным, неполным. Для полного его осмысления необходимо отталкиваться от универсалий самой культуры и ее фундаментальной основы. Эта основа очень точно выражена В. С. Соловьевым; используя его формулу, можно сказать, что личность есть сжатое или сосредоточенное культурой общество, а общество есть дополненная или расширенная культурой личность¹. В такой интерпретации культура, обращенная на человека, есть подлинная основа гуманизма. Любое отступление от этой основы ведет к выхолащиванию гуманистической интенции культуры. В самом деле, человек – мера всех вещей. Теоцентризм предлагает в центр культуры поставить Бога, представляя его совершенством. Но как может в человеческой культуре центральным быть не человек? Ведь Бог выступает в качестве объекта, с которым соотносится субъект культуры, а не наоборот. Или возьмем такую норму культуры как тезис: думай глобально – действуй локально. В системе теоцентризма глобально за все человечество думает создатель, а сами люди уподобляются твари, не способной к созданию, сотворению, творчеству. Это также выхолащивает культуру, когда возникает представление о том, что «усовершенствованное тварное единство есть высшая действительность твари, предельная полнота ее бытия. Оно содержит в себе, как свой момент, и самоусовершенствование, и становление твари»². Поэтому, на наш взгляд, необходим синтез сакральной и секулярной интерпретации духовной культуры. Только на этом пути можно выделить реальные, а не мнимые закономерности достижения социальной гармонии: духа и тела, личности и общества, замысла и действия. Иначе происходит либо отрыв от конкретности бытия, либо заикливание на его сугубо меркантильных, вещных аспектах.

Для предпринимательства как особого вида человеческой деятельности людей характерны четыре основных условия:

¹ См.: Соловьев В. С. Соч.: В 2-х т. М., 1988. Т. 1. С. 65.

² См.: Карсавин Л. П. Философия истории. СПб.: Комплект, 1993. С. 331.

– во-первых, условием предпринимательства выступает свобода личности в выборе направлений и методов такой деятельности, самостоятельность в принятии решений;

– во-вторых, наличие ответственности за свои действия, их последствия;

– в-третьих, ориентация личности на успех, получение предпринимателем выгоды в разных формах (прибыль, доход, авторитет, опыт, связи, участие, доступ к информации, создание клиентской базы, захват ниши рынка и т. п.);

– в-четвертых, предпринимательство представляет собой особый вид социального творчества, связанный с созданием нового, лучшего блага, обладающего общественной полезностью (ценностью)¹.

Вместе с тем, эти признаки непосредственно не раскрывают сам механизм предпринимательства. Так, умение рисковать или творить остается как бы скрытым от понимания, поскольку неясно, каким именно способом эти компоненты элиминированы в предпринимательскую деятельность. И здесь в качестве предмета исследования необходимо обратиться к самоуправлению. Личностное самоуправление есть социально детерминированная способность человека осуществлять собственное саморазвитие и самореализацию в максимально эффективной форме. Для этого необходимо учитывать воздействие социальных детерминант на такую способность: роль семьи, школы, окружения, социальных контактных групп, армии, церкви, других социальных институтов. Кроме того, необходимо выделить и основные направления самоуправления: поддержание физического и нравственного здоровья; рациональное распределение сил и ресурсов для достижения целей; преодоление трудностей, неопределенностей и препятствий, связанных с саморазвитием и самореализацией; рациональное использование внешних факторов, ситуаций и обстоятельств.

Первое направление в структуре личностного самоуправления обеспечивается соблюдением режима (графика) и распорядка в своих действиях, тренировками (тренингами), балансированием

¹ См.: Митин А. Н. Культура управления персоналом. Екатеринбург: Уралвнешторгиздат, 2001. С. 448.

и рассредоточением возникающих нагрузок, с помощью жесткой самодисциплины, слежением за собственным весом, тонусом, избеганием вредных привычек и т. п. Немаловажную роль здесь играет и способность к регулированию собственных эмоций и аккумулярованию энергии.

Второе направление в системе личностного самоуправления наряду с перечисленными выше способами предполагает и постоянное стремление к изучению самого себя, самоконтроль, самооценку и планирование своего поведения в открытых условиях. Часто бывает так, что собственный сценарий поведения нарушается внешними факторами. В экономике такие ситуации называют форс-мажорными. Человек может подготовиться к таким чрезвычайным обстоятельствам, если проанализирует заранее возможности их возникновения. Здесь, если воспользоваться терминологией психологической науки, можно выделить самоуправление «изнутри» и самоуправление «извне», т. е. в условиях, которые диктует не сама личность, а внешние обстоятельства.

Третье направление, связанное с преодолением трудностей, как раз и связано с возникновением внешних условий и выработкой личностью способности к оппозиции, сопротивлению или наоборот, встраиванию в ситуацию и ее использование, овладение ею. Здесь необходимы определенная последовательность и упорство, которые позволяют выработать четкую цепочку шагов – логики поступков. Р. Уотермен например, предлагает следующую дорожку шагов: переосмысление ситуации; поиск союзников; переобучение; поиск путей ускорения в достижении целей; понимание проблемного характера вашего решения в новых условиях; развитие коммуникаций, контактов; спокойствие и публичная уверенность; отказ от жесткого самоконтроля и реагирование по обстоятельствам, ситуативно, четкое переформулирование целей и границ, пределов, в рамках которых вы готовы измениться; поощрение направляемой самостоятельности в отношении к другим; стремление к более простой самоорганизации, отказ от всего лишнего.

Эти двенадцать шагов, по мнению Р. Уотермена¹, позволяют наладить не только управление компанией, но и самоуправление личности в меняющихся условиях. Главное состоит в том, чтобы реагировать на перемены. Поэтому самоуправление есть не только психология личности, но и социальная способность ее реагировать на изменение той социальной среды, в которой она развивается. К внешним факторам такой среды можно отнести общественно-политические, социально-экономические, организационно-правовые, религиозные, социокультурные, семейные, образовательно-воспитательные изменения. Очевидно, например, что в условиях современной реформы образования, когда существенно сокращается аудиторный фонд часов, отводимый на те или иные учебные предметы, студент вынужден, по существу, заниматься самообразованием. Развитие в нем данной способности как раз и свидетельствует о том, что он адекватно реагирует на изменение внешней среды и развивает в себе способность к эффективному самоуправлению.

Иное дело – этическая сторона вопроса: плохо это или хорошо? Здесь уместными представляются рассуждения известного отечественного экономиста А. В. Чаянова, который писал: «Высшее образование в сущности всегда самообразование. Каждый человек, сообразно своей индивидуальности, берет от науки то, что нужно ему в жизни и так, как это для него наиболее удобно. Школа может дать ему в этом самообразовании руководящие советы и служить лучшим из пособий. Но всякий должен знать, что он может достигнуть того же уровня знаний и без высшей школы, правда, с гораздо большим напряжением работы. Обратное: высшая школа может дать тот или другой уровень знаний только при активном использовании себя со стороны занимающегося. Сама по себе она – закрытая книга. Раскрой ее и читай. А если не раскроешь, то останутся в памяти внешний вид лабораторий, да звук голоса профессора»².

¹ См.: Уотермен Р. Фактор обновления. Как сохраняют конкурентоспособность лучшие компании: Пер. с англ. М.: Прогресс, 1988. С. 116–120.

² См.: Чаянов А. В. Избр. тр. М.: Финансы и статистика, 1991. С. 368.

Итак, формирование способности к личностному самоуправлению по всем четырем, выделенным нами аспектам, связано не просто с адекватной реакцией на внешние детерминанты, но прежде всего к активным характером такого реагирования, с активизацией своего личностного потенциала, как физического, психического, так и духовного, социального для достижения намеченных результатов.

Обращает внимание на себя и то обстоятельство, что многие работники в нашей стране с ее переходом к рынку, даже не постарались освоить новые профессии, пройти профессиональную переподготовку или хотя бы повысить свою квалификацию в уже освоенной профессии. Тем самым они подвергли себя риску попасть под сокращение, увольнение. Здесь необходимо признать, что личностное самоуправление в данном случае просто отсутствовало. В советский период времени оно было заменено (подменено) коллективным (групповым) самоуправлением, которое, кстати, также оказалось не столь развитым, как об этом писалось в прессе. С этим, на наш взгляд, неразрывно связаны такие негативные явления современной жизни российского общества, как распространение социального иждивенчества, негативное восприятие происходящих перемен и т. п. Можно, конечно, сердиться по поводу дождливого лета или налетевшего урагана, но разве они повинны в том уроне, который терпит человек? Разве самоуправление не способно было бы минимизировать убытки, максимизировать выгоду? Думается, что в этом плане активная личная позиция, которая формируется самоуправляющейся личностью, более предпочтительна, нежели упования на власть или на авось.

Однако бывают и исключения из правила. Например, нелады в семье могут не только мешать, но и способствовать успеху на работе, в бизнесе. Человек, минимизируя свое время пребывания с семьей, больше времени и внимания уделяет работе, бизнесу. Конечно, в данном случае нельзя не видеть деформации того социального пространства, в котором развивается личность. Но изменение среды, а вслед за ней изменение приоритетов – явление обычное. Неслучайно поэтому во многих случаях личная жизнь бизнесменов, предпринимателей, особенно из числа наиболее удачливых, крупных, оставляет желать лучшего: браки в этих

случаях часто распадаются, взаимоотношения между супругами прагматичны и лишены той душевной теплоты, которую они хотели бы видеть¹. Поэтому можно сделать предварительный вывод о том, что изменения внешних детерминант, всей социальной среды, окружающей личность, оказывает на ее развитие достаточно сложное, противоречивое влияние. И это связано с умением личности адекватно реагировать на такие изменения и компенсировать разные детерминанты. Подобно тому, как собственное одиночество человек пытается компенсировать с помощью общения с другими людьми, дефицит одних факторов, воздействующих на его самоуправление, он пытается компенсировать с помощью избыточных факторов. Это далеко не всегда ведет к развитию, совершенствованию, самоуправлению, поскольку неоптимальное сочетание детерминант может отрицательно сказываться на самом процессе личностного самоуправления.

Наряду с основными направлениями самоуправления личности культура личностного самоуправления предполагает и наличие системы коммуникаций. Казалось бы, если в личностное самоуправление строится в системе «Я–Я», то никакой коммуникации здесь быть не может. Всякая коммуникация возникает лишь между «Я» и «ТЫ», «Я» и «МЫ». Однако в действительности это представляется ошибочным. Коммуникация в системе «Я» и «Я» возникает в качестве самоотношения, самооценки, самоидентификации, когда человек рассматривает себя в разных аспектах: например, как семьянина, предпринимателя, гражданина, автора, идеолога, партнера и т. д. Здесь можно выявить систему вертикальной коммуникации, для которой характерно выстраивание всех аспектов человеческой самости в соответствии с личными представлениями самого предпринимателя. Определяя, что для него главное, а что – вторичное, он рассматривает себя прежде всего в том или ином качестве. Например, для одних предпринимателей главное – дом, семья, дети, родители, для другого – окружение, друзья, компания, команда; для третьего – его авторитет, имидж в целом, его политические устремления, карьера; для четвертого – деньги, прибыль, доход, рентабельность и т. п. И

¹ См.: Кузьмичев А., Петров Р. Русские миллионщики. М.: Дело, 1993; Трофимов А. В. История российского предпринимательства. Екатеринбург: УрГЭУ, 1995.

здесь ролевые различия в структуре самой личности могут проявляться в зависимости от иерархии ценностных ориентаций самой личности. Так, если для человека главное – бизнес, то в нем сам предприниматель полагает себя руководителем, начальником, командиром, хозяином. В то время, как в семье, которая для него вторична, он чаще доверяет эти функции жене. Жена-хозяйка, начальник, руководитель в доме. Когда предприниматель пытается вместо эффективной ролевой иерархии все делать самостоятельно и сразу, он оказывается неспособным к построению вертикальной коммуникации, допускает перегрузку своего потенциала, начинает не справляться с взятыми на себя функциями-ролями и часто терпит фиаско. Если он создает эффективную ролевую иерархию, статусную самосубординацию, делегируя определенные функции своему окружению, то личностное самоуправление оказывается эффективным и успешным.

Наряду с вертикальной коммуникацией личности в отношении к самой себе можно выделить и горизонтальную коммуникацию, свидетельствующую о формировании культуры личностного самоуправления. Смысл ее состоит в формировании приоритетов в рамках определенной роли, определенного статуса личности. Так, предприниматель выступает как производитель и посредник одновременно, как продавец и создатель блага - в одном лице. В рамках прямых маркетинговых манипуляций и сетевой структуры компании предприниматель может быть един в нескольких лицах сразу. Но поскольку само предпринимательство остается локальной областью личностного бытия, не исчерпывает всего времени личностной деятельности (досуга, обучения, общения и т. п.), то это область, разрастаясь вширь, представляет собой определенный горизонт, некую горизонталь, в которых личность самоуправляется в соответствии со своими целями, приоритетами и возникающими в этой сфере изменениями.

Горизонтальная и вертикальная коммуникация таким образом представляют собой соотнесение различных статусов и ролей личности в разных аспектах ее личностного и общественного бытия. То, что в качестве субъекта такой коммуникации выступает целостная личность, а в качестве объекта – ее часть, некая виртуальная составляющая, вовсе не означает, что такой коммуникации не существует. Заявления о том, что «я прежде всего отец», «я

прежде всего хозяин», «я в первую очередь начальник, а потом друг», «я руководитель, поэтому ничего личного» и т. д., свидетельствуют, на наш взгляд, о существовании таких коммуникаций, определяющих личностное самоуправление как определенную культуру.

Важным признаком культуры личностного самоуправления предпринимателя выступает и культура труда. Предпринимательство, связанное с затратами физической, умственной и нервной энергии в процессе создания общественно-полезных благ, не может рассматриваться вне труда. Это действительно труд особого рода, характеризующийся и особой культурой труда. Содержательным признаком труда предпринимателя является умение нормировать свою деятельность. Нормирование труда на предприятиях, где заняты наемные работники, – это функция управления. А вот нормирование собственного труда – функция самоуправления личности. Точно также, как и на предприятиях, отдельно взятая личность часто проявляет собственную неспособность эффективно распределить все трудовые операции, а затем попадает в ситуацию аврала, цейтнота. Это хорошо иллюстрируют многие студенты, которые начинают учиться за несколько дней перед экзаменом, получив-таки билеты. Но такая практика не эффективна: получаемые знания остаются несистемными и быстро утрачиваются. Поэтому системный, регулярный, постоянный алгоритм в организации труда является важным признаком эффективного личностного самоуправления и для предпринимателя.

Он позволяет избежать многих типичных ошибок в предпринимательской деятельности. Одной из таких ошибок является ошибка хиндсайта – тенденция преувеличивать собственные способности что-то предвидеть, что-то успеть, после того, как результат становится известным. Так, если студент все-таки проскочил на экзамене, он начинает всерьез верить в то, что можно учиться урывками и накануне сессии, а постоянно заниматься нет никакой необходимости. Но по мере нарастания сложности учебного материала, возрастает и сложность сдачи экзаменов: если на первом курсе пронесло, на втором – получилось, то на третьем – может быть осечка. Предприниматель, в отличие от такого студента, рискует не просто завалить сессию, а потерять состояние,

имидж, репутацию, а возможно, и свободу. Здесь, как говорится, системный подход, регулярный алгоритм выступают ключевыми факторами формирования деловых качеств самого предпринимателя: старательности, упорства, работоспособности, ответственности, обязательности.

Суммируя сказанное, можно сделать вывод о том, что отношение предпринимателя к самому себе проявляется в коммуникации, в отношении предпринимателя к риску, к делу, к духовным ценностям, к окружению, к обществу в целом. Экономической культурологией сегодня выделяются четыре наиболее распространенных типа предпринимательской культуры: акулы, дельфины, рыбы и раки¹. Представляется продуктивным, с научной точки зрения, выделять и четыре типа личностного самоуправления в соответствии с четырьмя типами предпринимательской культуры. Первый тип личностного самоуправления соответствует типу предпринимательской культуры «акула» и характеризуется агрессивной направленностью; второй тип личностного самоуправления соответствует типу предпринимательской культуры «дельфин» и характеризуется самостоятельностью и взвешенностью; третий тип соответствует «рыбе» и характеризуется легкостью и быстротой реакции; четвертый тип соответствует «раку» и характеризуется медлительностью, косностью.

Подчеркнем, что речь идет здесь не о темпераменте человека, не о его психофизиологических состояниях (холерик, сангвиник, меланхолик, флегматик), а о его реакции на изменения социальной среды, окружающей его. И здесь особое значение приобретают такие социально-значимые показатели, как:

- умение отличать главное от второстепенного;
- внутреннее спокойствие, опора на собственные ценности;
- эмоциональная устойчивость;
- знание и чувство меры и способность к логической самооценке;
- умение оценивать проблему с разных точек зрения;
- готовность к любым неожиданностям, предусмотрительность;

¹ См.: *Стивак В. А.* Корпоративная культура: теория и практика. СПб.: Питер, 2001. С. 101–105.

- готовность к любым неожиданностям, предусмотрительность;
- реализм, восприятие ситуации такой, какая она есть;
- стремление выйти за обычные рамки, увидеть проблему шире;
- наблюдательность за самим собой и за окружающей действительностью;
- стремление понять других;
- дальновидность, способность к прогнозированию, планированию;
- умение извлекать положительный опыт из всего происходящего¹.

Самоуправление, основанное на такой мотивационной саморегуляции, позволяет личности органично сочетать в своей жизнедеятельности интересы семьи и бизнеса, личности и общества, текущие и перспективные целевые установки, культурные и технологические детерминанты. Тем самым культура личностного самоуправления, формируясь и развиваясь на всех этапах генезиса личности, обеспечивает ее наиболее полную самореализацию.

Личностное самоуправление, тем не менее, не универсально и не моносодержательно. Следует признать, что оно существенно отличается в зависимости от факторов, влияющих на поведение личности и от самого типа личности, а также от содержания личностного потенциала. Если в социологии труда принято выделять трудовой потенциал личности, то в социальной философии было бы целесообразным выделить социальный потенциал личности. Потенциал личности включает в себя не только профессиональные характеристики работника, субъекта хозяйственных отношений, но и многие другие свойства и признаки. Параметрическое определение личностного потенциала позволяет выявить и предпринимательский потенциал, а кроме того дать сравнительно-статический и сравнительно-динамический анализ предпринимательского и трудового потенциала личности, что представляется весьма перспективным с точки зрения изучения самой культуры личностного самоуправления. Еще в советское время такие попытки предпринимались разными исследователями. Так, А. А.

¹ См.: Спивак В. А. Указ. соч. С. 105.

Погорадзе, со ссылкой на работы В. Г. Нестерова и Л. И. Иванько, определял структуру личностного потенциала как культурно-производственную конкретность, как «профессиональные знания, умения и навыки, обуславливающие профессиональную компетентность (квалификационный потенциал); работоспособность (психофизиологический потенциал); интеллектуальные, познавательные способности (творческий потенциал); способность к сотрудничеству, коллективной организации и взаимодействию (коммуникативный потенциал); ценностно-мотивационная сфера (идейно-мировоззренческий, нравственный потенциал)¹.

В. А. Спивак предлагает дополнить данный перечень также лидерским потенциалом личности и потенциалом к развитию, полагая, что структура личностного потенциала будет выглядеть в этом случае полнее².

Однако выявление личностного потенциала неразрывно связано с моделированием поведения личности и типологией личности. В современной науке существуют разные разнообразные типологии личности и личностного поведения: Г. Ю. Айзенка, К. Леонгарда-Н. Шмишека, Дж. Г. Голланда, Р. Кеттелла, Ж. Годфруа и К. Г. Юнга, О. Крегера и Дж. М. Тьюсона и т. п. Однако в этих типологиях основа моделирования поведения личности чисто психологическая. Это означает, что личность рассматривается чаще всего как саморегулирующаяся система, работающая негэнтропийно. Согласно принципам термодинамики, жизнедеятельность подобных систем характеризуется как негэнтропийный процесс – иначе говоря, извлекая ресурсы из внешней среды, самоорганизующиеся системы меняют свой энергетический запас в свою пользу, «откачивая» энтропию вовне, и тем самым сохраняя и даже приумножая запасы собственной энергии. В контексте хозяйственной, трудовой деятельности на это обстоятельство указывал еще С. А. Подолинский, выдающийся, но незаслуженно забытый русский экономист, социолог и психолог XIX в. Размышляя по этому вопросу, он сделал вывод о том, что прибавочный продукт создается не в силу эксплуатации человека чело-

¹ См.: Погорадзе А. А. Культура производства: сущность и факторы развития. Новосибирск: Наука, СО, 1990. С. 97 и др.

² См.: Спивак В. А. Указ. соч. С. 138–139.

веком (как полагал К. Маркс), а путем преобразования энергии посредством труда, когда человек сначала как бы собирает и берегает часть энергии, поступающей извне, а затем ее оптимально распределяет и превращает. «Применение солнечной энергии в качестве непосредственного двигателя, – указывал С. А. Подолинский – и приготовление питательных веществ из неорганических материалов являются главными вопросами, стоящими на очереди для продолжения наивыгоднейшего накопления энергии на Земле. Границей этому является только абсолютное количество энергии, получаемой от Солнца, и неорганических материалов, находящихся на Земле»¹.

Несмотря на логичность и оригинальность идеи С. А. Подолинского, нельзя признать ее правомерность. Связывать личность человека и его трудовую деятельность с преобразованием солнечной энергии в биологическую, химическую и даже социальную, как это делал С. А. Подолинский, вряд ли справедливо. Ведь электрический скат также преобразует энергию солнечных лучей, пронизывающих морскую воду, в электричество, а кальмар вообще способен осуществлять симфонию света. Но ведь ни кальмар, ни скат не трудятся, а о личности ската или кальмара и говорить не приходится.

Ошибочность отождествления самоорганизации и самоуправления в данном случае порождает ошибочные выводы в отношении к социальной реальности: эксплуатации, прибавочному продукту и т. д. Действительно, «существование самоорганизующихся систем было бы невозможно, если бы такие системы не обладали важнейшим свойством – свойством избирательного, селективного реагирования на воздействия из внешней среды»². Но реагирование реагированию рознь. Если в животном мире такое селективное реагирование основывается исключительно на механизмах условных и безусловных рефлексов, то в мире социальном, в отношении человеческой личности, она базируется на сознании и мышлении. А это как раз и отличает принципиальным

¹ См.: Подолинский С. А. Труд человека и его отношение к распределению энергии. М., 1991. С. 81–82.

² См.: Философия / Под ред. А. Ф. Зотова, В. В. Миронова, А. В. Разина. М.: МГУ, 2004. С. 499–500.

образом самоуправление от саморегуляции, социально-философский подход в анализе от психофизиологического подхода к проблеме. Называть стаю дельфинов или стадо антилоп информационным обществом было бы очевидной глупостью, хотя информационный обмен между отдельными особями здесь имеет место. Поток слабых энергетических воздействий-сигналов, идущих извне, воспринимается отдельным организмом, выделяется и упорядочивается на основе его внутреннего строения. Реакция на этот сигнал рефлекторная, но это позволяет сделать вывод о том, что такой сигнал приобретает для конкретного дельфина или конкретной антилопы определенное *значение*. Но здесь нет сознания, нет сознательной деятельности, нет деятельности сознания; поэтому селекция информации не перерастает в убеждения, а последние – в основу инновационной деятельности организма. Здесь отсутствует механизм познания, который позволяет интегрировать получаемые сигналы в знания, формировать категориальное мышление. Здесь вместо идеального отражения происходит непосредственное отражение сигнала извне, что не завершается осмыслением ситуации и ее экстраполяцией на будущее. Только человек способен мыслить категориально и возвышаясь над собственными рефлексам, идеально моделировать сценарий своего поведения в будущем.

Тем самым, мы вправе утверждать, личностное самоуправление основывается не на страхе (С. Кьеркегор), не на либидо (З. Фрейд), не на других каких-либо физиологических и психологических основаниях, а на сознательной, мыслительной, познавательной, «идеальной» практике человека, к которой не способно до сих пор пока что ни одно живое существо на нашей планете. В связи с этим все предлагаемые в современной науке типологии личности и личностного поведения представляются несколько ущербными в том смысле, что не позволяют раскрыть природу личностного самоуправления как социальную реальность. А тем самым и известный принцип *laissez-faire* – независимого предпринимательства как бы повисает в воздухе. Ведь, если у общества нет определенных социальных противовесов-регуляторов и всякий тип поведения личности зависит исключительно от ее психологии, то в экономике практически нельзя мыслить категориями порядка. Тогда вместо инициативной предпринимательской дея-

тельности и становится необходимым государственное управление экономикой. Но «представление о том, что угрожающее свободам воздействие централизованного планирования экономического процесса можно компенсировать расширением свободных порядков в политической, правовой и культурной сферах, ошибочно в самой своей основе. Централизованно управляемые экономические порядки и свободные порядки государства, права и воспитания должны вступить в конфликт между собой. Существует «коллизия» порядков, глубокое внутреннее противоречие»¹. Чтобы выйти из этой *коллизии* необходимо сформулировать модель хозяйствующей личности, личности самого предпринимателя. Необходимо также в этой конструкции выделить именно социальные детерминанты, регламентирующие деятельность личности. Необходимо осмыслить сам механизм выбора личностью тех или иных социальных детерминант, того селективного информационного отбора, который позволяет предпринимательству развиваться как социально полезной форме человеческой деятельности.

Такие попытки давно предпринимались в философской и экономической литературе. Достаточно напомнить о модели *homo economicus* – хозяйствующего человека, предложенной философом и экономистом А. Смитом. Шотландский исследователь, как известно, предпринял попытку увязать воедино экономические и нравственные характеристики человека². Интересные модели хозяйствующего человека предложен были также Д. Юмом (1711–1776) и Т. Гоббсом (1588–1679). Последний, в частности, написал книгу «Левиафан» (1651 г.), в которой назвал собственный интерес человека «самой могущественной и самой разрушительной человеческой страстью». Отсюда Г. Гоббс как раз и выводил необходимость государственного управления экономическими процессами, что позволило бы, по его мнению, держать индивидуальный эгоизм в узде³. Впоследствии А. Шефтсбери (1671–1713), Ф. Хатчинсон и другие исследователи пытались

¹ См.: Ойкен В. Основные принципы экономической политики: Пер. с нем. М.: Универс, 1995. С. 199.

² См.: Смит А. Теория нравственных чувств: Пер. с англ. М., 1997; Он же. Исследование о природе и причинах богатства народов: Пер. с англ. М., 1962.

³ См.: Гоббс Т. Левиафан: Пер. с англ. М.: Соцэкгиз, 1964.

опровергнуть этот тезис Т. Гоббса. Кстати, сам А. Смит был также против государственного управления хозяйством, полагая, что наиболее эффективно хозяйственный процесс направляют лишь две силы: во-первых, это склонность людей к обмену «одного предмета на другой»; во-вторых, – собственный интерес, эгоизм, который представляет собой «одинаковое у всех людей постоянное и неисчезающее стремление улучшить свое положение»¹. В концепции «невидимой руки», регулирующей экономические процессы, по А. Смиту, эгоизм отдельного сапожника или мясника удивительным образом превращается в служение обществу, поскольку лишь удовлетворив потребности других людей, предприниматель может получить свой доход.

Если суммировать основные идеи английских классиков в этом вопросе, то модель экономического человека у них характеризуется:

1. Определяющей ролью собственного интереса в мотивации экономического поведения;
2. Компетентностью экономического субъекта в собственных делах;
3. Существенными классовыми различиями в поведении;
4. Преобладанием в качестве главного мотива идеи максимизации прибыли (дохода) и богатства в целом².

По справедливому замечанию К. Маркса, такая концепция человека, хозяйствующей личности была продуктом основанного на развитом товарном хозяйстве буржуазного общества, в котором не оставалось никакой другой связи между людьми, кроме голого интереса, никакого другого мотива, регулирующего совместную жизнь, кроме эгоистического расчета»³. Новым этапом на пути развития научных представлений о хозяйствующей личности и ее поведении в экономической сфере стали работы Дж. С. Милля (1806–1873), подчеркнувшего, что политическая экономия английских классиков, хотя и обращена к изучению объективных

¹ См.: Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов: Пер. с англ. М., 1962. С. 253.

² См.: Зотов В. В. О роли концепций «экономического человека» в постановке проблемы мотивации // Мотивация экономической деятельности. Сб. тр. ВНИИСИ. 1980. № 11. С. 72–79.

³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 7. С. 90–91.

экономических законов, все же охватывает не все поведение человека в обществе. «Она рассматривает его лишь как существо, желающее обладать богатством и способное сравнить эффективность разных средств для достижения этой цели. Она полностью абстрагируется от любых других человеческих страстей и мотивов, кроме тех, которые можно считать вечными антагонистами стремления к богатству, а именно, отвращения к труду и желания безотлагательно пользоваться дорогостоящими наслаждениями»¹. Считая подход А. Смита, Д. Рикардо и других английских классиков односторонним, Дж. С. Милль отмечал, что создание богатства или его приумножение – отнюдь не единственная цель хозяйствующей личности, а такая «метода» классиков – односторонняя.

Еще дальше от идей классиков отошел Дж. Бентам (1748–1832), который вообще подверг критике смитианскую идею о том, что рынок и конкуренция обеспечивают наилучшим образом согласование индивидуальных человеческих «стремлений к благосостоянию». В связи с этим Ф. Энгельс писал: «Представляется совершенно нелепым сведение многообразных человеческих взаимоотношений к единственному отношению полезности – эта по видимости метафизическая абстракция проистекает из того, что в современном буржуазном обществе все отношения практически подчинены только одному абстрактному денежно-торгашескому отношению»². Такая ситуация очень похожа на ту, которую мы можем наблюдать сегодня и в российском обществе, в условиях очередного первоначального накопления капиталов. Многие идеологи концепции полезности еще в XIX в. осознали ограниченность и условность такой мотивации личностного поведения предпринимателя. Так, Б. Гильдебранд, один из представителей исторической школы в экономике Германии XIX в. писал, что «как существо общественное» человек «прежде всего есть продукт цивилизации и истории. Его потребности, его образование и его отношение к вещественным ценностям, равно как и к людям, никогда не остаются одни и те же, а географически и исторически

¹ См.: Милль Дж. Основы политической экономии. В 3-х т. Т. 1. М.: Прогресс, 1980. С. 49.

² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 409.

беспрерывно изменяются и развиваются вместе со всею образованностью человечества»¹.

В начале XX в., обращая особое внимание на социальные детерминанты в предпринимательской деятельности, отдельные исследователи (В. Парето, Х. Давенпорт, И. Фишер и др.) вообще пытались изгнать из экономической теории не только гедонизм, но и психологию как таковую, оставив лишь формально-рационалистическую «безличную» логику рационального выбора². С другой стороны, многие исследователи вообще сводили экономику к чистой психологии. Так, лидер австрийской школы экономики Е. Бем-Баверк, рассматривая проблему ценообразования, пришел к выводу, что цена есть не объективная характеристика товара, а субъективное ощущение полезности блага клиентом³.

Впоследствии, в направлении психологизации экономики и хозяйственного поведения личности особенно «постарались» Г. Тард, Г. Лебон, У. Мак-Дуггал, Э. Дюркгейм и др.⁴ В конечном итоге исследователи от прежних представлений об эгоизме как основе хозяйственного поведения людей (А. Вагнер) пришли к полному его отрицанию. Так, Дж. Мур пишет: «Эгоизм в собственном смысле слова невозможно защитить, ибо он противоречит самому себе»⁵. Фетишизация эгоизма или его игнорирование в структуре личностного самоуправления предпринимателя представляют собой две крайности.

Так, на наш взгляд, сложились две достаточно дискретные, оторванные друг от друга традиции научного осмысления личности, личностного поведения хозяйствующих субъектов. С одной стороны, мы наблюдаем «голый» экономизм, который, по точному выражению С. Н. Булгакова, представляется, как «обморок нашего времени», а с другой стороны, — чистое психологизатор-

¹ См.: Гильдебранд Б. Политическая экономия настоящего и будущего. СПб., 1860. С. 19.

² См.: Автономов В. С. Модель человека в буржуазной политической экономии от А. Смита до А. Маршалла // Истоки. Вопросы истории народного хозяйства и экономической мысли. Вып. 1. М.: Экономика, 1989. С. 217–218.

³ См.: Бем-Баверк Е. Теория ценности хозяйственных благ: Пер. с нем. М.

⁴ См.: Стожко К. П., Фадеева Л. П. О формировании экономической психологии (историко-политэкономический аспект) // Актуальные проблемы совершенствования подготовки инженеров-педагогов. Свердловск: СИПИ, 1991. С. 142–154.

⁵ См.: Мур Дж. Природа моральной философии: Пер. с англ. М., 1999. С. 30.

ство, не позволяющее адекватно встраивать социальные детерминанты в хозяйственное поведение человека. Лишь в самое последнее время и за рубежом, и в нашей стране наметился некий синтетический подход к проблеме научного изучения хозяйственного поведения личности в целом, предпринимателя в частности¹. В рамках этого синтетического подхода предпринимаются попытки структурировать и субординировать типы хозяйственного поведения предпринимателя как в зависимости от сферы хозяйственной практики (производство, посредничество, сферы услуг и т. п.), так и в зависимости от уровня образования (интеллекта, воспитания и т. п.), психологического типа человека и т. п. В частности, предлагается своеобразная модель экономической личности, в которой само поведение человека в сфере хозяйства ставится в зависимость от личной культуры, умственного, интеллектуального капитала, традиций и обычаев, в которых воспитан человек и т. д. И эта, в общем, интересная и, на наш взгляд, продуктивная постановка вопроса, которая имела место и ранее, достаточно девальвирована в условиях перехода российского общества от идей социализма к рыночным отношениям. Так, еще Ф. Лист, один из основоположников воспитательного протекционизма, в структуре производительных сил выделял т. н. умственный капитал. Английские исследователи Р. Рейвистон и Т. Годскин считали знания и ум непосредственной производительной силой. К. Маркс сформулировал идею о том, что наука является непосредственной производительной силой в обществе и т. д.

Пытаясь соединить психофизиологические и социокультурные детерминанты личностного поведения предпринимателя, многие исследователи и прежде, и теперь, тем самым пытаются конструировать различные теоретические модели такого поведения, которые собственно и есть модели культуры личностного поведения предпринимателя. И в рамках предлагаемых теоретических конструкций особое место занимает и должна занимать способность личности предпринимателя к эффективному само-

¹ См.: Попов А. Н., Попова Е. А. От «человека экономического» к «личности экономической» // Известия Урал. гос. экон. ун-та, 2002. № 5; Хувицев К. А. Еще раз об «экономикс»: не сотвори себе кумира! // РЭЖ, 2000. № 6; Орлова Т. С. Креативность экономического сознания. Екатеринбург: УрГУ, 2004, и др.

управлению, т. е. такому самоуправлению, которое позволяет обеспечить консенсус интересов личности и общества, синтез устремлений и ориентаций самых разных людей в хозяйственной сфере их жизнедеятельности. И здесь прежние подходы необходимо существенно пересматривать. Так, если в концепции Й. Шумпетера предприниматель обладает ключевым признаком предпринимательской деятельности – интеллектом, то его интеллект достаточно ограничен и узко направлен. Главное для предпринимателя, по мнению Й. Шумпетера, «делать не то, что делают другие»¹. Но вот будет ли это лучше, совершеннее и общественно полезнее, – вопрос остается открытым. А следовательно, нет ясности и о консенсусе, синтезе, ансамбле, гармонии в социальной реальности. «Осуществляя новые комбинации», интеллект шумпетеровского предпринимателя-новатора сильно ограничен и избирателен: он направлен на узкий круг явлений, которые предприниматель изучает досконально. Такая зашоренность не дает возможности для моделирования различных ситуаций и сценариев поведения, а тем самым содержит в себе угрозу асоциальной и антисоциальной практики. Все дело в том, что помимо технологических и инновационных параметров необходимо учитывать и физиологические, этические, природные, психологические. Но подменять одни параметры в структуре поведения предпринимателя другими недопустимо. Большинство современных типологий личности как раз носят характер амбивалентных, аморфных несубординированных систем. В них можно свободно и без ущерба для самой типологии переставлять на разные места те или иные параметры, комбинировать и перекомбинировать различные свойства личности, что делает такую модель крайне отвлеченной от экономики, самого предпринимательства, более психологизированной, психоцентричной.

Так, известная модель личности Г. Ю. Айзенка полностью соответствует типологии темпераментов Гиппократ:

¹ См.: Шумпетер Й. А. Теория экономического развития: Пер. с англ. М.: Прогресс, 1982. С. 1999.

В данной модели нестабильный интроверт (1-й квадрант) – это меланхолик, нестабильный экстраверт (2-й квадрант) – это холерик, стабильный интроверт (3-й квадрант) – флегматик, стабильный экстраверт (4-й квадрант) – сангвиник. Тем самым, здесь

мы имеем дело с моделью человеческого поведения, основанной на психологии личности, но никак не на ее социальной природе.

Другая модель личностного поведения К. Леонгарда – Н. Шмишека также выявляет характер человека – т. е. подструктуру личности в широком смысле слова. Сам характер определяется авторами как «устойчивые психические особенности человека, задающие типичный для данного субъекта способ поведения и эмоционального реагирования в определенных жизненных ситуациях». Нет необходимости продолжать дальше анализ различных типологий поведения личности, поскольку они все строятся на психологическом анализе и хорошо описаны в современной литературе¹.

Необходимо отметить, что среди имеющихся типологий некоторые авторы пытаются-таки выделить некий предпринимательский тип поведения, увязывая его с определенными психофизиологическими особенностями человека. Например, американский исследователь Дж. Л. Голланд наряду с реалистическим, исследовательским, артистическим, социальным и конвенциональным типами личностного поведения выделяет и предпринимательский тип, которую он определяет как склонность человека влиять на других людей ради достижения собственных целей. Но тогда непонятно, чем такой тип - не социальный или чем он отличается от элементарного эгоизма или прагматизма. Думается, что выведение предпринимательского типа поведения из сугубо психофизиологических характеристик в принципе невозможно, в этом видится тупиковая ветвь современных исследований личности. Иное дело, если в качестве критерия мы возьмем способность личности к самоуправлению и ее, этой способности, культурную оформленность со всеми присущими культуре моментами ценностных ориентаций, организационных признаков и пространственно-временных характеристик. Используя методы внешнего наблюдения, а также методы самонаблюдения (интроспекции); проективные и социометрические методы изучения личностного по-

¹ См.: *Андреева Г. М.* Социальная психология. М.: МГУ, 1980; *Майерс Д.* Социальная психология. Пер. с англ. СПб.: Питер, 1997; *Крегер О., Тьюнсон Дж.* Типы людей и бизнес: как шестнадцать типов личности определяют ваши успехи в работе. Пер. с англ. М.: Персей-Вече-АСТ, 1995, и др.

ведения, мы обнаружим, что способность к личностному самоуправлению, во-первых, является важнейшей характеристикой личностного потенциала, а во-вторых, условием его формирования и развития. Какие бы стороны личностного потенциала мы не брали – квалификационный, трудовой, творческий, нравственный (этический, даже психофизиологический) – способность к самоуправлению выступает здесь сквозной, интегральной компонентой самой личности. Но сводить данную компоненту как общее к ее части, регулирующей и регламентирующей формирование и развитие лишь психофизиологического потенциала человека, никак нельзя. Это крайне важное обстоятельство, поскольку культура личности, личного поведения, личностного самоуправления как раз и определяется как мера, уровень использования личностного потенциала. Но если личностный потенциал будет низким, а исследователями он вообще будет сводиться к одной из его различных сторон, то и уровень его реализации будет низким, следовательно, и культура личности будет низкой. Подобно тому, как некоторые люди, знающие о своих выдающихся способностях в какой-то определенной сфере, развивают и поощряют лишь эти способности и игнорируют все остальные, сведение личностного самоуправления исключительно к психофизической саморегуляции будет деформировать личность. Обращая внимание на роль психофизиологических факторов, детерминирующих процесс формирования личностного потенциала и личностного самоуправления, мы обязаны учитывать и многообразные социальные факторы в данном вопросе: семейность, факторы референтных групп, межличностное общение, контактные аудитории, влияние общества в целом, осуществляемое в отношении к личности через обычаи, традиции, общественное мнение, правовое регулирование и т. п. Кроме всего прочего, особое значение в процессе развития культуры личностного самоуправления предпринимателя в последнее время приобретает мораль (нравственность). Моральные стимулы направлены не только и не столько на их восприятие психикой человека, сколько на создание определенных социальных условий его жизнедеятельности. Если раньше, в прошлые столетия, мораль ориентировалась на формировании у человека чувства страха или чувства зависти, чувство удовлетворения от творчества или формирование чувства здорового соперни-

чества, то сегодня она в большей степени апеллирует к сознанию личности, к ценностным основаниям и установкам в мышлении человека. Переход морального фактора в своей ориентации от чувств к сознанию осуществляется в процессе различных социальных парадигм последнего века: это и культурная революция в нашей стране, и сексуальная революция на Западе, и научно-технические революции в мире в целом, и переход многих стран в фазу постиндустриализма, супериндустриализма, информационной эпохи и т. п. Очевидно, что человек воспринимает и осваивает окружающий его мир с помощью чувств. Но это – лишь первичный уровень освоения окружающей действительности. Если каждое новое поколение людей снова будет проходить подобный ликбез и убеждаться на собственных волдырях и ожогах, что кипяток способен поранить тело точно также, как антисоциальное поведение – лишить кого-то свободы или собственности, то в своем развитии оно, это поколение, уйдет не очень далеко от предыдущего. Поэтому многие факторы, детерминирующие социальное поведение людей, в том числе и их предпринимательскую практику, выходят на уровень социогенетической ориентации, когда личность принимает многие установки и нормы как данность, не требующую какой-либо фальсификации, верификации, апробации, экспериментального личностного ревизионизма. Более того, наблюдается и персоногенетический уровень воздействия многих внешних факторов на человека: личность использует, применяет, встраивает данные нормы и установки в структуре своего поведения априорно, как урок, не требующий повторения. И здесь важно иметь в виду, что такой подход свидетельствует не об отсутствии самоуправления личности, а как раз об обратном, о развитой способности к личностному самоуправлению. Вместе с тем, восприятие, наследование и использование предыдущего опыта, традиции в ее широком понимании, свидетельствует и о формировании культуры личностного самоуправления, в том числе и в сфере предпринимательства. Так, исследования последних лет убедительно подтверждают этот вывод¹.

¹ См.: *Нестеров Д. В.* Экономический рост: содержание и модели (Эволюция взглядов на проблематику в работах западных и отечественных ученых) // Экономика и культура. Сб. науч. тр. Екатеринбург: УрГУ, 2000; *Ветошкин А. П., Миняйло А. М.* Духовная основа

Рассуждая об априорной сосредоточенности, нацеленности, акцентуации типа личности современного предпринимателя, нельзя не увидеть и того, как такая нацеленность, заданность, предрасположенность регламентируют сам характер личностного самоуправления. За рубежом сегодня весьма активно рассматривается именно эта взаимосвязь. Так, коллектив авторов во главе с Д. Аллпертом предложил выделить шесть типов людей в зависимости от характера их «основной жизненной ценности»: «экономический человек», у которого главное в жизни – дело, бизнес, полезность, эффективность, практическая значимость; «социальный человек» (общественная польза, благо для всех, взаимопомощь); «политический человек» (лидерство, соревнование, карьера, власть); «эстетический человек» (красота, гармония, удовлетворение от достигнутого, радость в творчестве); «теоретический человек» (истина, порядок, знание, логика поступков, четкий расчет и анализ действий); «религиозный человек» (вера, любовь, жертвенность, покаяние)¹. На наш взгляд, такого рода классификация (типология) обесценивает и нивелирует статус и значимость самого предпринимательства, так как последнее как бы растворяется в каких-то специфических воздействиях внешней среды. В самом деле, может ли тогда быть, например, религиозный человек предпринимателем? Ведь сказано же в св. Писании: «Не сейте и не собирайте в житницы, живите аки птицы небесные». Наверное, здесь возникает определенный конфликт между предпринимательством и религиозностью. Или другой вопрос: может ли публичный политик, президент страны или глава правительства, например, быть предпринимателем? Очевидно, нет, поскольку в противном случае он будет использовать, вольно или нет, властные полномочия для собственного обогащения. И здесь также наблюдается определенный конфликт. Неслучайно, в Послании Президента РФ ФС РФ четко сказано, что недопустимо использовать государственную службу в качестве своеобразной

становления личности как субъекта хозяйства // Экономика и культура. Сб. науч. тр. Екатеринбург: УрГУ, 2002; Ветошкин А. П., Стожко К. П. Философия хозяйства. Екатеринбург: УрГУ, 2001; Шабатура Л. Н. Онтогенез традиции. Екатеринбург: УрГУ, 2002; Она же. Социогенез традиции. Екатеринбург: УрГУ, 2003, и др.

¹ Allport Y. W., Vernon P. E., Lindzey Q. A. Study of values. Boston: Houghton Mifflin, 1960.

формы предпринимательской деятельности¹. Во многих цивилизованных странах существует мораторий на занятия предпринимательством, бизнесом для государственных чиновников.

Кроме того, классификация Д.Аллперта противопоставляет «экономического человека» «социальному человеку» и при этом не выделяет предпринимательский тип личности, игнорируя все достижения предыдущей гуманитарной мысли в этой области. Это также явное упущение. С другой стороны, можно выделить и типологию хозяйствующей личности, предложенную П. Хейне, известным экономистом и религиозным деятелем из США. Он, в частности, особое внимание обращает не столько на профессиональные, сколько на социальные свойства предпринимателя. Сама же свободная экономика, по его мнению, «объясняет, как сотрудничают люди, вовсе не знающие друг друга, но тем не менее работающие согласно и чрезвычайно эффективно»². Но дело в том, что сотрудничать можно и вне сферы хозяйства, вне предпринимательства. Или можно сотрудничать в экономической сфере, не являющейся сферой предпринимательства. Так, в структуре корпорации необходимо налаживать сотрудничество между персоналом и менеджментом, собственниками и работниками. К предпринимательству все это не будет иметь никакого отношения.

Все выше сказанное убеждает нас в том, что, анализируя тип личности вообще, тип экономической личности более конкретно и тип предпринимательской личности, в частности многие исследователи часто просто смешивают понятия хозяйство, экономика, предпринимательство. Больше того, во многих исследованиях делается крен либо в сторону этики, либо в сторону психики, либо наоборот, в сторону организации (организационный фетишизм) или эконометрики (маржинализм). Складывается ощущение, что в этих исследованиях упущена какая-то важнейшая, ключевая деталь, которая могла бы прояснить существо вопроса. Эта деталь, скрытая от нашего взора, однако, приобретает, после серьезных размышлений, значение если не универсального для экономики, то всеобщего в контексте самого предпринимательст-

¹ Послание Президента РФ В. В. Путина Федеральному Собранию. М., 2005. С. 6.

² Хейне П. Экономический образ мышления: Пер. с англ. М.: Каталонсия, 1997. С. 8

ва. Иначе говоря, без анализа этой, ускользающей от нас, существенной и объективной, и одновременно конкретной и субъектной характеристики личности человека мы не в состоянии завершить весь перечень признаков самого предпринимательства, равно как не в состоянии предложить общую, унифицированную систему (иерархию) предпринимательских характеристик. По нашему глубокому убеждению, такой интегрирующей и ключевой «деталью» является культура личностного самоуправления предпринимателя. Без такой культуры все признаки и характеристики предпринимательства будут оставаться элементарной суммой символов и обозначений, а сама личность предпринимателя никогда не обретет характер целостной, цельной и социально зрелой. И здесь нельзя не согласиться с мнением о том, что «экономика свободного предпринимательства покоится на философском фундаменте»¹.

¹ Проктор М. Экономика свободного предпринимательства: Пер. с англ. Екатеринбург, 1993. С. 4.

Глава III. Самоуправление в сфере коллективной предпринимательской деятельности

§1. Механизм самоуправления личностным потенциалом предпринимателя

В предпринимательской деятельности человек стремится самореализовать себя в контексте экономической реальности. Для этого он формулирует цели и задачи своего самосовершенствования и саморазвития в терминах и знаках экономики: издержки, прибыль, рентабельность, эффективность, транзакционность и т. п. Специфическая символика экономического действия неразрывно связана с особенной метафизикой хозяйства. Но в системе хозяйство – экономика – бизнес – предпринимательство основополагающими выступают именно хозяйственные основания, а не экономические, и уж тем более не основания бизнеса. Поясним нашу мысль. Экономика есть лишь особым образом организованное хозяйство, которое актуализируется в процессе особым образом организованной хозяйственной деятельности. Такая особым образом организованная хозяйственная деятельность выступает как деятельность экономическая в силу выбранной субъектом данной деятельности иерархии ценностных ориентаций. Однако сами ценностные ориентации вырабатываются в хозяйстве, а не в экономике. Именно хозяйство с его различными укладами, системами и формами задает тональность всей экономической пьесе. Бизнес есть особым образом организованная экономика, актуализирующаяся в процессе особым образом организованной бизнес-структуры. И здесь экономическая систематика, иерархия хозяйственных ценностей в сфере экономической практики выступает базовым условием развития бизнеса. Наконец, предпринимательство есть вообще специфическая, специальная, частная разновидность экономической деятельности и бизнес-структур. Суть этой специфики состоит в том, что предпринимательство как форма хозяйственной практики успешно строится лишь на базисе эффективного личностного самоуправления.

Хозяйство в целом может иметь аморфную структуру или вообще не иметь ее (сезонное производство, охота, промыслы и т. п.). Экономика всегда структурирована и иерархична. В ней дей-

ствуют предписания, нормы и правила. Наконец, бизнес представляет собой еще более узкую и вместе с тем регламентированную и управляемую сферу. Но вот предпринимательство есть та элементарная форма хозяйственной деятельности, которая обладает признаком самоуправления, не похожа ни на одну из имеющихся других форм хозяйственной деятельности и имеет характер подлинного совершенства. Отсюда и следует: быть предпринимателем значит научиться самоуправлению, значит быть на пути к самосовершенствованию.

Может показаться смешным, но все-таки приведем глубоко символический факт: Платон сам занимался предпринимательством. В его трактате «Политика» он не приводит различий между политикой и «ойкономикой» лишь потому, что в те времена еще не было таких глубинных различий между домашним хозяйством, товарным (простым) производством и предпринимательской деятельностью, которые выкристаллизовались в новое время с развитием научно-технических революций XVIII–XX вв. Неслучайно поэтому даже Аристотель указывал, что фундаментальным метафизическим основанием общественного человека было жить вообще, тогда как основанием хозяйствующего человека было извлечение выгоды. Рисуя образ *хрематистики* – спекулятивной рыночной экономики (естественно крайне отдаленно напоминающей сегодняшнюю), Аристотель не только осуждал ее, но и указывал, что цель – деньги, доход совпадает со средством – «делать деньги», извлекать барыш, навар. Но его оппонент Платон, хотя и был великим философом, тем не менее успешно занимался спекуляцией зерном.

Да и сам Аристотель не чурался мздоимства, за что и был изгнан разгневанными афинянами из столицы. Диоген Синопский занимался подделкой монет, Демокрит из Абдер был купцом, Фалес Милетский убедительно доказал, что «при желании философ легко разбогатеет»... Этот ряд можно продолжать достаточно долго. Но важно отметить, что все мыслители, которые так или иначе обращались к предпринимательству в теории или на практике, обладали не только необходимыми познаниями, но и способностью самоуправления. Данная способность является сложной, синтетической и диалектически системной социальной характеристикой личности. Всякое начало самоуправлению возни-

кает на этапе самоидентификации личности, ее самооценки самой себя, окружающей реальности и выработки отношения к себе и к окружающей среде. Тем самым, регулирование собственного поведения личность осуществляет на основании постоянных актов самооценки. Человеку свойственны инстинкт самосохранения, стремление быть на уровне требований окружающих, аффилиация, желание получить признание и т. п. Исходя из этого он осуществляет регулярные и постоянные акты самооценки, соотнося свои поступки, действия, мысли, решения с тем окружением, в котором он живет. Самооценка может быть адекватной или неадекватной, но ее истинность проверяется путем действия, в поступках, в поведении, когда личность предпринимает попытку актуализации тех или иных решений, установок, замыслов.

Уже на этой первой фазе генезиса личностного самоуправления мы обнаруживаем предпринимательское усилие. Без актуализации и инициативы личности никакое самоидентифицирование невозможно. А следовательно, невозможными оказываются и остальные фазы личностного развития: адаптация, самоопределение и самореализация. В самом деле, адаптация связана с социальным самочувствием личности. Социальное самочувствие отражает восприятие человеком своего реального социального благополучия, уровня и качества своей жизни в социуме.

Наиболее эффективная самооценка позволяет человеку не только успешно приспособиться к окружающей его социальной среде, но и ее в свою очередь приспособить к себе. При такой встречной адаптации фактически формируется профессиональное самоопределение личности. Человек выбирает для себя ту сферу конкретной деятельности, в которой он будет специализироваться и которую он рассматривает как сферу своей самореализации. Дальнейший механизм личностного самоуправления связан с развитием у личности способности к саморегулированию. Суть этой характеристики состоит в том, чтобы соизмерять цели и средства, время и трудности, строить свое поведение таким образом, чтобы при максимальных затратах физической, умственной, нервной энергии достичь максимального результата. Но следует обратить внимание на то, что все конкретные способности, которые мы перечислили выше, представляют собой результат откровенного, искреннего, честного диалога человека с самим собой, обращение

его души и сердца, разума и воли к их носителю, к самому человеку. Только такой диалог вырабатывает в человеке эффективные социальные способности, образующие систему личностного самоуправления или формирующие в нем то, что Л. Н. Толстой в свое время назвал «диалектикой души».

Диапазон и алгоритм каждой конкретной из вышеперечисленных функций в системе личностного самоуправления детерминирован не только внутренними (например, психофизиологическими) характеристиками человека, но и внешними силами, влияющими на его поведение. Однако все эти воздействия как бы *снимаются* процессом самовоспитания, поскольку лишь в процессе самовоспитания осуществляется, конкретизируется и актуализируется целостная система личностного самоуправления, адекватно реагирующая на всевозможные воздействия.

Самовоспитание нацеливает личность предпринимателя на разные приоритеты. В одном случае он, предприниматель, ориентирован на извлечение прибыли, на повышение производительности труда. В другом - на все богатство жизни, на обретение в ней смысла. Очевидно, что сводить смысл жизни к размерам собственного кошелька или счета в банке, опрометчиво. Поэтому, рассуждения многих исследователей, весьма скептически относившихся и до сих пор относящихся к коллективности, выглядят достаточно необоснованными. Так, еще Э. Дюркгейм, Г. Зиммель, Л. Вальрас, А. Парето скептически относились к коллективному предпринимательству, полагая, что только личность принимает окончательные решения и несет полную ответственность за свои действия. Ф. Тейлор также негативно оценивал бригадную работу и полагал, что в ней производительность труда падает до самого низкого уровня. Наконец, П. Блау, А. Гоулднер, Дж. Хоманс обращали внимание на то, что в совместной хозяйственной деятельности люди предпочитают перекладывать обязанности и ответственность друг на друга. Но такие суждения не касаются подлинной коллективности, когда «один из всех и все за одного». Кроме того, подобные суждения исходят из узкого эгоизма, да еще в его наиболее архаичной, экстенсивной форме. Исследователям кажется, что чем выше производительность живого труда, тем больше материальных благ производит работник, тем эффективнее производство, предпринимательство, труд. Это глубокое за-

блуждение: больше не означает лучше. Новая парадигма в экономическом развитии как раз и связана с экономикой как самого труда, так и ресурсов, вовлекаемых в трудовой процесс, Общество потребления, сформированное в развитых странах, отнюдь не стало более счастливым от того, что там прилавки магазинов завалены товарами. Проблема в том, что товаром стал сам человек, а это – конец всякой экономики, ее вырождение в свою противоположность.

И в этой связи уместно вспомнить о том, что еще Э. Мэйо в 20-е гг. XX в. доказал положение о том, что общие интересы группы, будь то коллектив, бригада, смена, артель, отнюдь не во всем и не всегда совпадают с интересами производства в целом¹. В самом деле, для повышения рентабельности производства менеджер готов экономить на технике безопасности; коллектив, группа – нет. Следовательно, управление не будет социально эффективным, хотя материально, чисто бухгалтерски может быть рентабельным. Самоуправление, наоборот, может быть в текущем отрезке времени нерентабельным, но в долгосрочном плане оно и экономически и социально будет эффективным. Это примерно та же ситуация, которая описана в истории про трех поросят. В экономической литературе данная ситуация иллюстрируется понятиями альтернативной стоимости, эффектом масштаба и концепцией трансакционных затрат Р. Коуза.

Внешние воздействия (со стороны менеджмента) чаще всего ведут не только к росту экстенсивности в производстве, но и так называемой избыточной интенсивности труда. Мотивация может быть самой благой: обогнать конкурента, вернуть кредиты и т. п. Но крайним в такой ситуации остается сам работник. Предприниматель же редко допускает эскалацию экстенсивности и тем более избыточную интенсивность в своем труде, поскольку даже предпринимательское честолюбие имеет физиологические, психологические и чисто медицинские ограничения. Кроме того, избыточно интенсивная деятельность не доставляет ни радости, ни уважения, ни успеха. Возможно поэтому в народе распространена такая притча: «Хороший руководитель – тот, который появляется

¹ См.: История менеджмента / Под ред. Д. В. Валового. М.: Инфра-М., 1997. С. 189–191.

на рабочем месте редко, а производство работает стабильно». В этом есть доля истины.

С другой стороны, в коллективном и индивидуальном предпринимательстве крайне редко встречается ригидность поведения.

Поскольку предприниматель сам принимает решения, сам распределяет доходы и сам отвечает за результаты своей деятельности, ригидность поведения для него равносильна краху бизнеса. Иное дело – крупные корпорации: в них нарушение мотивации труда работников часто ведет к ригидности в их поведении, трудовой деятельности. От этого сокращаются объемы производства и сбыта, качество товаров и услуг падает. Но такая фирма отнюдь не оказывается перед угрозой краха. Она с успехом может занять ссуду в банке, затем другую ссуду в другом банке, которую отдает первому, затем третью ссуду в третьем банке, которую отдаст второму и т. д. Так строятся пирамиды, подобные «Селенге», «Тибету», «Алисе», «МММ». И государство вряд ли может здесь что-то сделать: о крайне низкой степени эффективности внешнего управления и принудительного банкротства свидетельствует статистика. Сказывается эффект большого должника: если Иванов должен Петрову пятьдесят долларов и вовремя их не отдает, последствия для Иванова будут плачевными, но если Иванов должен Петрову пятьдесят миллионов долларов, то Петров будет беспокоиться об Иванове, как о любимом брате, охранять и лелеять своего должника. Ведь, не дай Бог, Иванов умрет, и Петров вообще никогда не получит своих денег. Принудительное банкротство как раз и ведет к последнему сценарию развития ситуации.

Но не только в неподверженности ригидности состоит ценность коллективного самоуправления в предпринимательстве. Важно и то, что такое самоуправление способствует воспитанию в душе и сердце человека патриотизма, гражданственности, государственности. Прав И. Солоневич, когда связывает соборность, коллективизм россиян с такими понятиями, как гражданственность и государственность¹.

¹ Солоневич И. Дух народа // Наш современник. 1990. № 5. С. 165.

Данное суждение вполне созвучно подлинному предпринимательству, а не хрематистике, не теневому бизнесу, не манипуляциям в хозяйственной сфере. Действительно, «оправданная потребность человека в большей обеспеченности может быть удовлетворена только тем, что наступает увеличение общего уровня благосостояния и тем самым у каждого отдельного человека зарождается или повышается чувство человеческого достоинства и, вместе с тем, уверенность, что он независим от превратностей судьбы»¹.

Отсюда следует, что личностное самоуправление неразрывно связано с личной независимостью человека, тогда как всякое управление (государственное, корпоративное, организационное и т.п.) связано с утратой в той или иной степени личной независимости человека от субъекта управления. Так, наемный работник, как известно, зависим лично от своего босса, шефа, патрона, начальника: иначе говоря, он зависим экономически (зарплата, премия, надбавки), идеологически (корпоративные стандарты, кодексы поведения, внутренние инструкции), психологически (корпоративная этика, социально-психологический климат в организации) и т. п. В связи с частичной, а иногда и полной утратой личностью своей независимости (автономии), пускай даже на короткий срок, обнаруживается деградация и личностного самоуправления. При этом актуальным становится вопрос о том, а что, собственно говоря, происходит в такой ситуации с личностным потенциалом человека, его способностями, возможностями, позитивными свойствами, с его «Я»? Если следовать логике рассуждений У. Джеймса (1842–1910), то можно обнаружить определенную трансформацию взаимосвязей между «чистым Я», которое выступает в структуре личности как субъект самосознания и «эмпирическим Я», в которое включается все то, что человек воспринимает как свое, за что он чувствует собственную ответственность. Согласно идее американского философа, такое «эмпирическое Я» охватывает сразу несколько конструктов личности: *физическую* составляющую, включающую тело индивида; *социальную* составляющую, связанную с выполнением личностью определенных ролей в семье, на работе, среди дружеской компании и т. п.;

¹ Эрхард Л. Благосостояние для всех: Пер. с нем. М.: Начала-Пресс, 1991. С. 236.

духовную составляющую, вбирающую в себя интеллектуальные, религиозные, нравственные характеристики индивида¹.

Главная составляющая личности, по мнению У. Джеймса, самоуважение, самооценка. Но как быть, если в структуре корпоративного управления такая самооценка подменяется аттестацией кадров, т. е. внешней оценкой. Как быть, если в структуре государственного управления самоуважение вступает очень часто в противоречие с уважением со стороны других, и приходится идти на компромиссы, которые не позволяют уважать себя, но обеспечивают успех, карьерный рост, благополучие? Не есть ли все это очередная вариация на известный иезуитский принцип: для достижения цели все средства хороши? Не есть ли все это нарушение самого механизма личностного самоуправления? Особенно, когда это касается предпринимательской деятельности. Отчасти, да. Ведь подмена самостоятельных механизмов внешне заданными технологиями и критериями представляет собой отход от самоуправления в пользу внешнего управления. А это уже означает утрату предпринимателем важнейшей, генетической, ключевой его способности как предпринимателя. Ведь в такой трансформации утрачивается, нивелируется, девальвируется самость человека. Для того, чтобы осмыслить это, необходимо вспомнить, что собой представляет самость как таковая. А. Ф. Лосев отмечал, что самость есть предельно объемное и сложно-дифференцированное по содержанию явление, которое трудно структурировать². Но что ясно, так это то, что понятие самость указывает на человека самого по себе, вне других людей. Как и откуда возникает эта характеристика человека? Ведь изначально он – продукт природы, затем – продукт развития общественных отношений. Но и в природе существует некий генотип, в социальных отношениях также складывается и развивается социальный генотип – код (А. Тоффлер). Воспринимая через два этих генотипа, кода информацию из прошлого, человек обретает некое внутреннее единство, обеспечивающее его, человека, личностное начало.

¹ См.: Джеймс У. Личность // Психология личности. Тексты. М., 1982. С. 63.

² См.: Лосев А. Ф. Самое самó // Лосев А. Ф. Миф – число – сущность. М., 1994. С. 356–397.

Возникновение личностного единства как личностного начала, основы, таким образом является исходной точкой генезиса личности в целом. Самость тем самым, как утверждал еще Плотин, ориентирует человека на благо, на их созидание. А в этом состоит самосовершенствование, выступающее глубинной интенцией самости. Для актуализации такой интенции и необходима самодетельность, а дальше – как в цепной реакции: для самодетельности нужно саморегулирование, оно в свою очередь складывается из самооценки, самоконтроля, самодисциплины, самоуправления. В свою очередь, деятельность выступает в предметной и идеальной формах. Все, что относится к самости человека может быть интерпретировано как его идеальная деятельность. Что же касается материально-предметной, то она выступает в определенных этапах развития: идентификация, самоопределение, адаптация, саморазвитие, самореализация. Тем самым мы обнаруживаем как бы два потока развития человеческой самости, которые связаны с идеальным и материально-предметным аспектами его бытия. В целом они образуют общий процесс генезиса личности, который схематично может быть представлен в следующей форме.

Схема 4

Именно самость человека, выраженная в идеальной и предметной деятельности, ориентирует человека на самосовершенствование.

ование, смысл которого состоит как раз в том, чтобы внутренний человек правил внешним. Именно из этого возникает идея личной ответственности человека за все то, что он делает¹.

Индивид еще не есть личность, потому что он ничего самостоятельно еще не сделал. Но как только индивид начинает идентифицировать себя и окружающий его мир (природный, социальный, хозяйственный), то он вынужден давать самооценку и тому, что он обнаруживает и тому, кто и как все это обнаруживает. Никто за младенца не может оценить его ощущение от материнского молока или забавной погремушки. В доказательство можно привести сотни случаев, когда родители выбирают ребенку игрушку, а она ему не интересна. За этой первой фазой генезиса личности, развития человеческой самости следует вторая фаза, состоящая в самоопределении индивида к тем объектам окружающего его мира, которые он воспринимает. Такое самоопределение неразрывно связано с самоконтролем. Младенец научается контролировать себя, упав из коляски, споткнувшись о препятствие. Но этот самоконтроль не тождественен контрольным санкциям внешнего управления. Если пилоту предписано сохранять заданную высоту или курс, то младенец самостоятельно выбирает свой путь, хотя очень часто интуитивно, бессознательно. Для пилота аксиомой является чужой опыт, для младенца – свой. В этом состоит принципиальная разница между самоуправлением в широком смысле слова и общим менеджментом как системой внешнего воздействия на поведение людей. Третья фаза генезиса личности связана с адаптацией. Младенец вынужден приспособливаться к внешней среде, когда он усваивает, что изменить ему не удастся. И он это делает самостоятельно, лично. На этом этапе ему необходима своя собственная самодисциплина: он учится притворяться или наоборот, пытается взять криком и т.п. Экспериментируя, младенец социализируется. Но во внешнем управлении такое экспериментирование немыслимо. Представим на секунду, что пилот начинает экспериментировать с машиной, не соблюдая инструкции. Вероятно, в лучшем случае, это будет последний день в его карьере летчика.

¹ См.: Лосев А. Ф. История античной эстетики. Поздний эллинизм. М., 1980. С. 361–371.

Четвертая фаза генезиса личности представляет собой отрыв от первых трех и переход индивида в некое новое качество. Младенец начинает саморазвиваться, т. е. делать нечто такое, что отличает его от пассивного существа и характеризует как активное, действующее, создающее, творящее, пускай и на очень примитивном уровне. Слепить из пластилина фигурку или самостоятельно научиться включать и выключать аудиоаппаратуру означает стать деятельным существом. Самодеятельность младенца может не нравиться родителям, крайне дорожащим собственным телевизором или обоями на стенах гостиной. Но самодеятельность не знает преград: исписанные обои и поломанный пульт тому доказательство. Но ломать – не строить. Постепенно ребенок превращается в личность. Это происходит тогда, когда он начинает избегать ошибок, научается минимизировать для себя ущерб, овладевает первыми приемами самоуправления. На этой фазе начинается процесс самореализации личности, связанный с переводом его самовыражения в этическое, конструктивное и эффективное русло. В общем и целом такая картина генезиса личности соответствует той картине мира, которую в свое время предложил М. Шелер (1874–1928), выделявший четыре ступени в мироздании: мир неодушевленных предметов, мир растений, мир животных, мир человека¹. Весьма возможно, что сравнение покажется несколько грубоватым, но индивид на первой стадии генезиса личности очень напоминает неодушевленную вещь, простой предмет. Младенца спеленали и насильно уложили в коляску, где ему и быть. На второй стадии генезиса личности самостоятельность человека возрастает, но он весьма напоминает нам растение, настолько его активность условна. На третьей стадии генезиса человек – животное. Растения и животные прекрасно могут адаптироваться к внешней среде (например, мимикрия). Человек в этом смысле не исключение. На четвертой стадии человек собственно и становится человеком в полном, глубинном смысле слова.

Но вот пятая стадия генезиса личности казалось бы не вписывается в конструкцию М.Шелера. На наш взгляд, это связано с тем, что М.Шелер просто забыл Бога, упустил мир сакраль-

¹ См.: Шелер М. Положение человека в космосе// Шелер М. Избр.тр., М., 1994.

ного. Если конструкцию немецкого философа дополнить миром сакрального, то станет очевидно, что наша логика, касающаяся конструирования процесса генезиса личности в общем и целом совпадает логикой одного из выдающихся создателей философской антропологии. Тем более, что М.Шелер не только не отвергал идею Бога, но считал более корректным рассуждать о положении человека в Космосе.

Неразрывная связь самоуправления с самореализацией, а шире – со всеми проявлениями самости человека наталкивает на мысль о том, что самоуправление является высшей, предельной, наиболее социально значимой формой проявления самости и субъектности. В самом деле, самость присуща не только человеку, но и другим объектам в мире: животным, вещам и т.д., поскольку все они существуют самостоятельно, независимо от воли и желания каждого из нас. Тем самым можно говорить о совпадении смыслов самости и объективности. Но вот никто, кроме человека, не является носителем единства самости и субъектности. Самость – общий принцип осмысления не только человека, но и любой другой вещи. «В силу самости вещь не сводима ни в какую другую вещь. Самость через утверждение собственной идентичности вещи превращает ее в самостоятельно значимую вещь и вместе с тем отделяет (отдаляет) ее от любой другой вещи. Самость, стало быть, придает вещи абсолютную индивидуальность, что справедливо и в отношении человека»¹. Но субъектность как основа социального творчества присуща только человеку. Никакой кирпич, лежащий по соседству с другим кирпичом, не может образовывать общество, систему, целостность. Кирпичная кладка – результат труда человека. Общество – тем более. И здесь мы обнаруживаем два типа единства: внешнее и внутреннее, механическое и органическое, фрагментарное и полное. Как отмечал А.Ф.Лосев, существует два типа единства: раздельное единство множественных частей и абсолютное нераздельное единство. В процессе генезиса личности идеальная и предметная деятельность, достигающие до уровня самореализации и самоуправления,

¹ См.: Рыбаков Н.С. Самость и самоопределение человека// Материалы III Всерос. научно- богосл. чтений, посвященных творчеству И.А.Ильина. Екатеринбург, 2005. С.422-423.

поднимают человека от индивидуальной обособленности до уровня реального единства, а затем и до уровня абсолютного единства. Это возрастание личности осуществляется благодаря возрастанию ее потенциала, ее саморазвитию, самоопределению. В структуре генезиса личности самоопределение предваряет саморазвитие как его необходимое условие. Подобно тому, как тучи есть неперенное условие дождя, а солнце – жары, самоопределение, взятое в контексте самости человека, выступает предикатом саморазвития личности.

Когда речь идет о самоопределении, то это означает, что объект сам для себя и по отношению к себе выявляет предел своей собственной членимости, дробимости, за которыми выступает потеря его самоидентичности, самости»¹. Однако, для самоопределения необходима определенная степень разлитости индивида. С другой стороны, самоопределение, доведенное до совершенства, означает, что личность становится самодостаточной и более не нуждается ни в каком самоопределении. Известно, что перевоспитывать зрелого человека практически невозможно, тогда как ребенок – *tabula rasa* – открытая книга. Это доказывает тот момент, что каждая новая фраза в структуре генезиса личности как бы опровергает, отвергает, отрицает предыдущую фазу (закон отрицания отрицания).

Важно также заметить, что личность предпринимателя, не прошедшая все пять фаз генезиса, остается незавершенной и содержит в самой себе потенциальную основу для краха предпринимательской деятельности. Прав был А.В.Лосев, когда писал: «человек освободился от повиновения трансцендентному бытию», но оказался «в зависимости от другого абсолюта; и хотя этим абсолютом явился для себя он сам, - от этого нисколько не стало лучше»². Иными словами, фетишизация собственного «Я» точно также бессмысленна, как и абсолютизация идеи Бога. Подчеркнем, что мы рассуждаем о личности предпринимателя, а не о личности в целом и о бытии вообще.

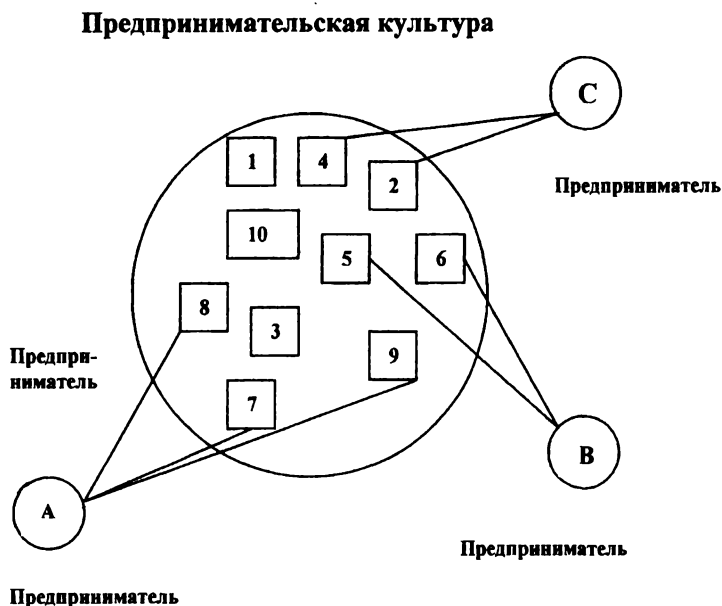
¹ См.: Рыбаков Н.С. Самость и самоопределение человека// Материалы III Всероссийско-научно-богосл. чтений, посвященных творчеству И.А.Ильина. Екатеринбург, 2005. С.426.

² См.: Лосев А.Ф. История этических учений// Лосев А.Ф. Форма – Стиль – Выражение. М., 1995. С.376.

Можно полностью согласиться с выводом о том, что «самость есть условие и основание того, что человек является индивидом, т.е. неделимым целым. Благодаря самости индивид становится тождественен самому себе, самосознающим субъектом, способным на ответственное действие. Поэтому самость, воплощающая начало личностное, служит причиной существования индивида, а не наоборот, как считает официальная психология, будто индивид есть предпосылка становления личности»¹.

Заложенные, закодированные, предзаданные в человеке потенции самоактуализируются в процессе генезиса личности не абстрактно, не отвлеченно, а в определенном аксиологическом и праксиологическом поле. Предпринимательство ориентирует все потенции человеческой самости в направлении сочетания экономики и культуры, бизнеса и быта, хозяйства и иных сфер человеческой жизнедеятельности таким образом, чтобы обеспечить полноценность существования самого человека. Поэтому, руководствуясь своим самостоятельным представлением о возможностях и способах осуществления такого синтеза, соединения, личность выбирает определенные ценности для своего ориентированного действия. Из схемы, приводимой ниже, видно, что точно так же, как не может быть одинаковых отпечатков пальцев у двух различных людей, не может быть и совершенно одинаковых аксиологических комбинаций в структуре предпринимательской деятельности:

¹ См.: См.: Новиков Д.В. Учение о личности в христианском богословии. IV-VIII вв. // Человек, 2000. п.3.

Из схемы следует, что каждый предприниматель в качестве аксиологических оснований выбирает разные составляющие предпринимательской культуры. Естественно, конкретные ценности могут взаимопересекаться, быть общими, но личностная предпринимательская культура всегда будет конкретной, неповторимой, строго уникальной. При этом не следует смешивать понятие личностной предпринимательской культуры и культуры личности (личностной культуры) в целом.

Возникает вопрос о том, каковы же тогда субъективные факторы, детерминирующие специфику личностной предпринима-

тельской культуры (культуры предпринимателя как личности)? Здесь сказываются психические и социальные обстоятельства, касающиеся личности предпринимателя, который по ходу своей деятельности должен принимать определенные управленческие решения. Сама специфика таких решений состоит в том, что они направлены либо на самого предпринимателя (индивидуальное предпринимательство), либо как на него, так и на коллектив в целом. Это означает, что в условиях коллективного предпринимательства индивидуальные управленческие решения актуализируются как коллективистские, принятые совместно. При этом сама личность предпринимателя также оказывает свое влияние на эффективность и характер коллективистских (а индивидуальных, тем более) решений.

К субъективным факторам, детерминирующим такие решения, относятся личные черты субъекта, принимающего решение. Личностные факторы складываются из психических *процессов*, психических *состояний* и психических *свойств*.

Психические процессы разделяются на три вида: познавательные, волевые и эмоциональные. В свою очередь, познавательные - включают ощущения, восприятие, память, мышление, представление, воображение, внимание.

Одним из важнейших социальных факторов, влияющих на принятие решения, является окружающая социальная среда, основными характеристиками которой выступают определенность, риск, неопределенность, конфликтность.

Определенность выражает детерминированный характер процесса, т.е. обязательность наступления результата при соблюдении определенных условий.

Риск - вероятность наступления события может быть просчитана с помощью экономико-математических методов в интервале от 0 до 1. Деятельность страховых компаний и все принимаемые ими решения базируются на исчислении рисков.

Неопределенность - часто встречающаяся среда принятия управленческих решений, когда количество влияющих факторов и их взаимодействие непрогнозируемо в связи с отсутствием аналогий и методов прогнозирования.

Конфликтность - среда, включающая возможность активного противодействия принятию и реализации решения.

Характер социальной среды значительно влияет на процесс принятия и саму эффективность решения предпринимателя.

Важной проблемой для предпринимателя является подбор и оценка альтернатив решений.

Подбор и оценка альтернатив предпринимательского решения играют решающую роль, так как выбор альтернативы и есть принятие решения.

Альтернативы могут включать решение вопроса о стратегии завоевания рынка (лидерство по ценам, дифференциация, фокусная стратегия), сохранения рынка (концентрация, интеграция, диверсификация), уход с рынка.

Они могут касаться и более частных вопросов - путей укрепления финансового состояния, повышения качества продукции, выбора оргструктуры фирмы и т.д.

Значение этапа определяет и важную роль методов сравнительной оценки альтернатив по ограничениям, объективно и субъективно существующим в реальности.

Так, предприниматель может использовать различные стратегии завоевания рынка: лидерство по издержкам с соответствующим лидерством по ценам, дифференциация по ценам, фокусная стратегия.

Лидерство по ценам предполагает массовый выпуск стандартной продукции, рассчитанной на наиболее низкооплачиваемые слои населения. Сутью этой стратегии является максимальная экономия на издержках производства и обращения, позволяющая завоевать рынок с помощью низких цен и удерживать его, поскольку стратегия обладает весомыми преимуществами:

- наиболее низкие издержки среди всех производителей делают предпринимателя защищенным от притязаний покупателей на снижение цен, поскольку более низких цен не существует вообще;

- положение *предпринимателя* по отношению к поставщикам также является предпочтительным, поскольку даже при повышении цен на материальные и инвестиционные ресурсы, которое в одинаковой степени скажется на всех предприятиях, выпускающих данную продукцию, лидер по издержкам будет иметь большую свободу маневра при отражении в ценах возросших издержек;

- наиболее низкие издержки укрепляют конкурентоспособность данного производителя по отношению к конкурентам из других отраслей, стремящимся завоевать рынок.

Отличительной особенностью данной стратегии являются широко распространенный самоконтроль, экономия на всех видах издержек.

Определенной проблемой является стремление других производителей завоевать этот массовый рынок, предложив столь же дешевую, но отличающуюся в некоторой степени продукцию сходного назначения. Это обстоятельство требует решения задачи периодического обновления выпускаемой продукции при соблюдении столь же низкого уровня издержек, что практически невозможно.

Ликвидация этого противоречия может быть достигнута предпринимателем путем создания специальных фондов, предназначенных для возмещения расходов по обновлению производства и продукции без корректировки уровня цен.

Дифференциация по ценам рассчитана на средний класс покупателей. Преимущество этой стратегии в том, что средний класс является наиболее устойчивым рынком сбыта продукции.

Проблемой данной стратегии является борьба с подделками, девальвирующими ценность фирменных изделий и снижающими возможности доходов основных производителей.

Фокусная стратегия рассчитана на потребителя с более высоким уровнем доходов, эксклюзивного положения в обществе.

Предметы, производимые в рамках фокусной стратегии, отличаются высокими издержками, ценой и приносят производителям высокую прибыль.

Проблемами стратегии этого вида является острота конкуренции, поскольку круг потребителей чрезвычайно узок, а также максимальная степень неопределенности условий хозяйствования.

Существует множество методов оценки и сопоставления альтернатив - исследование операций, модели, эвристические, дерево решений, экспертные. Каждая группа методов имеет свои достоинства и недостатки, определенную сферу применения.

Процесс отбора альтернатив содержит внутреннее противоречие. С одной стороны, теоретически желательно проанализиро-

вать как можно больше альтернатив для того, чтобы выбрать действительно самую лучшую; с другой - существуют ограничения, заставляющие сузить круг поисков. Поэтому число фактически сравниваемых альтернатив формируется в результате отсекаания заведомо недопустимых, не отвечающих объективным ограничениям альтернатив.

Могут быть использованы следующие характеристики альтернатив:

- время реализации;
- стоимость реализации;
- степень риска;
- обеспеченность ресурсами всех видов;
- отрицательные последствия, в частности возникновение новых проблем.

Выбор метода оценки зависит от типа решения (стратегическое или тактическое), наличия информации, степени неопределенности, поля возникновения проблемы. Чем сложнее метод, тем выше его стоимость, поэтому лицо, принимающее решение, стремится, как правило, сократить число критериев и упростить метод. Перечислим кратко некоторые из методов принятия предпринимателем своих решений. Для оценки процессов, которые могут быть достаточно полно оценены двухкритериальным методом, возможно использование сопоставления «затраты-результаты». Сложность возникает в том случае, если результаты не могут быть выражены однозначно. Определенный круг альтернатив может быть оценен с помощью метода исследования операций.

Метод дерева решений позволяет наглядно (по аналогии с деревом целей и деревом критериев) представить процесс выбора альтернативы. Общий принцип построения дерева - нанесение на график последовательности действий, выражающих сущность альтернативы, и их оценку (+,-). Последствия со знаком «минус» отбрасываются, а положительные результаты характеризуют альтернативу, которая имеет преимущества.

Еще одна группа методов оценки альтернатив - экспертная - представляет собой различные способы приведения частных оценок к обобщенному значению.

Еще одна группа методов оценки альтернатив - экспертная - представляет собой различные способы приведения частных оценок к обобщенному значению.

Качество предпринимательского решения - специфическое проявление общего понятия «качество», зависящее от его научной обоснованности, системности, т.е. соответствия применяемой совокупности действий, своевременности, практичности, правомочности.

Качество решения - это степень соответствия выработанных теоретических рекомендаций по обоснованию цели и путей ее достижения той реальной проблеме, которая является предметом решения.

Первым общепринятым условием качества решения является его научная обоснованность, т.е. знание объективных законов развития системы и конкретного объекта, применительно к которому применяется решение. Необходимо уметь прогнозировать тенденции развития своей деятельности, располагать полной, достоверной, своевременной информацией, знать основные рекомендации из общей теории принятия решения, теории управления, теории систем.

Вторым условием является системность, которая включает, с одной стороны, логическую связь между целями и методами их достижения, с другой - единство подхода к решению разных проблем, связанных между собою, вытекающее из стратегии самой личности предпринимателя.

Третье условие - своевременность принятия решения, которая означает, что время, затраченное на принятие и реализацию решения, должно соответствовать реальным условиям функционирования субъекта, т.е. результат должен быть получен в тот срок, когда он может быть в полной мере эффективен.

Четвертое условие: следует помнить, что качество решения - понятие относительное, что при изменении ситуации возникает необходимость либо частично изменить, либо полностью отказаться от принятого решения. Следует быть готовым к тому, что такая ситуация возникнет, необходимо рассматривать ее как совершенно нормальную и уделять больше внимания прогнозированию развития ситуации и формулированию запасных вариантов реакции на эту ситуацию.

Пятое условие - практичность. Любое самое великолепное решение будет абсолютно бессмысленным, если организация не располагает возможностями для его реализации в ограниченные сроки и при имеющихся ресурсах.

Большой проблемой в процессе личностного самоуправления предпринимателя остается реализация и оценка правильности принятого решения. Реализация решения является очень важным этапом общего алгоритма, так как она может полностью обесценить самое качественное решение и, наоборот, нивелировать те упущения, которые были допущены на предыдущих этапах. В определенном смысле реализация - более трудный и рискованный этап, чем принятие решения, ибо она требует самоорганизации личности. Технология реализации решения состоит из планирования, делегирования, мотивации, контроля и оценки эффективности.

Детализация этих составляющих зависит от вида выбранной технологии: инициативно-целевой, регламентной, программно-целевой.

Инициативно-целевая технология наиболее успешно используется в небольших по численности коллективах. Ее отличает минимальное централизованное коллективное воздействие (постановка цели и контроль результата).

Для применения данной технологии необходимо:

- небольшой размер коллектива (10-12 человек);
- высокая ответственность членов коллектива и примерно равный профессионализм;
- комфортный климат в коллективе.

Регламентная технология предусматривает установление цели и лимитов на определенные ресурсы, использование которых жестко самоконтролируется.

Регламентная технология предусматривает постоянные самоконтроль со стороны предпринимателя за ходом реализации. При этом объектами контроля являются серьезные стратегические показатели. Регламентная технология оправдывает себя, как правило, в сложных структурах, где нижестоящие звенья при достижении специализированных целей обладают достаточной широкой самостоятельностью в пределах определенных ограничений гло-

бальных целей (своеобразный вариант «рассеянной мануфактуры»).

Программно-целевая технология включает детальное планирование, фиксированные промежуточные сроки, контроль процесса и результата. Это наиболее употребляемая технология в массовом и крупносерийном производстве.

Программно-целевая технология предполагает составление плана достижения цели, разбитого на этапы, с указанием методов и сроков ее достижения, т.е. полную реализацию всех этапов.

Любая технология может быть успешно реализована только при надлежащем распределении полномочий и ответственности во времени (бюджет времени, социальное планирование).

Осуществление делегирования своих полномочий другими участниками коллектива должно учитывать прежде всего, такие отличительные особенности, как способности и склонности. Под способностями понимается информационная емкость мозга каждого конкретного человека и скорость, с которой мозг мобилизует имеющуюся у него информацию. Склонности дополняют эту характеристику, так как практически не встречаются люди, которые равным образом могут усваивать различные типы информации.

Помимо отмеченных выше особенностей значение будут иметь и психологические аспекты личностей, их темперамент, форма реакции на внешние раздражители. Все эти моменты оказывают решающее влияние на успешность реализации решения.

Очень важно правильно организовать делегирование - не принуждать члена своего коллектива к выполнению определенных функций, а получить его добровольное согласие, убедив в том, что он может хорошо справиться с порученным делом.

Система мотивации - это обеспечение заинтересованности каждого участника процесса в достижении заранее поставленной цели. Система мотивации должна, прежде всего, учитывать потребности и ожидания сотрудников.

В структуре коллективного самоуправления ключевыми являются не физиологические потребности и потребность в безопасности, а потребность в причастности, уважении и самореализации.

Эти потребности в большей мере удовлетворяются с помощью моральных методов поощрения, к которым относятся мето-

ды перемены (обогащения) труда и метод участия, предполагающие широкое вовлечение членов коллектива в процесс принятия самоуправленческих решений.

Соблюдение принципов делегирования и мотивации создает предпосылку формирования эффективного механизма коллективного самоуправления и реализации решения.

Самоконтроль – это третий этап процесса реализации решения.

Очень многие предприниматели рассматривают самоконтроль как форму реакции на критическое состояние объекта или процесса, способ поиска и наказания виновных. Это глубоко неправильное понимание сущности самоконтроля приводит к тому, что к нему обращаются во многих случаях тогда, когда процесс реализации зашел в тупик и привел к необратимым последствиям.

На наш взгляд, сущность самоконтроля - в постоянном поиске наиболее эффективного пути достижения целей, в предупреждении проблем и потерь, изучении и мобилизации позитивных тенденций в процессе управления.

Самоконтроль включает диагностику состояния объекта, выявление причин отклонения фактического состояния от стандартов, нахождение способов устранения этих причин путем мобилизации всех членов коллектива.

Самоконтроль должен сопровождать процесс реализации решения на всех этапах его осуществления. Предварительный самоконтроль должен быть применен на этапе подготовки к реализации, при разработке плана реализации решения, а также при разработке его механизмов, т.е. делегировании и мотивации. Задача самоконтроля на этом этапе - обеспечить соответствие предлагаемых мер объективным условиям, в которых осуществляется реализация решения, и формулирование стандартов, характеризующих успешность или неуспешность процесса реализации.

Текущий самоконтроль осуществляется в процессе реализации и должен включать констатацию отклонений практической деятельности по реализации решения от заранее намеченных планов, выявление причин этих отклонений. Причинами отклонений могут быть:

- неполный учет всех обстоятельств, оказывающих воздействие на реализацию решения;

- изменение этих обстоятельств под влиянием внешних и внутренних факторов;
- недостатки и ошибки, проявившиеся при реализации решения;
- появившиеся дополнительные возможности повышения эффективности принимаемого решения.

Изменение обстоятельств может привести к изменению всего алгоритма реализации решения предпринимателя. В этой ситуации личное распоряительство, личностное самоуправление будет играть решающую роль. Заключительный самоконтроль как раз и призван ответить на вопрос, достигнут ли искомый результат, предусмотренный при разработке и исполнении решения. И только сам предприниматель может точно ответить на данный вопрос, потому что никто не может быть судьей наших успехов. Только сам предприниматель волен решить: успех это или неудача. И если он ставит вопрос о том, как выгодно себя продать сторонней фирме, компании, организации – он уже не самоуправляемая личность. Он, возможно, заботится о своем имидже и пытается получить доход, но самоуправление у него, очевидно, не эффективно. Сколько бы не писали разные авторы о том, что имидж также требует усилий, но если он создается ради продажи, он – фикция¹. Когда-то Б.Шоу высказал интересную мысль: если у меня есть одно яблоко, и у тебя есть одно яблоко, и мы обменяемся ими, то и у тебя, и у меня будет по одному яблоку. Если же у тебя есть идея, и у меня есть идея, и мы ими обменяемся, то у нас будет по две идеи у каждого. Можно было бы дополнить эту мысль: если у тебя есть имидж, и у меня есть имидж, и мы ими обменяемся, то очень может быть, что я буду иметь два имиджа, а ты – ни одного. Покупая специалиста, его имидж, всякая фирма укрепляет свой, но обесценивает сам объект своего приобретения – личность. Именно поэтому в последние десятилетия исследователи особое внимание уделяют проблеме воспитания своего лидера, своего таланта, а не выгодным покупкам на рынке². Тем самым можно отметить тенденцию к некоторому развитию само-

¹ См.: Берд П. Продай себя. Тактика совершенствования Вашего имиджа: Пер. с англ. Минск: Алфея, 1997. С.208.

² См.: Байхет У.С., Смит О.Б., Пизи М.Дж. Воспитай своего лидера: как находить, развивать и удерживать талантливых людей. Пер. с англ. М.: ИД Вильямс, 2002. С.416.

управления и в рамках корпоративного предпринимательства. Но это всегда будет лишь частичным и фрагментарным процессом, поскольку субъект и объект конкретного социального отношения здесь всегда не совпадают.

§2. Самоуправление в контексте коллективного предпринимательства

Место и роль самоуправления: в системе коллективного предпринимательства давно интересовали историков, философов и экономистов. Еще лидер Кембриджской экономики А.Маршалл, обращаясь в XIX в. к проблемам городского управления, отмечал, что эффективное самоуправление до самого последнего времени (т.е. в условиях рабовладельческого общества) и в эпоху феодализма было возможным только в городах. Он, в частности, писал; «До недавних лет полное или прямое самоуправление людей было не возможно в рамках большой нации, оно могло существовать только в городах или на очень небольших территориях»¹. Развивая далее свои представления о самоуправлении, А.Маршалл полагал, что в силу многочисленности промышленных классов (ремесленников, посадских людей, наемных работников и т.п.) в городах, они могли свободно и достаточно результативно «выразить свое одобрение или неодобрение, прежде чем был принят следующий шаг», «народ обсуждал совместно социальные и производственные проблемы» с властями и т.д. При этом «граждане повышали свою культуру, не теряя своей энергии, они приучались приобретать интеллектуальный интерес, во многих отношениях помимо своего коммерческого предприятия» и т.д.². В истории российского общества также проблема самоуправления давно разрабатывалась разными исследователями. Достаточно напомнить вклад исторической науки в изучение земства в царской России или развитие самоуправления в купеческой среде. Отмечая, например, как факт повсеместно строительство на

¹ См.: *Маршалл А.* Принципы экономической науки: Пер. с англ. В 3-х т. Т. III. М.: Прогресс, 1993. С.158.

² Там же. С.160.

Руси храмов за счет купцов, исследователи считают, что самодеятельность многих купцов основывалась на ревностной вере, энтузиазме и высокой социальной ответственности перед своими земляками¹.

Однако, ни исторические экскурсы, ни экономические исследования не дают нам четкого понимания сущности самоуправления как особой формы организации человеческой деятельности. Более того, часто коллективистское самоуправление сводится к передаче отдельных функций управления вышестоящим органам власти на места, конкретным слоям населения или территориям. Так, в современных условиях, органы местного самоуправления, согласно Конституции РФ, вообще отделены от органов государственной власти. Отсюда следует, что если, например, налоговым и бюджетным регулированием в соответствии с Налоговым и Бюджетным кодексами РФ могут заниматься только органы государственной власти, то местные органы самоуправления этим в принципе заниматься не должны. Однако конкретная практика, которая очевидным образом противоречит и Конституции РФ, и указанным кодексам, опровергает подобные выводы: у местных органов самоуправления имеются и свои бюджетные средства и своя налогооблагаемая база (источник доходов).

Осуществление субъектом хозяйственной деятельности каких-то определенных функций, делегированных ему свыше, отнюдь не означает, что возникает самоуправление. Исходя из определения самоуправления как способности субъекта полноправно и полноценно решать задачи своего собственного развития (будь то отдельный коллектив или отдельная область в структуре страны в целом), мы должны признать, что частичное делегирование полномочий из федерального центра на места не обеспечивает такого полноправного и полноценного характера в развитии субъектов самоуправления. Не секрет, что большинство территорий в РФ дотационные, многие тысячи предприятий – убыточные, а местные органы самоуправления вообще часто не в состоянии эффективно функционировать на той правовой и нормативной основе, которая сегодня создана.

¹ См.: Преображенский А.А., Первахон В.Б. Купечество Руси: IX-XVII вв. Екатеринбург: Демидовский институт, 1997. С.175-183.

Разбитые дороги во многих городах страны, изношенная до предела база жилищно-коммунального хозяйства, физический износ основных фондов промышленных предприятий, запущенная социальная сфера и массовые разорения предпринимательских структур - яркое тому доказательство.

В связи с этим проблема выявления закономерностей развития самоуправления в системе коллективного предпринимательства, являющегося основным налогоплательщиком и производителем товаров народного потребления в мире, приобретает первостепенное значение. И это относится не только к нам: в Италии доля мелкого и среднего бизнеса в структуре ВВП составляет более 60%, в США более 40%, в нашей стране – пока чуть более 15%¹. Следовательно, от решения вопроса, каким образом наладить эффективное коллективное самоуправление в этой сфере, зависит благосостояние нашего общества, уровень и качество жизни каждого отдельного россиянина.

Коллективное предпринимательство предполагает и коллективное самоуправление. Для понимания сущности именно такого самоуправления необходимо определиться не только с трактовкой предпринимательства, что в целом уже сделано ранее, но и с понятием коллектива. В общем и целом определение коллектива давалось многократно. Так, в советское время коллектив определялся как «организованная группа, в которой все члены объединены общими ценностями, целями и задачами деятельности, значимыми для группы в целом и для каждого из ее членов в частности, где межличностные отношения опосредуются общественно ценным и личностно значимым содержанием совместной деятельности»².

В качестве исходной, такая творческая трактовка имеет право на существование. Но следует помнить, что не в каждой организованной социальной группе личные, групповые и общественные интересы находятся в соответствии. Не каждая социальная группа поэтому является подлинным коллективом. Но следует, видимо, признать, что наиболее полного соответствия личные, групповые

¹ См.: История России. В 2-х т.Т.2: С начала XIX в. до начала XXI в. / Под ред. А.Н.Сахарова. М.: АСТ-Астрель-Ермак, 2005. С.832.

² См.: Петровский А.В., Шпаленский В.В. Социальная психология коллектива. М.: Просвещение, 1978. С.69.

и общественные интересы достигают лишь в *трудовом* коллективе. Так, коллектив спортсменов остается все-таки командой, в которой все не могут одновременно быть персональными чемпионами по определению (если это не коллективный вид спорта). С другой стороны, в трудовом коллективе интересы всех уровней гармонизируются в максимальной степени в силу единой трудовой ориентации людей, их трудового мировоззрения¹. Именно такая наиболее полная гармонизация, координация, систематизация, на наш взгляд, и создают необходимые предварительные условия для эффективного коллективного самоуправления. Если на судне в команде возникают противоречия, судно становится неуправляемым. Но если бы такие противоречия возникали в трудовом коллективе, мы должны были бы признать, что он также может быть несамоуправляемым. Но если мы будем вести речь именно о *трудовом* коллективе, а не о производственном или еще каком-либо ином, то следует иметь в виду, что общая трудовая деятельность порождает такие феномены социальных отношений, как трудовая солидарность, трудовой героизм, трудовая дисциплина, трудовая ответственность, трудовое товарищество. Будь то купеческая гильдия или ремесленный цех в средневековом обществе или современное товарищество, артель, - если в них присутствует единство в труде - трудовое товарищество, оно вполне может эффективно самоуправляться, принимать на себя не только делегированные сверху функции, но и само избирать такие, с которыми высшее начальство не желает расставаться. Если вспомнить историю советского периода, то бригадный подряд, постоянно действующие производственные совещания, коэффициенты трудового участия и многие другие примеры развития коллективного самоуправления появлялись не благодаря, а скорее, вопреки воле начальства. Достаточно вспомнить хотя бы о том, что инициатора трудовых подрядов В.Худенко сгноили в тюрьме за инициативу. Да и как могло быть иначе? Ведь подлинное коллективистское самоуправление может осуществляться только свободно, а именно - *свободно от внешней социальной монополии чиновника-*

¹ См.: Философия российской экономики. В 2-х т. / Под ред. Н.Н.Целищева, Т.С.Орловой. Т.2. Екатеринбург: УРГУ, 2005. С.378-393.

бюрократа. Понимание этого в общем и целом присутствует в Послании Президента РФ В.В.Путина Федеральному собранию, где сказано о необходимости дебюрократизации российской экономики¹. Но дальше такого понимания дело не идет, потому что предоставлять свободы бюрократические структуры не «желают», а коллективы пока ее взять не могут. А ведь прав был А.С.Макаренко, когда утверждал, что «коллектив это *свободная* (выделено нами – авт.) группа трудящихся, объединенная единой целью, едиными действиями, организованная, снабженная органами управления, дисциплины и ответственности»².

Можем ли мы признать наличие такой свободы и единой цели со стороны управляющей бюрократии? Конечно же, нет. Неслучайно по этому поводу еще В.И.Ленин в письме к А.Д.Цурюпе писал: «Нас затягивает поганое бюрократическое болото в писание бумажек, говорение о декретах, писание декретов, и в этом бумажном море тонет живая работа». И далее: «Ведомства - говно; декреты - говно; искать людей проверять работу - в этом все»³. Незадолго до смерти вождь большевиков озаботился тем, как реорганизовать Рабкрин (Рабоче-крестьянскую инспекцию), но вряд ли эта идея была созвучна идее коллективистского самоуправления. Наоборот, как известно, предложения передать рабочим всю полноту власти на предприятия или даже сами предприятия в полное ведение В.И.Ленин называл анархо-синдикализмом.

В контексте нашего исследования центральным вопросом развития коллективного предпринимательства является самоуправление. Смысл коллективистского самоуправления в сфере предпринимательской деятельности заключается в преодолении отчуждения коллектива от функции управления, перенесение этой функции из внешнего по отношению к трудовому коллективу слоя бюрократов в сами коллективы. Тем самым возникнут необходимые предпосылки для эффективной организации экономики,

¹ См.: Послание Президента Российской Федерации В.В.Путина Федеральному Собранию. М., 2004.

² Там же.

³ См.: Цит. по: Андреев С. Причины и следствия // Разорванный круг / Ред. В.Н.Черных, Екатеринбург: Ср-Урал. кн. изд., 1988. С.246.

предпринимательства, бизнеса, а также для оптимального самоуправления внутри коллектива, каждой его личностью, составляющей его часть. Самоуправление немыслимо без самоорганизации коллектива. Самоорганизация внутри коллектива в качестве предпосылки эффективного коллективистского самоуправления означает создание условий, обеспечивающих не просто разностороннее, но и полноценное саморазвитие личности внутри такого коллектива, а также сочетание всех ее потребностей и интересов с потребностями и интересами коллектива и общества в целом. Это возможно на пути самоконтроля, самокоординации, саморегуляции, самодисциплины, самоопределения, а в конечном счете - самопроизводства трудового коллектива как социальной общности. Высшей точкой такого самопроизводства как раз и выступает превращение трудового коллектива в коллективную предпринимательскую силу, инициирующую инновационную деятельность и успешно осуществляющую ее. Альтернативой этой высшей точке специального развития может служить другая ситуация, когда формируется социальный деспотизм. «Деспотизм есть господство человека над человеком, господство неограниченное и руководимое лишь произволом самого господствующего»¹. Деспотизм, даже если он прикрыт флером демократических институтов и процедур, по существу означает неравенство между людьми; он может выступать в форме мелочной опеки работника, излишней регламентации его деятельности, навязывания ему вороха форм отчетности, различных предписаний и указаний. Достаточно вспомнить, как задыхаясь от такой мелочной опеки, советские предприятия вырвали у власти в 60-е гг. XX в. «кусок» самостоятельности в виде оперативно-хозяйственной самостоятельности. Тогда, в 1965 г., была унифицирована и упрощена система отчетности в хозяйстве, число первичных форм отчетности было сокращено с 1174 (!) до 123, т.е. в десять раз². Положение от 1965 года «О государственном предприятии» заметно расширило права коллективов, но полностью не освободило их от государственной

¹ См.: Франк С. Философские предпосылки деспотизма // Вопросы философии. 1992. №3. С. 114.

² См.: Андреев С. Указ. соч. С. 253.

опеки,¹ а следовательно, не создало и необходимых условий для занятий предпринимательством. Перестройка, начавшаяся в 1985 г., лишь изменила стиль и фразеологию управления, но не само соотношение между самоуправлением коллективов и государственным управлением как таковым. Даже накануне перестройки отмечалось, что «все еще действует сила инерции, привычка к старому»².

В постперестроечный период, начавшийся в массовой приватизации государственное управление было заменено не самоуправлением трудовых коллективов, а новым типом управления - корпоративным, когда государственных чиновников по отношению к предприятию заменили новые собственники или нанятые им менеджеры. Тем самым был упущен важный шанс осуществления народной приватизации и развития трудового коллективистского самоуправления в стране.

Это обстоятельство, казалось бы, в известной степени делает неактуальной саму проблему научного изучения коллективистского самоуправления. Однако, развитие различных форм мелкого и среднего предпринимательства, не относящихся к корпоративному бизнесу, а также большие перспективы таких форм в нашей экономике, предполагают возвращение к проблематике коллективистского самоуправления. И здесь необходимо выделить основные функции такого коллективистского самоуправления в предпринимательства. Наряду с традиционными - экономической, социальной, воспитательной и политической - функциями коллективистское самоуправление выполняет также инновационную, психологическую и интегрирующую функции. Это становится возможным в силу следующих условий:

- направленности всех членов трудового коллектива на достижение общей и социально значимой цели;
- сплоченности всех участников трудового коллектива предпринимательской структуры (товарищества, артели, общества, ассоциации) в идейно-нравственном, эмоционально-волевом, интеллектуально-образовательном и профессионально-прикладном

¹ См.: Валовой Д.В. Экономика: Взгляды разных лет. М.: Наука, 1989. С.286-291.

² См.: Белоусов Р.А. Исторический опыт планового управления экономикой СССР. М.: Мысль, 1983. С.297.

плане;

- детерминированием формирующихся межличностных и профессиональных взаимоотношений в трудовом коллективе конкретной предпринимательской структуры отношениями товарищества, типового братства, солидарности и взаимопомощи;

- наличием коллективной самоорганизованности как способности конкретной социальной группы к самостоятельному принятию и реализации оптимальных *управленческих* решений¹.

В силу этих характеристик коллективное предпринимательство предполагает формирование и развитие особого типа предпринимательской культуры - культуры коллективистского самоуправления в предпринимательской деятельности. Это означает, что самоуправляющиеся личности в структуре такой группы развиваются в сторону единения, сплоченности, интеграции, взаимодействия. Это также означает, что личностное самоуправление всех участников коллективной формы предпринимательства развивается в соответствии, соотношении, сопряжении, координации в отношении всех и каждого. Это также, означает, что коллективное предпринимательское самоуправление формирует оптимальный морально-психологический и социально-психологический климат в конкретной структуре, стимулирует, мотивирует и детерминирует инновационную, креативную направленность действий всех и каждого.

Это, наконец, означает, что наряду с групповыми – коллективными факторами все остальные факторы развития человека (личностные, внеличностные, внегрупповые) образуют некий ансамбль, - который можно было бы, вслед за лидером Лозаннской школы экономики А.Парето назвать социальным оптимумом (по аналогии с экономическим оптимумом), когда дальнейшее нераспределение ролей, изменение статусов, перекомбинирование функций одного из участников коллектива не только не улучшает ситуацию, но и несет непосредственно урон, наносит ущерб всем остальным членам коллектива. Такая коллективистская «органичность» достигается естественно не раз и навсегда. Равновесие и социальный оптимум могут быть сформированы лишь в локаль-

¹ См.: Ветошкин А.П., Марцева Л.М. Основы организаторской и воспитательной работы в трудовом коллективе. Омск: ОмНИИТ, 1984. С.14-15.

ном, ограниченном отрезке «социального пространства и времени. Можно, конечно, развивать научные представления о долгосрочном, среднесрочном или краткосрочном равновесии, устойчивом социальном оптимуме в коллективном предпринимательстве, но следует помнить о том, что «все течет, все изменяется». И связано это прежде всего с тем, что трудовой коллектив, также как и личность, селективно воспринимает внешние воздействия природной, социальной, экономической среды и развивается в соответствии с ними. Если это воздействие носит латентный и эволюционный характер, коллективы способны самосохраняться достаточно дольше, чем корпорации или отдельные предприниматели-индивидуалы. Если же такое воздействие внешней среды носит бифуркационный характер, характер возмущений, революций, парадигм, скачков, взрывов, то никакая социальная структура, система не может оставаться при этом постоянной и самодостаточной. Так, при разрядах грозы даже самый совершенный авиалайнер остается в аэропорту. Самое совершенное судно в девятибалльный шторм скрывается в гавани. Для социальных систем такая ситуация тем более характерна, если учесть, что ее «пассажиры», ее участники рискуют не только жизнями, но и собственностью, имуществом, кошельками. Обычно выделяют следующие формы воздействия на трудовые коллективы: экономические, конкурентные, технологические, социальные, политические, рыночные, международные¹. Однако, в этой классификации нет анализа воздействия на коллективное предпринимательство и самоуправление в сфере такого предпринимательства психологических, культурных, религиозных, ментальных факторов. Возможно, общую, целостную систему внешних детерминант еще только предстоит выработать. Для этого необходимо наряду с глубоко экономическим подходом использовать и социально-философский, социокультурный, социологический и социопсихологический подходы. В рамках современного развития системогенетики и синергетики такой подход может стать подлинно комплексным, интегрированным, позволяющим выявить не только количественные показатели влияния внешних факторов (например, удельный вес или очередность), но и качественные аспекты

¹ См.: Уткин Э.А. Управление фирмой. М.: Акалис, 1996. С.512.

такого воздействия на коллективную самоуправляемость и коллективное предпринимательство.

Отмеченная неполнота анализа воздействия внешних факторов на трудовой коллектив обуславливает и наличие между работниками и обществом, различными его элементами – (органами власти, самоуправления, другими институтами) определенных противоречий. Поскольку типология хозяйствующих субъектов достаточно многообразна, то и морфология противоречий также может быть различной. Вспомним, что еще М.Вебер среди хозяйствующих организации выделял такие, как:

- собственно экономические организации, регулируемые материальным интересом;
- неэкономические организации, выполняющие экономические функции (например, государство, церковь);
- неэкономические организации, регулируемые неэкономическими способами (земельные общины, профсоюзы, цехи ремесленников, гильдии купцов);
- организации, утверждающие «формальный порядок», осуществляющие неэкономический контроль за условиями экономической деятельности (налоговая инспекция, полиция, прокуратура и т.п.)¹. В современной социологии различаются принудительные, утилитаристские и символические организации. выделяются также бюрократические, патерналистские, фратерналистские и партнерские организации. Однако, во всей этой многообразной классификации давно уже отсутствует понятие коллективного, коллективистского. Данный термин все в большей степени заменяется (подменяется) термином «партнерство». Хотя ясно, что это совершенно разные по смыслу и содержанию понятия. Так, «подлинные партнерские, равноправные отношения, между органами государственного управления, предпринимателями (работодателями) и профсоюзами только формируются, - отмечает И.О.Снигерев - В складывающейся системе трипартизма (системе отношений между государством, работодателями и наемными работниками, выразителями интересов которых являются соответствующие органы и организации) каждая из

¹ См.: Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма/Вебер М. Избранное: Пер. с нем. М., 1990.

сторон имеет свои интересы, которая она стремится защитить»¹. Из этого суждения о социальном партнерстве следует, что оно абсолютно нетождественно коллективистскому самоуправлению. Во-первых, у каждого из трех контрагентов в системе трипартизма, как отмечено, имеется свой особый интерес, который отстаивается каждым контрагентом самостоятельно. О едином интересе здесь нет ни слова. Во-вторых, почему-то предприниматель отождествляется с работодателем, хотя в нашем обществе существуют сотни тысяч и даже миллионы индивидуальных предпринимателей, которые даже не имеют статуса юридического лица. В-третьих, почему-то априорно вводится идея о том, что государство, и даже работодатели, будто бы уже есть выразители интересов работников, что совершенно несостоятельно. В-четвертых, равноправных отношений между государством и работником не было и нет ни в одной стране с развитой экономикой по той простой причине, что в условиях реального общественного разделения труда органы государственной власти осуществляют управление, т.е. планирование, прогнозирование, учет, контроль, нормотворчество. Тем самым эти функции отчуждены в той или иной мере от самих работников. Поэтому социальное партнерство столь же далеко от коллективного самоуправления, как живая курица не похожа на цыпленка-табака. Да, социальное партнерство может служить методом согласования интересов различных социальных групп в обществе, урегулирования конфликтов и противоречий. Но это метод заведомо менее эффективный, чем коллективное самоуправление, которое обеспечивает более оперативное и более взвешенное решение возникающих противоречий, не доводя их до антагонизма. Кстати, коллективное самоуправление отнюдь не отрицает участие государства или референтных групп в хозяйственном процессе, в предпринимательстве. Просто прежде, чем те или иные предписания, нормы, указания спускать в коллективы, государственные чиновники могли бы их обсудить в условиях гласности, прозрачности, открытости не только в СМИ, но и на рабочих заседаниях трудовых коллективов, на встречах с потребительскими организациями. Движение консюмеризма, столь

¹ См.: Новое в законодательстве о коллективных договорах и соглашениях. М.: Ин-т законодательства при ВС РФ, 19093. С.48-49.

развитое в США, в Японии, странах Западной Европы, у нас не оказывает сколько-нибудь существенного влияния не только на саму власть, но и на работников, на трудовые коллективы. Администрация в лице менеджеров, руководителей, чиновников сама постоянно нарушает трудовое законодательство и хозяйственное право. Так, многие из нас видели объявления в магазинах о том, что ювелирные изделия или, например, лекарственные средства возврату не подлежат. Основанием для этого служат выписки из приказов по конкретному министерству, а еще чаще, постановление администрации. Это откровенно противоречит федеральному закону «О защите прав потребителей» и многим другим законодательным актам, но кого это волнует, кроме отдельных организаций, таких как «Сутяжник» в г.Екатеринбурге. Именно благодаря активным действиям этой организации был-таки отменен специальный налог на покупку авиабилетов в аэропорту Кольцово, введенный решением областного руководства. Но ведь в соответствии с федеральным законодательством, введение или отмена налога является исключительной функцией федеральной власти, а никак не местной или областной!

Таких примеров лжепартнерства в нашем обществе можно приводить много и долго. Следует признать, что в нынешних условиях идея социального партнерства пока что не работает в силу того, что самой властью (отдельными ее представителями) нарушается федеральное законодательство; кроме того, роль трудовых коллективов нынешним КЗоТом существенно сокращена, что поставило работника в крайне невыгодные условия по отношению к работодателю; кроме того, явно устарел ФЗ «О порядке разрешения коллективных трудовых споров», ФЗ «О коллективных договорах и соглашениях» и т.п.

Представляются крайне актуальными разработка и принятие нового федерального закона «О трудовом коллективе» или «О самоуправлении в трудовом коллективе», в которых четко были бы прописаны права коллектива, диапазон функций в сфере самоуправления ответственность работодателя за нарушение прав трудовых коллективов. Такая практика существует во многих странах, что способствует не только развитию экономики, формированию эффективной системы социального партнерства, но и формированию гражданского общества и правового государства.

Например, в США рабочие организации (трудовые коллективы) хотя и не обладают полным потенциалом самоуправления на предприятии, все-таки давно уже стали не менее влиятельными, чем сами работодатели. Они активно регулируют взаимоотношения между администрацией и профсоюзами, администрацией и работниками администрации и иждивенцами (пенсионерами, проработавшими на предприятии долгий срок и получающих пенсионные пособия от этих предприятий) и т.д. Достаточно, думается, вспомнить о случае, описанном известным писателем А.Хейли в его романе «Колеса»: мелкий администратор назвал чернокожего рабочего негром. Что дальше произошло, думается, представляет интерес для каждого директора или начальника цеха, смены, участка. В наших условиях на предприятиях процветает хамство, матерщина, дело часто доходит до клеветы, травли, издевательств, даже мордобоя. Это связано с тем, что вместо самоуправления в нашей экономике действует иная идеология: ты начальник - я дурак, я начальник - ты дурак. Эта идеология деформирует коллектив, организацию, экономику в целом. Она, воплощаясь в жизнь, превращает организацию в депрессивную, шизоидную, параноидальную, а в конечном счете, - не свободную, а принудительную.

Выделяя такие типы организаций, Р.Рюттингер использовал культурологический подход¹. И он был абсолютно прав: без культуры успешно перестроить российскую экономику, предпринимательство нельзя.

Следовательно, самоуправление, детерминирующее эффективный бизнес, предпринимательство, должно развиваться по всем направлениям экономической деятельности коллектива; необходимо сформировать административную культуру, культуру труда, культуру производства, культуру делового общения, инвестиционную культуру, организационную культуру, деловую культуру и т.д. И здесь интересна не только жесткая увязка культуры и требований работников, но и культура и требований к работникам. Лишь в этом случае можно обеспечить высокое качество трудовой жизни человека, его трудового поведения, отноше-

¹ См.: Рюттингер Р. Культура предпринимательства: Пер. с нем. М.: Эконом, 1992. С.106-110.

ния к труду, к своим функциям и обязанностям в коллективе, сформировать в нем чувство преданности делу, интересам коллектива и т.д. Внешними распоряжениями и приказами обеспечить высокое качество трудовой жизни невозможно. Внешними воздействиями формируются лишь корпоративная культура и корпоративное предпринимательство. Но там нет подлинного коллективизма, настоящего самоуправления и товарищества. Там все строится на расчете, регламентации, управлении. А это уже совершенно другая социальная онтология предпринимательства и бизнеса. Сотрудничество и товарищество, самоуправление и управление, коллективизм и партнерство представляют собой, на наш взгляд, различные характеристики двух типов хозяйствования, предпринимательства. Естественно, что у каждого из них имеются свои сильные и слабые стороны, поэтому отвергать корпоративное предпринимательство было бы так же опрометчиво, как идеализировать коллективное предпринимательство. Но коллективное предпринимательство более предпочтительно для стран, которые имеют огромную территорию, большую численность населения, малую плотность расселения, существенные различия между регионами, диспропорции в отраслях национальной экономики. Это связано с тем, что в силу названных обстоятельств функционирование рынка в таких странах не способно решить проблемы массовой безработицы, инфляции, локальных диспропорций в распределении и т.д. И здесь коллективное предпринимательство выступает в качестве способа самоорганизации населения, борьбы людей с безработицей, форму их социальной защиты. Развивая народные промыслы (каслинское литье, гжель, хохлома, павлово-посадские платки, оренбургские пуховые изделия, палех, полихромная керамика и т.п.) наш народ испокон века проявлял свое самоуправление и творчество, не спрашивая на это разрешения губернатора, дворянского собрания или уездного начальства. Местная экономика, местное предпринимательство функционируют на местном сырье, приближены к потребителю, и следовательно, более ответственны перед ним, чем крупная корпорация, всегда более предпочтительны и более эффективны в наших условиях. Народные предприятия получали от властей налоговые льготы, организационные преференции, иные стимулы к активной хозяйственной деятельности. В современных условиях,

к сожалению, многие народные промыслы прекращают свое существование или влачат жалкое существование. Конечно, нужен и крупный корпоративный бизнес. Было бы смешно предлагать превратить Белоярскую АЭС или консорциум Газпром в индивидуальное предприятие или артель. Но если государство не может обеспечить в обществе полную занятость и эффективное распределение и использование трудовых ресурсов, коллективное предпринимательство, самоуправляемое, самодеятельное, самоорганизуемое, не оставляет ни ему, ни обществу в целом никакой иной альтернативы.

Да и управление крупным корпоративным бизнесом, которое государство пытается сделать независимым и даже «внешним» по отношению к самому себе, оставляет желать лучшего. Чего стоят одни примеры: в 2000-2001 гг. временный управляющий банка «Империял» В.Медведев просто «увел» у банка сто миллионов долларов; конкурсный управляющий «Инкомбанка» В.Алексеев также нанес ущерб акционерам банка более, чем в сто миллионов долларов; колоссальный ущерб нанесли и продолжают наносить многие управляющие и промышленным корпорациям, которые были государством подвергнуты искусственной процедуре банкротства¹.

Деятельность А.Коха, М.Аксененко и некоторых других государственных руководителей также не вызывает иллюзий насчет способности власти эффективно управлять корпоративным бизнесом.

Коллективное самоуправление представляется наиболее эффективным способом организации предпринимательской деятельности прежде всего потому, что в рамках единого трудового мировоззрения, люди; объединенные единым, общим интересом, лучше учитывают возможности и обязанности друг друга, быстрее взаимодействуют друг с другом, более ответственны в отношении к друг другу. В качестве форм самоуправления в таких коллективах наличествует социальное планирование, связанное с постоянной работой над совершенствованием организации самого коллектива, научной организацией труда его участников, заботой о благосостоянии его членов, осуществлением воспита-

¹ См.: Черниговский М. Ранжир банкротчиков // Деньги. 2001, №41. С.16.

тельной работы, улучшением атмосферы, социально-психологических взаимоотношений между людьми. Это позволяет полностью снять любые формы социального отчуждения; само по себе это достигается благодаря тем конкретным принципам организации и взаимодействия людей, вовлеченных в коллектив, которые становятся важнейшими ориентирами и для развития предпринимательской деятельности в целом. Через человека и посредством человека, коллективное предпринимательство обретает такие характеристики, как научность, обоснованность, конкретность, системность, непрерывность, преемственность, комплексность, гуманистичность. Оно начинает не только развиваться вглубь, обретая новые источники собственного роста, но и эксплицировать вширь, создавая некую общую социальную систему участия всех людей, а не только самих предпринимателей, в распределении и потреблении доходов. Примеры С.Морозова, Мамонтовых, Хлудовых, Прохоровых достаточно хорошо известны в нашей стране. Но и за рубежом таких примеров можно привести достаточно.

Например, Э.Карнеги, известнейший американский меценат XIX в пожертвовал все свое состояние на благотворительность. На его средства ученые обнаружили расширение вселенной, доказали сущность ДНК как генетического материала, создали радар и нашли руины цивилизации майя¹. И сегодня многие предприниматели живут по «Кодексу Э.Карнеги», опубликованному им в 1839 г. в книге «Евангелие богатства»: «Богатство означает ответственность», «Кто умрет богатым, умрет позорно». Неслучайно поэтому богатейшая супружеская пара планеты Билл и Мелинда Гейтс сотни миллионов долларов расходуют на благотворительность и обещают потратить все свое состояние также на благотворительность. О развитии современной филантропии в США, достигшей в 2002 г. объема в 420 млрд. долл., можно сказать словами Ф.М.Фурмана: «Она отражает как природное, так и воспитанное религией, семьей и обществом желание щедрых и сильных, богатых и рассудительных людей оказать помощь всем,

¹ См.: Фролова А. «Бесчеловечный» филантроп//Деньги. 2001, №16. С.53-58.

² См.: Фурман Ф.М. «Индустрия» американской филантропии: ее настоящее и будущее//Известия Урал. гос. ун-та. 2004, №29. Вып.15. С.157.

кто в ней нуждается, пока за это не возьмется государство»². Основа такой помощи - индивидуальное и коллективное предпринимательство, а не государственный бюджет. И это обстоятельство, как им кажется, доказывает, что личность, дорастающая до способности к эффективному самоуправлению, не только в максимальной степени самореализует себя в экономическом, культурном, политическом плане, но и социально самореализуется. Иными словами, такая личность, даже обладая миллиардными капиталами и колоссальной собственностью, преодолевает свое отчуждение от общества путем передачи нуждающейся его части собственных богатств. Не с этим ли связывали К.Маркс и Ф.Энгельс свои представления о том, что социальная революция вовсе не является единственным сценарием общественного развития и что «экспроприировать экспроприаторов» можно, выкупив у них предприятия или получив оные в распоряжение самих работников.

Представляется, что такая идея, в отличие от большевистской интерпретации, глубже отражает социалистическую модель устройства общества, такого его устройства, которое совсем недавно в нашей литературе называли «социализм с человеческим лицом».

Полагаем, что в рамках культуры коллективного предпринимательства и в контексте развитой личностной способности всех его участников к самоуправлению, самоопределению и самореализации наше общество рано или поздно вернется к социалистической идее и будет формировать культуру условий труда, культуру межличностных отношений, культуру самоуправления и управления, культуру работника в направлении дальнейшей социализации человека, гуманизации экономики и демократизации всего общества. Отсюда следует, что культура личностного и коллективистского самоуправления представляет собой основной вектор социально-философского осмысления перспектив российского предпринимательства, которое должно окончательно прийти на смену командной, административно-управляемой экономике, существенно скорректировать тренд развития самого корпоративного бизнеса в России и стать основным сектором национальной экономики. В условиях развития многоукладности хозяйства, плюрализма разных форм собственности, инвариантности раз-

личных моделей экономической организации именно самоуправляемое предпринимательство как подлинно свободное и социально ориентированное будет рано или поздно востребовано и властью, и государством.

Однако, такой оптимистический прогноз связан не только с социальной ориентацией, гуманной направленностью коллективного предпринимательства. В контексте предмета нашего исследования необходимо отметить, что коллективное самоуправление создает и наиболее благоприятные условия для новаторства, творчества.

В самом деле, что такое инновационность, креативность? В общем смысле слова это способность к творчеству, к созданию новых благ, к улучшению и усовершенствованию. Но эта общая интенциональность креативности не может актуализироваться в социальном вакууме. Для ее полной реализации и актуализации необходимы определенные социальные условия. Заявления о том, что таланту не нужна поддержка, что он сам пробьет себе дорогу, крайне далеки от реальности. Десятки тысяч, если не сотни тысяч наших сограждан без такой социальной поддержки растрачивают свой собственный талант всуе, утрачивают его с годами. Совокупное человеческое богатство, а в целом, - национальное богатство, от этого нисколько не выигрывают.

В современной научной литературе признается, что креативность как потенция должна проявлять себя в творческой деятельности как актуализация замысла, реализация идеи. При этом креативность проявляет себя многообразно. Это – быстрота, гибкость, точность, неординарность, оригинальность, многовариантность, эстетическое, совершенство, высокая детализация, тонкое чувство меры и т.п. В литературе существует около сотни трактовок креативности. Все имеющиеся определения можно условно разделить на шесть типов: гештальтистские (описывающие креативный процесс как разрушение существующего гештальта для построения нового); инновационные (ориентированные на оценку креативности по степени новизны конечного продукта); эстетические или экспрессивные (делающие упор на самовыражение творца); психоаналитические или динамические (описывающие креативность в терминах Я, ОНО и Сверх-Я); проблемные (определяющие креативность через ряд процессов решения задачи). В шес-

той тип креативности входят определения, не попавшие ни в один из типов, перечисленных выше¹. Не вдаваясь в подробный анализ проблематики креативности, хотелось бы отметить настоятельную необходимость сравнительного и системного анализа креативности и категории социального творчества. Дело в том, что самые разные реформы, затрагивая интересы различных социальных групп, имеют различный креативный потенциал. И здесь возникает вопрос о том, что считать креативным потенциалом в социальном творчестве. Степень новизны? Но она может быть очень высокой, а коэффициент полезного действия от таких социальных преобразований будет крайне невелик. Динамизм? Да, можно провести крупные преобразования в экономике, политике, культуре в очень сжатые сроки. Так, например, поступил П.А.Столыпин, проведя во время принудительных думских каникул («третьеиюньский переворот») необходимые для аграрной реформы законы царскими указами. Так поступал Б.Н.Ельцин, распустивший непокорный Верховный совет и проведя Конституцию (знаменитый указ №1400 «О поэтапной конституционной реформе» от 21 сентября 1993 г.), по которой наше общество живет до сих пор. Но степень совершенства проведенных решений оказалась достаточно сомнительной с социальной точки зрения: П.А.Столыпин не смог предотвратить социальное расслоение в деревне, массовое перемещение крестьян, рост экстремизма и получил две пули в живот; первый президент России извинялся перед народом на экранах телевизоров за то, что ему не все удалось, хотя повальная приватизация ввергла в нищету миллионы наших сограждан. Очевидно, что для социального творчества должен быть выработан особый критерий эффективности, креативности, инновационности, особый IQ - коэффициент интеллектуальности, обоснованности. И здесь обращает на себя внимание то обстоятельство, что если предлагаемые преобразования обсуждаются и принимаются коллективно, а не единолично, или узкой группой, если их осуществление постоянно корректируется не только в связи с изменениями внешней среды, во и в кон-

¹ См.: *Торшина К.А.* Современные исследования проблемы креативности в зарубежной психологии//Вопр.психологии. 1998, №12. С.123-132; *Стожко К.П.* Экономическое сознание. Екатеринбург: УрГУ, 2002. С.122-124.

тексте собственного поступательного развития личности, то эффект таких преобразований будет достаточно высокий, системный, последствия - долгосрочные и продуктивные. Отсюда следует, что коллективистское самоуправление есть не просто способность индивидуальной личностной самоуправляемости каждого отдельного предпринимателя корреспондироваться в рамках коллективного творчества, а некая интегральная общественная способность, общественное свойство, общественная характеристика, общественная ценность, определяющая собственное самовозрастание, подобно тому как труд детерминирует самовозрастание стоимости.

Поскольку ни команда, ни персонал, ни кадры, ни какая-либо иная социальность не обеспечивают такого самовозрастания ценности креативности до уровня общественно значимой и системной характеристики, а сами субъекты в рамках этих социальных образований не объединены единым трудовым мировоззрением, миропониманием, не есть подлинное единство, а остаются *частями* общего, то никак нельзя согласиться с утверждениями о том, что понятие «трудовой коллектив» в основном соответствует категориям «кадры», «персонал». При этом следует подчеркнуть правоту заявлений о том, что «в качественном смысле понятие трудовой коллектив шире последних»¹. Хотя термин *шире* относится все-таки не к качественному, а к количественному анализу. Следовало бы выразиться: качественно иной, более лучший, совершенный, эффективный. Если в отношении к команде правоприменительно употребление термина членство, то в отношении к коллективу правоприменительно употребление понятия принадлежность; принадлежать означает быть при чем-то его составляющим компонентом; членство означает некую независимость, когда член может поменять ночной клуб или участие в команде, как перчатки. Разводя понятия команды как характеристики корпоративного бизнеса и коллектива как социальной основы предпринимательства, мы могли бы сделать вывод о том, что развитие трудовой коллективности и коллегиальности, сопричастности, единения людей означает развитие их самоуправления. И в таком развитии также могут существовать свои «начальники», но это

¹ См.: Зайцев Г.Г. Управление персоналом. СПб.: Северо-Запад, 1998. П.72.

будут уже не нанятые работодателем – собственником управленцы будут уже не нанятые работодателем – собственником управленцы, а лидеры, т.е. неформальные авторитетные люди, осуществляющие определенные административные функции по поручению своих же коллег, товарищей, друзей, участников коллектива. Такое осуществление строится на внутренних, а не на внешних параметрах: доверии, уважении, признании авторитета, компетентности, человеческих качеств.

В современных товариществах, артелях, народных кооперативах, коммунах, киббуцах, обществах на вере, ассоциациях, характеризующих развитие коллективного предпринимательства во многих странах мира, как раз и происходит развитие коллективного самоуправления, основанное на децентрализации и деюрократизации административных функций, на распространении принципов ротации, визуальности репрезентативности, кинестичности и т.д. Так, на крупных японских предприятиях кабинеты даже наемных менеджеров, не говоря уже о руководителях групп качества, отгораживаются от производственных площадей прозрачными стеклянными панелями. Это создает визуальную видимость контакта, доступности, общности между работниками. На многих предприятиях в Германии и странах Бенилюкса распространена практика каждодневного устного или письменного приветствия руководителями предприятия, его отделов и служб своих работников. В маленьких предпринимательских структурах, таких как семейные предприятия или командитные товарищества, общества с полной ответственностью или фермерские хозяйства, такая практика имеет давние исторические корни. Эти примеры подтверждают то обстоятельство, что креативность как потенция коллективного предпринимательства актуализируется в рамках коллективного самоуправления быстрее, гибче, оперативнее и в целом успешнее, чем на крупных фирмах. Неслучайно поэтому крупные корпорации сегодня перенимают у мелких предприятий многое из того, что ранее отсутствовало в крупном бизнесе. Но ясно, что для такого переиздания есть определенные социальные и психологические пределы. Одно дело, если над входом в пивной паб или швейную мастерскую вас встречает плакат с надписью «Вы у себя дома!». И совершенно иначе это выглядит над

офисом пакистанского или мексиканского филиала американской компании «Форд».

С точки зрения шведских исследователей Б.Карлоффа и С.Седеберг, коллектив и команда - понятия разные. И хотя они выделяют такие моменты, как сыгранность, жесткое распределение ролей и одинаковое отношение к окружающим¹, уже здесь становится понятным, что коллектив самоуправляется иначе. Члены коллектива - его участники могут относиться к окружающим людям по-разному. Члены коллектива - его участники не имеют жестко расписанных ролей, наоборот, там развита взаимозаменяемость, совместительство и т.п. Поэтому культура коллективистского самоуправления представляет собой не просто иную иерархию ценностных ориентации, социальных технологий, взаимоотношений, но и принципиально иной их состав.

Такое многообразие, такая эластичность и такая внутренняя онтологичность коллективного самоуправления действительно содержат в себе колоссальный креативный потенциал, востребовать и актуализировать который можно лишь при условии поощрения, сохранения и развития культуры коллективистского самоуправления.

¹ См.: Карлофф Б., Седеберг С. Вызов лидеров: Пер. с швед. М.: Дело, 1996. С.226.

Глава IV. Человеческое богатство в контексте предпринимательского самоуправления

§1. Личностное самоуправление как способ развития человеческого богатства

Личностное самоуправление является в высшей степени ценной характеристикой полноценной личности, подлинно состоявшегося человека. Это связано с тем, что именно личностное самоуправление превращает человека в человека культурного. Все богатство культуры личность осваивает и усваивает именно посредством самоуправления. Если данной способности у человека нет, то и культура остается для него *terra incognita* – неизвестной землей. Неслучайно в свое время Н.Рошер утверждал, что «ценность – это лозунг, способный рационализировать действие путем закрепления положительного отношения к предположительно благоприятному положению дел»¹. В этом смысле не только культура есть система ценностей, но и личностное самоуправление, которое «рационализирует действие путем закрепления положительного отношения». А значит, мы вправе утверждать, что личностное самоуправление есть элемент человеческого богатства, и даже человеческого капитала. Поскольку понятие «капитал» определяет самовозрастание ценности (Е.Бем–Баверк), стоимости (К.Маркс), богатства (А.Смит), личностное самоуправление, детерминирующее такое возрастание, есть компонент человеческого капитала и одновременно, сущностная характеристика человеческого богатства. Причем, речь идет не столько о богатстве материальном, сколько о духовном. Ведь, реализуя личностное самоуправление, человек обретает особый духовный статус, подлинную духовную свободу, расширяет свое духовное и социальное пространство. Он становится не просто терпимым, нравственным, культурным, но и верующим, любящим существом. Тем самым, личностное самоуправление в его подлинном смысле есть приобщение человека к культуре. И здесь уместно вспомнить

¹ См.: *Roscher N. Introduction to Value Theory.* Englewood Cliffs. NS. Prentice–Hall. 1969. P.39.

суждение В.М.Межуева о том, что «только по культуре мы можем судить о том, кем мы являемся в этом мире, каковы границы и масштабы нашего существования в нем, что значит вообще быть человеком»¹.

Но ведь термин «культ», составляющий корневую основу понятия культуры, представляет собой совершенно определенный смысл: творение, созидание, совершенствование. И разве можно данный смысл вычеркивать из понятия человеческого богатства и сводить всю сущность человека к отвлеченным социальным отношениям. Ведь и сами эти отношения могут быть различными, а, следовательно, и личность как продукт развития этих отношений казалось бы может быть различной. Но вправе ли мы утверждать, что уголовник, насильник, психопат или садист являются личностью? А если да, то являются ли они личностями полноценными, т.е. духовно богатыми?

И здесь мы вступаем в сферу личностной культуры, которая «обнаруживается редко», поскольку «для этой культуры невозможен контроль или даже иерархия управления за исключением обоюдного согласия»².

В самом деле, эстет–садист отнюдь не культурная личность точно также, как домушник–профессионал. Дело в том, что в структуре поведения этих субъектов система «Я–Я» остается замкнутой, конструктивного перетекания эффекта личностного самоуправления в систему «Я–Мы» не происходит. Кроме того, система «Я–Я» также подвергается колоссальным рискам, поскольку социальная ответственность, не определяемая и не воспринимаемая личностью, определяется и настигает ее с неизбежностью и неотвратимостью железнодорожного локомотива, несущегося с крейсерской скоростью на застрявший на перегезде грузовик. И здесь вызывает крайнее беспокойство складывающаяся в нашем обществе ситуация индифферентного, порой даже пренебрежительного отношения к культуре, особенно к культуре личности. Такая ситуация не способствует производству и накоплению человеческого богатства, развитию личностного самоупра-

¹ См.: *Межуев В.М.* Культура как философская проблема // *Вопр. философии.* 1982. № 10. С.42–51

² См.: *Митин А.Н.* Культура управления персоналом. Екатеринбург: Уралвнешторгиздат, 2001. С.89

вления и поощрению творческой интенциональности субъектов социальных отношений. Сложившаяся в стране ситуация значительно усилила прагматический, поверхностный подход к оценке и решению назревших проблем. Накопленный за последние двадцать лет реформ опыт свидетельствует о том, что именно в выборе конкретных форм решения, тактики возникает наибольшая опасность отказа от стратегических целей развития или их полное искажение. Поэтому оформление подобного теоретического направления с ориентацией на решение тактических задач – явление, условно-прогрессивное, но имеющее совершенно определенные границы применения. За пределами этих границ подобный узко экономический прагматизм повсеместно воспроизводит теорию и практику овеществленных условий производства, продуцируя в силу своей односторонности некомплектность, несбалансированность развития, апологию вещных форм роста, что тормозит теоретическую мысль. В этих подходах прослеживается своеобразная «антиисторическая историчность», схватывающая сиюминутную пользу и приносящая в жертву широкие перспективы общественного развития. Схоластическое теоретизирование прошлых лет выработало стойкое неприятие общественным сознанием различного рода теоретических схем. Однако опыт последних лет показал, что идти приходится методом проб и ошибок. И без глубокой проработки проблем здесь обойтись невозможно.

Обращение к концепции человеческого богатства связано с выработкой стратегии и конструктивной теоретической модели дальнейшего развития. Сегодня крайне необходимо, помимо решения тактических задач, начать практическое стратегическое изменение наиболее глубинных базисных отношений. Перестраивать эти отношения только на основе системы материального богатства – значит загонять все новации в старое прокрустово ложе, обрекая их на декларативность, формируя лозунговую экономику и (мнимую) демократию.

В стратегическом смысле необходимо четко осознать, что снятие исторических пределов роста, обогащение источников развития и следовательно, достижение коренного переворота в экономике, возможно только на принципиально ином общественном базисе – базисе человеческого богатства.

Вопрос о человеческом богатстве – это вопрос о приоритете гуманистических установок в общественном и экономическом развитии. Человеческое богатство – принципиально новый тип общественного богатства, который предстоит сформировать как качественно новое основание воспроизводства всей общественной жизни. Принципиальная новизна данного исторического типа богатства заключается в том, что на его основе продуцируются общественные связи и отношения людей, изменяется место и роль человека, выявляются новые социальные механизмы общественного производства, изменяется его структура. Все это позволяет говорить о новом характере развития и эффективности всей общественной системы. Новые принципы стратегии общественного развития связаны с изменением структуры общественного богатства, где на первый план выходят собственно человеческие формы богатства, что предполагает существенную перестройку в сфере воспроизводства и изменение социальной жизни общества.

По своей сущности человеческое богатство есть процесс реального обобществления живого труда (способностей и самой деятельности человека). Неслучайно К.Маркс подчеркивал, что подлинным богатством является « всемирно историческое накопление человеческих способностей »¹. Соизмеряя социальную значимость вещественных и личностных компонентов человеческой деятельности, он развил тезис младорикардianцев (Т.Годскина, В.Томпсона) о приоритете субъективных факторов производства, что отразилось в концепции «человеческого накопления» и «вложений в человека».

Критикуя грубый материализм Смита и Риккардо, К. Маркс особо подчеркивал эвристическую ценность положения Т. Годскина о том, что «...накопление представляет собой не что иное, как накопление производительной силы общественного труда, так что накопление мастерства и «званий (научной силы) самих рабочих является основным накоплением и несравненно важнее, чем идущее рука об руку с ним и лишь отражающее его накопление наличных объективных условий...»². Самостоятельность и само-

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.26. Ч.3. С.276, 285, 286, 306.

² См.: Там же. С.276.

довлеющая ценность вещественной формы богатства исчезает, «оно просто выступает скорее как деятельность людей», это «вещественное прочное богатство есть лишь мимолетное овеществление этого общественного труда»¹.

Система человеческого богатства, основанная на приоритете «вложений в человека», социально и экономически наиболее рентабельна, так как направлена на обогащение не внешних предметных форм богатства, а на сам источник общественного развития, образовывая его предпосылку – свободную социальную «ресурсную базу» производства, т.е. способность к самоуправлению.

Реальное обобществление связано, прежде всего, с преобразованием структуры субъективных производительных сил – самого процесса труда и его субъекта. Здесь отсутствует дуализм новой экономической формы и старого социального содержания процесса труда (включая его технологический базис), что наблюдается в процессе формального обобществления. Эти компоненты процесса производства должны находиться в диалектическом соответствии, когда формальные и содержательные структуры совпадают, тогда имеет место реальное обобществление. Это возможно только при самоуправлении.

Формирование человеческого богатства на базе реального обобществления связано с накоплением «субъективного в субъекте», т.е. обобществлением деятельных творческих способностей людей и сил самой производственной деятельности (кооперация и разделение труда). Таким образом, в центр исследования выдвигаются вопросы, связанные с определением элементарной формы человеческого богатства, социальных отношений, в которых оно реализуется и, наконец, механизмов его формирования.

Поиск внутренних резервов развития экономики заставляет обратиться к проблеме использования качественных факторов роста. Сегодня необходим перелом не только в динамике, но и в качестве роста, что напрямую связано с переходом к новому типу общественного воспроизводства, главным критерием которого становится социальная эффективность.

Решающая роль в расширенном воспроизводстве системы материального богатства принадлежит накоплению объемов ма-

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.26. Ч.3. С.446

териально–вещных компонентов производительных сил. Сегодня главным содержанием экономического роста становится формирование социальных механизмов воспроизводства нового типа богатства.

Предпосылкой перехода к новому типу богатства и новому качеству роста является перенос центра общественного воспроизводства с материально–технической базы на сами общественные отношения, формирование нового типа субъекта трудовой деятельности. Это качественно отличает воспроизводство человеческих форм богатства от механизмов воспроизводства материально–вещного богатства. Если последние основаны на принципе экстенсивного, неограниченного роста материального богатства, то новый тип человеческого богатства – на принципах социальной эффективности, оптимизации развития. Социальная эффективность как выражение специфики нового качества воспроизводства проявляется в усилении социальной ориентации экономического роста, наращивании социальной результативности производства как основы активной социальной политики. Это позволяет снять социальные ограничения экономического роста, ибо накопление индивидуальных и общественных сил коллективной деятельности (кооперация и разделение труда) формирует неисчерпаемый по своей природе источник развития, связанный с приращением продуктивно–творческих сил коллективной человеческой деятельности.

Основная характеристика воспроизводства человеческого богатства – преимущественный рост реальных конечных результатов в их натуральном, а не стоимостном наполнении, т.е. создание непосредственно общественных потребительских стоимостей и совершенствование общественных форм их использования.

Сущность накопления человеческого богатства выражается в общественной форме его расширенного воспроизводства. С этой точки зрения, расширенное воспроизводство человеческого богатства может быть охарактеризовано как социальное накопление, идущее за счет увеличения объектов овеществленного труда, за счет расширенного воспроизводства самих общественных отношений. Накопление человеческого богатства – это не количественный рост вещественных и личностных факторов производства,

а расширение и углубление многообразия отношений между обществом и непосредственным производителем, так как его специфика состоит в развитии хозяйства как единой кооперации труда. Поэтому социальное накопление человеческого богатства ведет к росту объемов реального обобществления производства, тем самым и к становлению новой, ассоциированной формы связи.

Таким образом, расширенное воспроизводство человеческих форм богатства – это воспроизводство общественной формы развития производительных сил; оно происходит вообще без увеличения овеществленного труда, за счет совершенствования его организации и усиления эффективности.

Повышение эффективности общественного воспроизводства – это ядро современной экономической стратегии, ибо оно позволяет резко увеличить социальную отдачу, результативность общественного производства без резкого повышения объемов общественного труда за счет социальных преимуществ самой общественной системы.

Сложность заключается в том, что сама эффективность на практике, и в теории сегодня понимается достаточно узко, как улучшение использования основных производственных фондов, снижение издержек, природных ресурсов живого труда.

Подобным образом понятая эффективность, по сути, базируется на старой системе материального богатства и присущей ему структуре производства. В данном случае эффективность выступает как результат экономической политики сдерживания неограниченного повышения объемов живого и овеществленного труда и не выходит за пределы старого базиса материального богатства, воспроизводя его логику развития, основанную на увеличении общей массы труда, отождествлении его экстенсивной и интенсивной сторон.

Однако продуктивность общественного труда связана не с экстенсивным количественным ростом его массы, а с повышением продуктивных сил: интенсивностью (производительностью) труда и эффективностью (производительной силой) труда.

Рост интенсивности и эффективности труда основывается на противоположных процессах. Если производительность труда – характеристика количественная (усиление интенсивности: увеличение затрат живого и овеществленного труда в единицу време-

ни), то производительная сила труда – характеристика качественная (повышение эффективности; уменьшение доли живого и овеществленного труда). Отсюда ясен главный критерий увеличения продуктивности труда: минимум затрат живого труда на единицу продукции при максимуме прироста национального дохода. Само по себе увеличение интенсивности (производительности труда) не всегда ведет к эффективности трудовой деятельности, поскольку связано с затратным подходом к ресурсам живого и овеществленного труда; более того, повышение производительности труда может сопровождаться падением его эффективности. Экономическая «хитрость» производительности труда заключается в том, что она функционирует как формальная внешняя сторона человеческой деятельности в ее оторванности от человека–производителя. Производительная сила труда – неотъемлемый атрибут живого конкретного труда как непосредственно–общественного индивидуального процесса. В этом смысле производительная сила труда – это живая форма реализации общественной сущности человека. Производительность же труда, фиксируя средние для данной отрасли или типа производства характеристики общественно необходимых трудовых затрат, не выражает качество труда и, соответственно, его конкретно–индивидуальное общественное наполнение. Последнее реализуется только на уровне всего общества в виде абстрактного труда. Производительность труда, являясь предикатом абстрактного труда, фиксирует, по сути, отчуждение общественной природы индивидуальной деятельности. Это своеобразный синтетический показатель работы всей общественной системы, основанной на базе материального богатства.

Разрыв качественной и количественной сторон труда ведет к интенсивной «дурной бесконечности» материального богатства, обесценивающей сам труд как таковой, когда его общественная мощь и достоинство всеобщности становятся общественным бессилием, что выражается в его низкой социальной эффективности. Культ производительности труда, господствующий в оценке функционирования экономических отношений, свидетельствует об исторической незрелости системы, которая не вышла еще за узкие горизонты отношений вещной зависимости, основываю-

щейся на экстенсивном базисе «расточительства» субъективного богатства живого и прошлого труда.

Производительная сила труда, напротив, отражает качественную сторону труда и является неотъемлемым атрибутом живого конкретного труда как непосредственно – общественного индивидуального процесса. Она фиксирует экономическую реальность с точки зрения развития в ней человека, его деятельной сущности, и предстает как действительное общественное богатство, т.е. богатство в непосредственной живой форме продуктивных сил человека и их ассоциированных форм развития.

Выдвижение на первый план человеческих форм богатства существенным образом меняет структуру общественного богатства, его внутренние связи, а также пропорции и факторы его роста. Сегодня большинство исследователей связывает структурные изменения общественного богатства с устранением диспропорций в развитии сферы накопления и потребления, с приоритетным развитием последней, не затрагивая, по сути, сущностную структуру общественного богатства. Отмечая структурный кризис системы общественного богатства и связанную с ним разбалансированность общественного производства, авторы конструктивных программ ограничиваются, в основном, оптимизацией функциональных отношений без сколько-нибудь серьезной базисной перестройки самой структуры и элементного состава общественного богатства.

Предложения по совершенствованию структуры общественного богатства касаются в основном увеличения доли потребления и непроизводительного накопления как основы активной социальной политики. Подобные функционально ориентированные программы строятся на старом базисе материальных форм богатства, не меняя его качественной общественной природы. Однако ликвидация структурного кризиса системы путем перекомбинации ее элементов и функциональных связей оставит в неприкосновенности механизмы воспроизводства материальных форм богатства, которые, благодаря своей внутренней логике развития, будут продуцировать во все возрастающем масштабе несбалансированность и непропорциональность развития экономики.

Преодоление структурного кризиса связано с принципиально новым подходом к самому содержанию общественного богатства и его структурно–функциональным связям.

В основу новой структурно–функциональной модели общественного богатства должна быть положена не его внешняя материальная сторона, а сущностная определенность. Связывая деятельную сущность человеческих форм богатства с производительной силой труда, мы тем самым выявляем новые структурные элементы общественного богатства, представленные ее внутренним содержанием. Обратимся к анализу структуры производительной силы общественного труда как главному содержанию общественного богатства. В реальном процессе материально–производственной деятельности, производительная сила труда проявляется и существует как способность работника к самоуправлению и как комбинация общественных сил в процессе производства.

Эти элементы производительной силы труда составляют ее внутреннее содержание и являются непосредственным обобществленным богатством. Таким образом, накопление человеческого богатства осуществляется в трех основных формах: в форме индивидуальной производительной силы труда (совокупность деятельных способностей людей), в ее опредмеченных формах (объективированные результаты человеческой деятельности), в кооперации и разделении труда. При этом главным элементом производительной силы труда является накопление и расширенное воспроизводство деятельных творческих способностей людей на базе развития личностного самоуправления.

Исходя из структурной определенности человеческого богатства, мы можем сделать вывод о том, что элементарной формой бытия человеческого богатства являются деятельные способности индивидов. Способности – своего рода «вещественный субстрат» богатства, непосредственно определяющий его качественное своеобразие. И личностное самоуправление этими способностями детерминирует формирование человеческого богатства. Субстанция этой элементарной формы и источник расширенного воспроизводства человеческого богатства – всеобщий самодеятельный труд, ибо продуцирование способностей составляет основную функцию всеобщего труда. Как субстанции различных форм бо-

гатства (материального и человеческого) всеобщий и абстрактный труд выражают существенный характер труда, но выражают его различно. Абстрактный труд – опосредованно, через овеществленную связь, отчужденную и противостоящую индивидам, всеобщий труд – непосредственно, так как конкретный труд индивидов прямо включается в совокупный труд общества, минуя стадию формальной метаморфозы в свой всеобщий отчужденный эквивалент – абстрактный однородный труд.

Во всеобщем труде его общественный характер проявляется в каждом конкретном виде труда. Если абстрактный труд порождает однородную, абстрактную всеобщую общность – тотальность как пространство бытия усредненных индивидов с усредненными способностями, то всеобщий труд – непосредственную общность, ассоциацию. Конгломераты общности, порожденные абстрактным трудом (государство, политические общности, экономические объединения и т.п.), воспроизводят редуцированный коллективизм – мнимую, иллюзорную коллективность как новые оковы, произрастающие из совместной человеческой деятельности.

Конкретно-многообразные, социально богатые общности-ассоциации, вырастающие на основе всеобщего труда, производят саму общественную связь, социальную форму, подлинную коллективность как единственно действительный истинный результат человеческой деятельности. Иначе говоря, создавая богатство предметно воплощенных форм, всеобщий труд порождает нечто большее – «роскошь человеческого общения». Для того чтобы деятельность каждого человека имела бы действительно творческое содержание, была бы направлена на развитие деятельных способностей людей, она должна быть преобразована по типу всеобщего труда, т.е. полагаться как непосредственно-общественная, индивидуально-конкретная, культурно-историческая самодеятельность.

Как товар несет в себе характеристики не только элементарной формы материально-вещного богатства, но и элементарной формы продукта (раскрывающей социальную связь, отношение), так и человеческие способности несут в себе характеристики элементарной социальной связи «непосредственно-общественных отношений» людей.

В этом смысле генетически исходным отношением человеческого богатства и, соответственно, системы в целом, выступает непосредственно—общественная связь, предстающая по преимуществу социальным, а не экономическим отношением. Это отношение приходит на смену вещной опосредованной связи системы материального богатства. В этой мере, в какой вещная связь является единственно реальной формой бытия товара, в той же мере непосредственно—общественная связь существует как единственная реальная форма бытия человеческих способностей. Поэтому исходным отношением выступает не сама способность как субстрат человеческого богатства, не всеобщий труд как его субстанция, а ее единственно реальная форма выражения и бытия — непосредственно—общественная связь. В конкретной системе отношений последняя выступает в качестве социальной формы всех отношений производства, распределения, обмена и потребления, поскольку предстает как элементарная конкретность.

Когда в качестве исходного отношения системы выдвигается человек и его потребности или собственность, то происходит отождествление отношения с его материальным субстратом—носителем: в первом случае — с личностным, а во втором — с вещественным элементом общественного производства. В результате не фиксируется отношение и исчезает источник движения системы.

Непосредственно — общественные отношения — это социальная форма истинной коллективности, в которой индивиды участвуют не как представители класса, слоя группы, а именно как индивиды, опредмечивающие в коллективности силу своих способностей, продуцируя свою ассоциацию как пространство сотворчества и человеческой сопричастности.

Производительная сила живого труда в форме индивидуальных способностей представлена сегодня преимущественно развитием производственных способностей, так как субъект труда реализуется, главным образом, в качестве рабочей силы с заданным параметром, масштабом необходимых производству способностей (мастерства, умения, знания и т.д.). Частичность деятельности обуславливает одностороннюю (как культурную, так и профессиональную) структуру способностей, ибо они задаются структурой конечного продукта и ориентированы на нее, социально обедне-

ны в силу преимущественно экономической форм развития, индивидуально усреднены, малокреативны из-за отсутствия или редкости прецедента подлинной коллективности и культурности.

По мере того, как в обществе будут утверждаться новые организационные формы деятельности, можно говорить о преодолении дефицита способных, социально активных людей. Многообразие форм собственности становится социальным и экономическим фундаментом свободной вариативности и разнообразия систем формирования индивидуальных способностей. Становление в обществе неформальных структур-ассоциаций открывает простор для развития новой социальной структуры общества без жесткой однозначной закреплённости за общностью, для подвижности социальных слоев и групп, обусловит формирование действительной коллективности людей, социально богатых многообразных способностей человека. Чем более многообразны общности, в которые включен индивид, чем шире спектр его коллективных связей (неопосредованных экономической и политической целесообразностью), тем богаче мир его способностей.

Производительная сила труда самой производственной деятельности, существующая в форме всеобщего труда, реализуется в настоящее время как всеобщая занятость, т.е. в наиболее простом виде. Всеобщность участия людей в общественном труде характеризует лишь бытие всеобщего труда, его начало, но отнюдь не сущность. Трудовое бытие как участие в ассоциированной деятельности представляет собой абстрактный момент всеобщего труда. Всеобщий труд – это не всеобщность участия в труде, а тип деятельности, характеризующий социальное положение человека в системе общественного производства. Таким образом, всеобщий труд реализуется формально, путем простого включения индивида в трудовой процесс, без качественного изменения процесса производства.

Производительная сила совместного труда, существующая в форме непосредственно – общественных связей и отношений, реализуется в виде кооперации и разделения труда, которые рассматриваются как общественные факторы развития производительной силы в целом. Кооперация и разделение труда своей сущности выражают социальную форму коллективности, ассоциированных связей на определенном уровне развития произво-

дительных сил труда. Соответственно этому уровню существует как простая технологическая или социальная кооперация, так и технологическое, отраслевое и социальное разделение труда. Думается, не следует упрощенно понимать кооперацию как форму собственности на предметные условия труда, а разделение труда как разделение умственного и физического или межотраслевое или технологическое разделение труда. В обоих случаях эти понятия лишаются социальных параметров, характеризующих их с точки зрения всеобщих моментов воспроизводства общественной жизни.

Кооперация – это всеобщая универсальная форма, которая лежит в основе всех общественных устройств, направленных на увеличение производительности труда, т.е. простейшая форма человеческой ассоциации, которая остается базисом и предпосылкой ее более развитых непосредственно-общественных форм. Поэтому развиты «естественные силы» самой коллективности, продуцирующие главный результат – новую общественную форму развития.

В современных условиях базисом кооперации и разделения труда выступает совместный, живой труд. В результате наибольшее развитие в производстве получили формы простой экономической кооперации и межотраслевого разделения труда

Экономическая кооперация в современных условиях – это путь преимущественно экстенсивного, пространственного развития ассоциированной связи, которая не охватывает сам труд, а затрагивает главным образом движение его конечных продуктов. В простой кооперации экономическая форма оторвана от технологического базиса, источником ее развития является товарный обмен, формирующий опосредованную общественную связь. Наиболее слабое развитие в практике хозяйственной деятельности получили формы технологической и социальной кооперации. Технологическая кооперация – объединение в самом процессе труда на основе средств труда; социальная кооперация представляет собой общенародную кооперацию в масштабе всего общества. Зависимость здесь такова: чем примитивнее ассоциированная связь на уровне непосредственного производителя, тем беднее она на уровне всего общества. В данной ситуации наибольшее

развитие получают опосредованные формы кооперации, не требующие перехода к непосредственной социальной кооперации.

Господствующее положение в системе общественного разделения труда сегодня занимает его межотраслевое экономическое разделение с высоким уровнем кооперативных начал на уровне общества и слабым развитием технологического разделения труда на уровне предприятия. Чем больше объем отраслевого разделения труда, тем слабее развито разделение труда в непосредственном процессе производства. Насколько обобществлен (хотя и формально) труд на уровне общества, настолько он частичен и не обобществлен на уровне основного экономического звена – предприятия (объединения).

Пока процессы обобществления идут преимущественно по вертикали и на макроуровне, пока в фундаменте общественного организма не сформированы общности-ассоциации, до тех пор понятия «человек» и «богатство» будут альтернативны. Источник эффективности системы – рост общественно-производительной силы труда. Именно здесь, в структуре производительной силы труда, заключено основное звено реализации преимуществ экономического роста (богатство деятельных способностей, продуцирование самой общественной формы и, как следствие этого, – расширенное воспроизводство подлинного общественного богатства).

Обобществление материальных форм богатства посредством товарного обмена, стоимостных отношений, рынка – задача сегодняшнего дня. Создание развитых форм материального богатства не может рассматриваться в качестве стратегической задачи общественного движения. Материальное богатство – есть исходная, но исторически преходящая форма, где ассоциированная связь реализуется еще в неадекватной себе отчужденно-вещной форме бытия.

Формирование подлинно человеческого богатства как действительного базиса новой социальности – задача не завтрашнего, как полагают многие экономисты, а сегодняшнего дня. Уже сейчас практика дает нам образцы реальных ассоциированных форм. И наша задача заключается в развитии механизмов их дальнейшего роста. Без такой «стратегической» работы нас подстерегает опасность впасть в апологию наличных форм бытия и тактиче-

ских реформ, принося в жертву кажущейся историчности гуманистические перспективы развития, связанные со становлением богатства в форме накопления творческих сил и способностей людей.

Будущее – время не материального богатства, а богатства духовного. Сегодня, в условиях постиндустриального развития именно интеллект определяет главную составляющую ВВП и национального богатства многих стран. Но интеллект сам по себе не богатство, а его субвенция, аванс, предбытие богатства. Само же богатство есть состояние человека. Если это состояние не просто дискомфортно, но и губительно, то человеческое богатство распадается подобно картонному домику, и никакое материальное состояние не способно возродить личность к полноценной и полнокровной жизни. Наркомания, алкоголизм, неврастения и многие другие язвы общества в одинаковой степени свойственны как нищим, так и богатым. Примеры из жизни Э.Тейлор, Ш.Бодлера, Э.По, Б.Моисеева и многих других ярких личностей свидетельствуют о том, что достаток или избыток вовсе не богатство, что сумма материальных артефактов отнюдь не есть счастье и радость бытия. И здесь следует признать, что « произошло чудовищное искажение мотивов экономической деятельности и ценностей самого труда. Они все более переключаются не на созидание полезных благ, а на извлечение прибыли, – любой ценой и за чужой счет»¹.

В этой детерминированной системе ценностных координат, когда само понятие ценности было сведено к категории полезности и даже более узко – к категории навара, прибыли, принципиально изменилась вся система личностного самоуправления. Так, саморегуляция превратилась в нацеленность на зарабатывание денег. Самооценка стала выражением способности личности обеспечить себе средства к существованию. Самоодобрение оказалось детерминированным степенью и способами получения доходов. Самовнушение превратилось в универсальный мотив для возбуждения алчности. Самоприказ превратился в распоряжение, отдаваемое самому себе исключительно с целью набить карманы.

¹ См.: Философия российской экономики / Под ред. Н.Н. Целищева, Т.С. Орловой, Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. в 2-х т. Т1. С.12–13.

Самокорректировка отвергла человеческое достоинство ради кошелька. Анализ поступков, поведения личность стала осуществлять не в отношении самой себя, а в отношении своего счета в банке или размера заработной платы.

Наконец, самостимуляция в современных условиях постепенно превращается у значительной части наших сограждан из самопоощрения к творчеству в воспрепятствование ему. Возникает некий социальный и даже психологический эффект, который, вслед за Н.А. Бердяевым, можно было бы назвать отступлением от нормы, оппозицией творчеству и истинной духовности. Это действительно так, ведь еще в св.Писании было сказано: «Не всякому духу верьте, но испытывайте – от Бога ли они». (Ин.4:1). Личностное самоуправление в его подлинном, истинном смысле есть процесс самоосвобождение духа и его возвышение к предельным основаниям бытия. Так, личность вначале воспринимает то, чему ей необходимо учиться, что предстоит осваивать, как нечто чуждое ей, противостоящее ей и пугающее ее. Но по мере освоения, усвоения, овладения этим «предметом», этим «нечто», они становятся для человека «своими». Личность как бы срастается с тем предметом, который она осваивает. Вспомним хотя бы манифест собственности, сформулированный И.А. Ильиным в его книге «Оправдание добра», где он как раз пишет о том, что человек создавая собственный достаток, формируя свою собственность, «вкладывает в них свою душу», «поливает их своим потом», «возделывает их духовно» и т.д. И отсюда следует: «Собственность вызывает в человеке инстинктивные побуждения и духовные мотивы для напряженного труда, для того, чтобы не щадить своих сил и творить лучше»¹.

Но для того, чтобы творить лучше, необходимо истинное, правильное, эффективное личностное самоуправление, т. е. такое саморегулирование, самонацеливание и самополагание себя, которое исходит не из влияния от внешних раздражителей, а отталкивается от внутренних предельно-ценностных оснований человеческого духа. Но могут ли такие основания в самом человеке

¹ Ильин И.А. О частной собственности // Русская философия собственности XVIII–XXв. СПб.: Ганза, 1993. С.127.

быть предельными, подлинными, истинными? Если они всегда детерминированы нашими субъективными потребностями, когда наше конкретное бытие определяет и наше сознание? Здесь как раз и проявляется предельная интенция самоуправления на личностном уровне. Суть ее состоит в умении высвободить свой дух, отрешаться, отвлекаться от поверхностных, экзогенных факторов нашего бытия и видеть в нем главное: обретение подлинного смысла жизни. Только со смыслом, с подлинно и объективно верным пониманием такого смысла, личность, осваивая свое дело, внешний предмет, самоуправляется эффективно и действительно рационально. Что может быть более рациональным, как не забота в таком смысле своего бытия, о подлинных его основаниях? Примитивное и достаточно упрощенное представление о рациональном в бытии всегда сводит само бытие к существованию, подобно тому, как культура часто сводится к понятию цивилизованности, а откровение к логике, благодать к труду, труд к работе и т.д. Субъективный дух, необъективированный в пределах смысла бытия, всегда остается заложником дизъюнктивного и релятивистского отношения человека к самому себе, экзистенциальной информации человеческой самости в структурах самосознания и восприятия. И здесь не возникает ни гармонии, ни социализации, когда «Я – это Ты, а Ты – это Я». Дух человека при доминанте рационального не углубляется в объект, расплывается по его поверхности. И возникает ощущение, что «моя профессия самая главная», «я – самый главный», даже единственный (агностицизм), что «мое понимание – суть истинное». Многообразие духовной благодати, благодати божьей, если говорить философско-религиозным языком, сводится к элементарному секулярному утилитаризму (Дж.Милль). Вместо гармонии с миром отстаивается идея личной свободы и овладения миром (Г.В.Ф.Гегель). В конечном счете, свобода и разум, как факторы личностного самоуправления, ведут личность в тупик: она воспринимает все, что ее окружает как то, что ей должно принадлежать; она возвышается в сфере «Я–Я» до отрицания отношения «Я–Мы», но тогда она уходит в себя, подобно моллюску, прячущемуся в собственной раковине. Тогда между личностью и миром, обществом, природой возникает отчуждение, а процесс самовысвобождения духа превращается в процесс его утраты личностью. Дух не возвраща-

ется в сердце и мозг человека как объективно совершенное, а остается все тем же субъективным духом, который лишь самоизменяет свои внешние проявления, т.е. механически, рефлекторно самосубъективируется. Процесс самоосвобождения духа вне личностного самоуправления есть его, духа «витание» над миром и над человеком, а не осваивание мира. Идея Г.В. Ф.Гегеля о том, что здесь будто бы дух эволюционирует от стадии субъективного через стадию объективного к стадии абсолютного (Абсолютная идея) нисколько не проясняет нам подлинную судьбу самого человека, поскольку в этой триаде духовной эманации нет стадии «совершенного». Абсолютизируя артефакты своего существования (такие, как деньги, имущество, комфорт и проч.), человек нисколько не становится более совершенным, потому что абсолютизация, оторванная от совершенного, есть элементарный фетишизм. И неважно, фетишизируется ли товар (по К. Марксу), или образ Бога (религиозный фанатизм), результат всегда будет один – личностная энтропия. Нельзя согласиться с утверждением о том, что «дух осваивает объективные формы для того, чтобы двигаться дальше»¹. Этот тезис напоминает известную формулу Э.Бернштейна о том, что «движение все, конечная цель – ничто».

В действительности, дух осваивает объективную реальность для того, чтобы сделать совершенной и субъективную реальность. Он возвышается до уровня абсолютного для того, чтобы собственного носителя – человеческую душу сделать совершенной. Иначе чего стоит призыв: «Будьте совершенны, как совершенен отец Ваш небесный»? Истинное *рацио* как раз и заключается в совершенствовании человеческого духа–души–тела, а не в слепом овладении силами природы, миром, обществом. Абсолютный дух–это не тот, который переходит на внешний предмет, уходит из личности, из души на внешние объекты, а тот, который внешние объекты делает сферой духотворения, совершенствования. И здесь личностное самоуправление представляет собой подлинно рациональное действие духа, объективное эффективное соотнесение себя с внешним миром и превращение внешнего мира в частицу самого себя, а не растворение самого себя во

¹ Шаповалов В.Ф. Основы философии. От классики к современности. М.: Фаир – Пресс. 2001. С.241.

внешнем мире. «Какой смысл в том, что ты обрешь весь мир, но потеряешь себя?» – эти слова из Екклесиаста предупреждают нас от абсолютизации всякого духа и обращают нас к самим себе, к обретению самих себя в мире. В этом и состоит истинно рациональное в личностном самоуправлении. К сожалению, в современной науке теория *рационального поведения* трактуется совершенно иначе.

Теория рационального поведения традиционно считается большим достижением в гуманитарной науке. Она очень серьезно повлияла на политику и образование во многих развитых странах. Привлекательность этой теории объясняется несколькими факторами

Во–первых, она оказалась способной заполнить пробел, образовавшийся в результате того, что наука ранее была не в силах объяснить и поправить с помощью политики положение, при котором безработица постоянно росла, порождая социальные конфликты.

Во–вторых, теория рационального поведения особое внимание уделяла хозяйственному поведению людей. Тем самым, благодаря ей, в экономический анализ стали включаться достижения и социальной философии, а сама экономика превратилась в «поведенческую» науку.

В–третьих, эта теория учитывает возросший уровень экономической осведомленности всех участников рыночных отношений. Сторонники теории рационального поведения отмечают, что ключевые институты, принимающие решения – крупные корпорации, главные финансовые учреждения и профсоюзные организации, – нанимают в штат экономистов, которые помогают предсказывать результаты новой государственной политики.

В–четвертых, стагфляцию, устойчивое сочетание высокого сочетания инфляции и безработицы, сторонники теории рационального поведения также связывают с фактически имеющими место недостатками в передаче и обработке информации: функционирование каналов передачи информации на практике далеко от совершенства, неодинаков доступ к имеющейся информации у

отдельных экономических агентов¹.

Отсюда следовал вывод о том, что для хозяйства необходимы кадры специалистов, которые могли бы осуществлять эффективный поиск и обработку новой информации на основе прагматизма, расчета и рационализма.

Краеугольным принципом теории рационального поведения является утверждение о том, что «потребитель сам знает, что ему нужно, и что экономическая система действует лучше всего тогда, когда удовлетворяет желаниям потребителя, которые проявляются в его поведении на рынке»². Тезис о том, что «потребитель всегда прав», давно знаком и россиянам. Проблема, однако, заключается в том, а всегда ли потребитель знает, чего он хочет, и всегда ли его поведение в качестве хозяйствующего субъекта будет эффективным?

С другой стороны, государственное регулирование в сфере образования также преследует, казалось бы, сугубо рациональные цели и задачи. Государство рассматривает образование как «процесс воспитания и обучения в интересах человека, общества и государства, ориентированный на сохранение и передачу знаний новым поколениям в целях обеспечения устойчивого социально-экономического развития, постоянного совершенствования нравственного, интеллектуального и физического состояния личности и общества»³.

Однако, если образовательный процесс строится на неверной системе ценностных координат, основывается на заведомо искаженной, неэффективной иерархии ценностных ориентаций самих участников данного процесса, то получатся «сапоги всмятку», «прививка оспы телеграфному столбу».

Одним из признаков такой неверной системы ценностных координат в сфере современного гуманитарного образования является абсолютизация принципов рационализма, прагматизма, гедонизма, выхолащивание из образовательного процесса подлинно

¹ См.: *Сарджент Т.* Теория рациональных ожиданий: Пер. с англ. М.: Экономика, 2002.

² См.: *Скитовски Т.* Суверенитет и рациональность потребителя. // Вехи экономической мысли. В 3-х т. Т.1 Теория потребительского поведения и спроса / Под ред. В.М. Гальперина СПб.: Экон. школа, 2000. С.370.

³ См.: *Правовые проблемы модернизации образования* / Отв. ред. А.И. Рожков. М.: ГУВШЭ, 2002. С.173.

духовного, гуманистического начала, пустое декларирование в теории и несоблюдение на практике задач нравственного совершенствования.

В начале XXI вв. все стали свидетелями несостоятельности рационализированного образования, да и самих многочисленных теорий, основанных на идеализации принципа рационального поведения. Возможно, что это было вызвано тем, что люди небезосновательно отказывались верить в обещания правительства. Но главной причиной стало то, что голый рационализм и гедонизм привел к тому, что в сфере современного образования стал формироваться не просто специалист - прагматик, а просто циничный эгоист, которому внушили в качестве главной установки задачу «минимизировать издержки и максимизировать прибыль». Окончательно репутацию многих апологетов общей концепции рационализма разрушили произошедший в 1987 г. крах российской фондовой биржи, российский дефолт 1998 г. и другие глубокие потрясения, которые произошли, как казалось, без каких-либо явных причин. Это послужило началом того, что в сферу гуманитарного и социально-экономического образования стали потихоньку допускаться идеи, учитывающие реальную возможность иррационального поведения. Сегодня многие экономисты, например, занимающиеся осмыслением тенденций в развитии экономического образования, используют последние достижения экспериментальной психологии, подвергая при этом жесткой критике саму идею рационального поведения, как отдельно взятого человека, так и целого сообщества.

Из новейших исследований вытекает, что люди, подверженные чрезмерному влиянию страха, часто проходят мимо возможности приобрести выгоду только из-за того, что существует незначительная вероятность потерпеть неудачу. Более того, людям свойственен так называемый *когнитивный диссонанс*, означающий явное несоответствие между окружающим миром и представлением о нем. Этот диссонанс проявляется в том случае, когда указанное представление растет в течение долгого времени. Это проявляется даже в том случае, если они точно знают, что источник мнения некомпетентен в данном вопросе. Кроме того, люди страдают от желания любой ценой сохранить статус-кво.

Часто стремление сохранить существующее положение вещей заставляет их идти на большие затраты, чем те, на которые они бы пошли, добиваясь этого положения «с нуля». Теория рационального поведения предполагает, как известно, что человек принимает конкретные (оптимальные) решения в зависимости от конструктивного анализа общего положения дел. Однако, как доказали исследования, в области экономической психологии, на самом деле человеческий разум разбивает окружающую действительность на некие общие категории, часто руководствуясь при этом поверхностными признаками объектов и явлений. При этом анализ отдельных категорий не учитывает значение других категорий (дискретность мышления).

Очевидно, что в поведении людей часто проявляется и такой иррациональный феномен, как *всезнание*. Если задать человеку вопрос, а потом попросить его оценить степень достоверности данного им ответа, то скорее всего эта оценка будет завышена. Это может быть вызвано так называемой *эвристикой представления*: тенденцией человеческого разума относиться к окружающим явлениям как к представителям уже известного ему класса. Это дает человеку чувство, что явление ему знакомо, и уверенность в том, что он правильно определил его суть. Таким образом, например, люди «видят» в потоке данных некую структуру, хотя на самом деле ее там нет. *Эвристика доступности*, родственный психологический феномен, заставляет людей фокусировать свое внимание на отдельном факте или событии, не принимая при этом во внимание общую картину, так как именно данное событие показалось им более явным, или оно четче отпечаталось в их памяти.

Еще одна замечательная способность человеческой психики - *вошебство воображения*, заставляет людей предписывать их собственным действиям последствия, с которыми они не имеют ничего общего, и, соответственно подразумевать, что они обладают большими возможностями воздействовать на положение дел, чем это есть в реальности. Так, инвестор, который приобрел акции, затем внезапно пошедшие вверх, скорее всего сочтет причиной этого свой профессионализм, а не просто удачу. В дальнейшем это может также вылиться в «квазивошебство воображения», когда инвестор начинает вести себя так, как если бы он

считал, что его собственные мысли могут влиять на события, даже если сам он знает, что это невозможно.

Большинство людей, по мнению психологов, страдают от *ложной непредусмотрительности*: когда что-то происходит, они чрезмерно переоценивают вероятность того, что они сами могли бы предсказать это происшествие заранее. С этим феноменом граничит так называемая *ложная память*: люди начинают сами убеждать себя в том, что они предсказывали это событие, хотя на самом деле этого не происходило.

И, наконец, вряд ли кто-то не согласится с тем, что человеческим поведением часто правят эмоции, а отнюдь не разум. Это наглядно может быть продемонстрировано с помощью психологического эксперимента, известного как ультимативная игра. В ходе эксперимента одному из участников дается некая сумма денег, например, 10 долларов, часть которой он должен предложить второму участнику. Тот в свою очередь, может либо взять деньги, либо отказаться от них. В первом случае он получал эти деньги, а остаток забирал себе первый участник, во втором – они оба не получали ничего. Эксперимент показал, что в том случае, если предполагаемая сумма была мала (менее 20% от общей), то она обычно отвергалась, хотя с точки зрения второго участника выгодно соглашаться с любой предложенной суммой, даже с одним центом. Однако в этом случае наказание первого участника, предложившего оскорбительно малую часть денег, давало людям большее удовлетворение, чем их собственная выгода.

Все более возрастающее влияние на современное экономическое образование оказывает так называемая «теория перспектив», разработанная Д. Канеманом (Принстонский университет, США) и Э.Тверски (Стэнфордский университет, США), Эта теория соединяет воедино результаты ряда психологических исследований, и в значительной мере отличается от теории рационального поведения. При этом она использует методы математического моделирования, применявшиеся последней.

Теория перспектив основана на результатах сотен экспериментов, в ходе которых людям предлагалось совершить выбор между двумя вариантами действий. Результаты Д. Канемана и Э. Тверски говорят о том, что человек избегает нести потери, т.е. его ощущения от потерь и приобретений несимметричны: степень

удовлетворения человека от приобретения, например, 100 долларов, гораздо ниже степени расстройства от потери той же суммы. Однако стремление избегать потерь не связано со стремлением избегать риска. В реальной жизни, избегая потерь, люди рискуют гораздо меньше, чем если бы они действовали строго рационально и стремились максимизировать для себя полезность. Теория перспектив также говорит о том, что люди неверно оценивают вероятности: они недооценивают вероятность событий, которые, скорее всего, произойдут, переоценивают менее вероятные события, и считают невозможными события, вероятность которых хотя и мала, но все же существует. Люди также рассматривают принимаемые ими решения сами по себе, не учитывая всего контекста.

Реальная жизнь во многом подтверждает теорию перспектив, о чем, например, пишет К. Камерер (Калифорнийский Технологический институт, США). Так, изучая работу таксистов в Нью-Йорке, он заметил, что большинство из них устанавливают для себя дневную норму выработки, заканчивая работу тогда, когда эта норма выполнена. Таким образом, в оживленные дни они обычно работают на несколько часов меньше, чем тогда, когда у них мало пассажиров. С точки зрения рационального поведения, они должны поступать наоборот, работая больше в те дни, когда из-за наплыва клиентов их среднечасовой заработок возрастает, и сворачивать работу тогда, когда по причине простоев он уменьшается. Теория перспектив позволяет объяснить это иррациональное поведение: когда водитель может достичь поставленной им цели, это воспринимается им как поражение, и он прилагает все силы и все время к тому, чтобы избежать его. Напротив, ощущение победы, возникающее при выполнении нормы, лишает его дополнительного стимула продолжать работу в этот день.

Люди, играющие на скачках, предпочитают «темных лошадок» фаворитам гораздо чаще, чем они должны бы были это делать с рациональной точки зрения. Теория перспектив связывает это с неверной оценкой вероятностей: люди недооценивают вероятность выигрыша фаворита и переоценивают возможность того, что никому не известная кляча придет к финишу первой. Также отмечено, что игроки обыкновенно начинают ставить на никому не известных лошадей ближе к концу дня. К этому времени мно-

гие из этих людей уже лишились части своих денег, осевших в карманах у букмекеров, и удачный заезд «темной лошадки» для них может превратить неудавшийся день в триумф. С точки зрения логики, в этом нет никакого смысла: последний забег ничем не отличается от первого. Однако люди склонны выключать свой внутренний счетчик под конец дня, так как им не хочется уходить с ипподрома в проигрыше.

Наверное, самым известным примером работы теории перспектив является так называемая «проблема доходности акций». В США долгие годы акции приносили инвесторам существенно больший доход по сравнению с облигациями, чем это можно было бы предположить, исходя только из различий в рискованности этих бумаг. Ортодоксальные экономисты объяснили этот факт тем, что инвесторы проявляют меньшую, чем ожидалось, склонность к риску. С точки зрения теории перспектив, это объясняется стремлением инвесторов избегать потерь в каждом отдельно взятом году. Так как потери по итогам года более свойственны акциям, чем облигациям, то инвесторы готовы вкладывать деньги только в те из них, чья большая доходность позволила бы им компенсировать риск в том случае, если год окажется неудачным.

Ответной мерой сторонников рационального подхода стали доказательства рациональных корней нерационального поведения человека. Г.Беккер (Чикагский университет, США) высказал эти идеи задолго до того, как поведенческая теория поставила под вопрос классические догмы. В своей работе, удостоенной Нобелевской премии, он описывает с точки зрения экономики такие стороны человеческой жизни, как образование и семью, самоубийство и пристрастие к наркотикам. В дальнейшем ими также были созданы «рациональные» модели формирования эмоций и религиозных верований. Такие рационалисты, как Г.Беккер, обвиняют сторонников поведенческой теории в том, что последние используют любую подходящую психологическую теорию для того, чтобы найти объяснение исследуемой проблеме, подменяя этим последовательный научный подход.

В свою очередь, выше упоминавшийся К. Камерер говорит то же самое и о рационалистах. Так, они объясняют стремление игроков на скачках ставить на неизвестных лошадях тем, что тяга к риску у этих людей выражена сильнее, чем обычно, при этом

говоря обратное в случае с проблемой доходности акций. Хотя подобные объяснения и имеют право на существование, очевидно, что всей картины они не учитывают.

На самом деле, конфликт между сторонниками рациональной и поведенческой теории сейчас уже во многом завершен. Традиционалисты больше не могут себе позволить просто игнорировать значение чувств и переживаний с точки зрения их влияния на поведение человека, точно так же и адепты поведенческой школы больше не считают человеческое поведение полностью рациональным. Вместо этого, большинство из них оценивают поведение людей как «квазирациональное», то есть предполагают, что человек старается вести себя рационально, но снова и снова терпит ошибки на этом поприще.

По мнению Р. Шиллера (Йельский университет, США), хотя достижения поведенческой теории и нужно принимать во внимание, это не должно означать полного отказа от рациональной теории.

Д. Канеман, стоявший у истоков исследования иррационального поведения хозяйствующих субъектов, тоже говорит о том, что полностью отказываться от модели рационального поведения еще рано. По его мнению, в модель может быть введено не более одного фактора иррациональности одновременно. В противном случае обработка результатов исследования может оказаться невозможной.

Скорее всего, будущее развитие самого гуманитарного знания и гуманитарного образования будет идти в области развития интегративного образования, на стыке с другими науками, от психологии до биологии. Э. Лоу (Массачусетский Технологический институт, США) полагает, что прогресс в естественнонаучных отраслях позволяет выявить генетическую предрасположенность к риску, определить, каким образом идет формирование эмоций, вкусов и ожиданий, глубже понять процессы обучения. В начале 90-х гг. XX в. Р. Тэйлор (Чикагский университет, США) пытался внедрить психологические методы в теорию и практику финансов. По его мнению в будущем экономисты будут учитывать в своих моделях столько поведенческих аспектов, сколько они будут наблюдать в окружающей их реальной жизни хотя бы потому, что поступать по-другому будет просто нерационально.

Важную роль здесь может сыграть и социально-философский анализ.

Отказ от гипертрофирования и абсолютизации теории рационального поведения, а шире – от голого рационализирования в сфере гуманитарного образования, давно осуществляется в США, Японии, странах Евросоюза. В системе российского образования пока доминирует другая тенденция – к технократизации.

Развитие социально-философского анализа поведения человека позволяет повысить культуру в обществе, сформировать эффективные корпоративные ценности, бизнес-этику, кодекс конкурентных отношений, развивать добросовестную конкуренцию. Так, в Японии в сфере экономической подготовки будущих специалистов активно на основе социально-философского и психолого-педагогического инструментария закладываются основы гуманных межличностных взаимоотношений (принцип *йэ*), формируется демократическая манера принятия управленческих решений (принцип *ринги сэдзо*). Важным принципом профессионального образования руководителя и исполнителя является принцип *сэйсин* – принцип постоянного самосовершенствования и самообразования. Смысл использования этих и ряда других принципов состоит в том, чтобы наряду с рационализмом использовать для достижения успеха в работе и другие ресурсы, а сам успех трактуется не как максимальная прибыль, а как взаимная выгода, общественная полезность. Кстати, в Европе также давно отказались от установки на максимальную прибыль и минимизацию затрат. Так, в 1973 г. на III Всеевропейском симпозиуме предпринимателей и менеджеров в г. Давос (Швейцария) был принят Манифест, в котором на место экономического принципа максимизации прибыли был поставлен принцип социальной ответственности корпораций перед обществом¹. К сожалению, наше экономическое образование в начале XXI в. лишь воспроизводит зарубежные модели образования середины 60–х гг. XX в. Если это называется «модернизацией» современного экономического образования в России, то с такой «модернизацией» вряд ли следует безоговорочно соглашаться. Правомерно замечание

¹См.: Экономика предприятия: Учебник для вузов / Под ред. Ф.К.Беза, Э.Дихтла, М.Швайтцера: Пер. с нем. М.: Инфра-М., 1999. С.171–172.

о том, что «напрашивается вывод, что система профессионального образования в определенном смысле работает вхолостую, поскольку для экономики в нынешнем состоянии подготовленные специалисты не нужны»¹.

Но «холостые обороты» современной российской системы образования в целом, а экономического, в частности, нельзя связывать только с нынешним состоянием экономики. Необходимо понимать и то, что качество выпускников большинства российских вузов и факультетов само по себе достаточно низкое. Об этом свидетельствует то обстоятельство, что дипломы абсолютного большинства российских вузов по многим специальностям на Западе не конвертируются. Подписывая Болонскую конвенцию в сфере образования, делая современное образование, в том числе гуманитарное, более открытым и интегрированным, следует помнить, что глобализация образования может привести как к положительным, так и к отрицательным последствиям. Об этом, в частности, свидетельствует формирование экономического сознания, в структуре которого наблюдаются существенные метаморфозы².

Отказываясь от приоритетов рационализирования, прагматизма и гедонизма в пользу духовности, гуманитаризации и гуманизации современного профессионального (в том числе и экономического) образования, мы должны отдавать себе отчет в том, что это тоже модернизация, но не со знаком «минус», а со знаком «плюс». Такая модернизация нацелена не на слепое копирование, воспроизведение чужого (и чуждого нам) образовательного опыта в российских условиях, а на формирование прежде всего нравственного специалиста и нравственной экономики.

Если же рассматривать проблему объективно верной, подлинно эффективной реконструкции личностного самоуправления в целом, то отказ от приоритета гедонизма и прагматизма в пользу совершенного и духовного предполагает восстановление единственно верного значения и назначения сакральных факторов в жизнедеятельности человека. И это касается как экономики, так и

¹ См.: Модернизация российского образования: ресурсный потенциал и подготовка кадров / Под ред. Т.Л. Клячко. М.: ГУВШЭ, 2002. С.96.

² См. Стожко К.П. Экономическое образование. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002 С.317–391.

культуры, и политики. Ведь еще Э.Дюркгейм писал, что все хозяйственные явления нашей жизни – суть вторичные, они подчиняются и должны подчиняться процессу формирования морального и социального порядка.

По его мнению, сам дух хозяйственных эпох, уклад хозяйственного мышления определяют экономический порядок и эффективность хозяйства¹. Если рассматривать дух как ключевой регулятор личностного самоуправления, а конечную цель духотворения видеть не в улучшении комфортности и не в росте вещного богатства, а в усовершенствовании самого человека и его подлинной природы, то следует признать, что проблема исследования личностного самоуправления как проблема духотворения и одухотворения человека есть, пожалуй, сквозная, генеральная проблема усовершенствования, реформирования всех сфер существования человека, начиная с его личностных и межличностных отношений, и завершая сферой публичной деятельности.

А раз личностное самоуправление выступает генеральным условием одухотворения человека и наполнения его жизни истинным смыслом, то оно, в качестве социальной характеристики личности, должно рассматриваться и как способ формирования и развития человеческого богатства, формирования и развития целостной, духовно богатой и гармонично развитой личности.

¹ См.: *Ветошкин А.П., Стожко К.П.* Философия экономики. Екатеринбург: Полиграфист, 2001. С.19–20.

**§ 2. Воспроизводство человеческого богатства и проблема
капитализации способности к личностному самоуправлению
в предпринимательской деятельности**

Человеческое богатство представляет собой в социальном смысле слова, деятельные способности личности. Однако за деятельными способностями человека стоят его духовность и интеллект. Интеллект составляет идеальный мост между духовностью и деятельными способностями личности, который обеспечивает превращение получаемой человеком информации в знания. Последние как раз и составляют содержание интеллектуального потенциала личности. Духовность человека выступает абсолютным идеальным образом человеческого богатства. Однако, одухотворение человеческой деятельности посредством формирования у личности деятельных способностей превращает такое богатство в человеческий капитал.

Капитал представляет собой определенный ресурс, который обладает свойством самовозрастания. Такая интерпретация капитала давалась еще К.Марксом и никем пока не опровергнута. Разные уточнения, а порой и упрощения понимания сущности капитала, привели к тому, что под ним часто подразумевают ресурс, приносящий его владельцу определенный доход. Но это не просто узко экономизированное толкование капитала, но еще и упрощение его смысла. Самовозрастание капитала отнюдь не связано только с увеличением дохода от его использования. Кроме дохода следует иметь в виду и социальные, а также духовные (а не только сугубо экономические) эффекты. Одним из важнейших социальных эффектов превращения человеческого богатства в человеческий капитал как раз и является то, что в процессе формирования и использования интеллектуального потенциала личности посредством самоуправления возрастает весь потенциал личности в целом, в том числе и деятельностный, и трудовой, и культурный.

Здесь духовность представляет собой определенное сито, некий фильтр, который отсеивает часть получаемой человеком информации, а другую часть актуализирует в виде знаний и дея-

тельных способностей человека. Однако, между знаниями и информацией есть не только эта разница. Было бы недостаточно полагать, что информация есть обезличенное знание, а знание - личностно оформленная информация. В связи с этим можно согласиться с мнением о том, что информация, заложенная в голову человека, - это знание¹. Но вот знание и деятельностные способности все-таки суть разные характеристики личности. И то, что к знаниям часто причисляют и умения (навыки)², вряд ли корректно с научной точки зрения. Так, инструкция по вождению автомобиля является информацией. Прочитанная и оставшаяся в памяти человека она представляет уже его знание. Но способен ли человек, прочитавший инструкцию, самостоятельно водить автомобиль? Конечно же, нет. Именно поэтому, кроме правил дорожного движения и теоретических знаний в области устройства автомобиля человек проходит практикум по вождению совместно с инструктором. Значит навыки и знания расходятся и в пространстве, и во времени. Очевидно также, что отсутствие навыков, умений, т.е. деятельных способностей личности не позволяют полностью раскрыть и использовать человеческий потенциал. Для этого необходимо самоуправление, в процессе которого знания актуализируются, превращаются в деятельные способности. Процесс такой актуализации носит чисто социальный характер: инструктор не водит за курсанта автомобиль, а лишь подсказывает, направляет, советует, оценивает. Но далее сам курсант становится водителем, самостоятельно управляет автомобилем, но при этом социально самоуправляется. Только так личностный потенциал реализуется: одни становятся аккуратными водителями, другие – камикадзе на дорогах, третьи - профессиональными гонщиками и т.п.

Естественно, что для реализации личностного потенциала, тем более интеллектуального потенциала личности, составляющего как бы основу всего потенциала личности, большое значение имеет качество исходной информации. В литературе различают дезинформацию, псевдо-информацию, неверную информа-

¹ См.: Крыштафович А.М. Управление знаниями – перспективные направления менеджмента // Менеджмент в России и за рубежом. 2003. №1. С.44.

² См.: Глазов Ю. Феномен информации. М.: Мир, 1984.

цию (параинформацию) и просто информацию¹.

Однако, критерии для такого деления весьма расплывчаты. Отсюда возникает вопрос, почему в одном случае человек даже неясную, нечеткую, неполную информацию усваивает достаточно эффективно и это не мешает ему сдать на права и быть хорошим водителем, а другой - даже четкую информацию усваивает с трудом и сдает на права со второй, а то и третьей попытки. Такие моменты принято относить на счет психологии, мотивируя объяснения психологическими особенностями человека: вниманием, темпераментом, объемом памяти, характером и проч. Однако, здесь сбрасывается со счетов определенный социальный момент, связанный с тем, что переход информации в знания, а знания в деятельные способности обусловлен также занятостью человека, его социальным статусом, социальной ролью, принадлежностью к определенным социальным группам. Так, директор крупной корпорации, помещенный в обычную группу курсантов, просто не в состоянии адаптироваться в течение двух-трех месяцев к тому алгоритму, который задается в группе. Это связано с тем, что крупный чиновник просто отвык работать в команде, а у себя на работе он стоит над командой, над персоналом, над коллективом. Таких клиентов в современном обществе принято называть VIP-персонами. Для них предлагаются специализированные товары и услуги: отдельное обучение, специальные турпрограммы, индивидуализированные мероприятия и т.п. В обычных же условиях даже хорошая информация для таких категорий граждан может оказаться бесполезной, а значит, не актуализируемой в виде знаний, а тем более деятельных способностей. Значит, ни о какой капитализации человеческого богатства здесь не может быть и речи. И это не единичный случай. Миллионы наших сограждан, обучаясь в школах, средних и высших учебных заведениях, изучают массу учебных дисциплин, которые буквально завтра же забывают как неактуальную информацию. Именно неактуальную, т.е. несвоевременную, не востребованную в данном периоде жизни, но не ненужную или вредную. Отсюда мы вправе сделать вывод о том, что своевременность, адресность и соответствие информации, получаемой личностью, потребностям самой личности

¹ См.: Крыштафович А.М. Указ. соч. С.44-49.

(а не только ГОСТам или техническим требованиям), является главным критерием капитализации человеческого богатства, формирования и реализации интеллектуального потенциала личности. А коли так, то, учитывая потребности человека, а также своевременность, востребованность и адресность информации, мы вправе говорить о том, что для актуализации информации в знания, а знаний - в деятельные способности необходимо именно личностное самоуправление. Это может быть обеспечено за счет выполнения требований Национальной доктрины образования в РФ, в которой четко записано, что качество образования обеспечивается за счет «индивидуализации образовательного процесса, многообразия видов и форм образовательных учреждений и образовательных программ, учитывающих интересы и способности личности»¹. Но прав был А.В.Чаянов, утверждавший еще в начале XX в., что образование в сущности всегда есть самообразование. А значит, управление образованием должно быть в сущности самоуправлением, в том числе и студенческим. Без одного нет и другого. Выделяя одиннадцать методов преподавания в высшей школе, А.В.Чаянов утверждал, что учеба есть лишь дополнение к профессиональной работе². С другой стороны, деятельность творческой личности в определенном смысле всегда выступает как самоуправляющееся самообразование. Так, в ходе Второй мировой войны исследователями отмечен такой факт: сборка второго самолета одного и того же типа занимала значительно меньше времени, чем первого, и второй самолет имел гораздо меньше дефектов. С третьим самолетом дело обстояло также. Этот феномен был описан в работе Нобелевского лауреата по экономике 1962 года К.Эрроу³. Данный факт представляет собой пример самообразования, смысл которого состоит в самоуправлении интеллектуальным потенциалом личности. В современной литературе, однако, далеко не все разделяют такое мнение. Порой звучат утверждения о том, что никакого самоуправления интеллектом здесь нет, а имеет место обычное управление знаниями – knowledge management. Но кто управляет знаниями конструкторов, сборщи-

¹ См.: Национальная доктрина образования в Российской Федерации // Поиск, №41 от 13 октября 2000 г. С.6.

² См.: Чаянов А.В. Избр. тр. М.: Финансы и статистика, 1991. С.369-370.

³ См.: Arrow K. Information and Economic Behavior. Stockholm, 1997.

ков, программистов, инженеров? Разве под управлением рождается идея, творческий замысел, реализуется интеллект? Нет, наоборот: для реализации интеллекта необходима творческая свобода, для творчества необходима независимость творца от бюрократы. Иное лишь губит творчество и превращает предпринимательство, изобретательство, авторскую работу, творческий труд в рутину, в репродуцирование. Попытки мелочной регламентации, жесткого нормирования, идеализации значения планирования и бюджетирования для развития креативности, - все это способы бюрократизации процесса перехода информации в знания, знаний - в убеждения. Эти способы лишь тормозят актуализацию интеллектуального потенциала работника, поскольку мешают разрыванию процесса личностного самоуправления. Но зомбированный работник не может быть предпринимателем, точно также, как не бывает сухой влаги. Даже сухое шампанское все-таки жидкость. Попытки некоторых исследователей¹ с помощью SWOT-анализа раскрыть процессы актуализации интеллекта в аспекте стратегического менеджмента всегда наталкиваются на невидимое препятствие - игнорирование значения личностного самоуправления в этом процессе. Определяя миссию организации, исследователи часто забывают о том, что определение ее извне делает практически невыполнимой ее осуществление. И только самоопределение миссии самими работниками обеспечивает искомый результат.

В этом плане необходимо отметить актуальность государственной поддержки самоуправления во всех его проявлениях, особенно в сфере творчества, новаторства, изобретательства, всего того, что связано с реализацией интеллектуального потенциала личности. В целом, следует признать, что такой поддержки предпринимательству государство оказывает крайне мало. Так, Федеральный закон «О государственной поддержке малого предпринимательства в Российской Федерации» содержит лишь самые общие, расплывчатые и далеко неполные положения на этот счет. В ст.6 этого закона перечисляются пять направлений, по которым осуществляется такая поддержка и шесть функций: проведение

¹ См.: Развитие стратегического подхода к управлению в российских университетах / Под ред. Е.А.Князева. Казань: Унипресс, 2001.

анализа состояния предпринимательской деятельности, разработка федеральной программы господдержки предпринимательства, подготовка предложений по налоговым льготам для субъектов предпринимательства, содействие органам исполнительной власти и т.п.¹. Если вдуматься в содержание этих положений, то обнаруживается элементарная тавтология и полная неконкретность положений закона. В самом деле, что означает положение о том, что государство оказывает содействие органам исполнительной власти по разработке и реализации мер по поддержке малого предпринимательства? Разве органы исполнительной власти - это не государство? А если они - государство, то как можно оказывать содействие самому себе? Таких несуразностей в законе достаточно много, что требует дальнейшей работы над содержанием данного правового акта с учетом мнения самих предпринимателей, а не только целей государственной политики.

Представляется правомерным рассмотрение проблемы развития личностного самоуправления в комплексе с проблемами формирования правового государства и гражданского общества, поскольку отсутствие эффективных институтов, из числа указанных, не позволяет в полной мере актуализировать интеллектуальный потенциал граждан, а значит, осуществлять самореализацию личности, а как результат - развивать человеческое богатство в целом. К несчастью, во многих случаях, особенно в системе государственного управления (высшее образование, государственные предприятия, органы правопорядка и т.п.), «инициатива наказуема»; здесь господствуют прежние стереотипы мышления и поведения людей: «подальше от начальства - ближе к кухне», «тише едешь - дальше будешь», «ты начальник - я дурак» и т.п. Очевидно, что в предпринимательской деятельности подобные проявления социального иждивенчества и социальных страхов просто губительны. Но поскольку современный предприниматель капитализирует свой креативный потенциал в системе общественных отношений, да еще под прессом жесткой регламентации и карательных санкций со стороны государства, то вольно или нет, такие деформации мышления отражаются и на самом характере

¹ См.: О государственной поддержке малого предпринимательства в Российской Федерации. 4-е изд. М.: Ось-89. 2005. С.5-6

предпринимательской деятельности. Интеллектуальный потенциал в этой связи развивается деструктивно, направляется на укрывательство доходов, в теневой бизнес, на разработки полукриминальных схем; деятельности. Заявления высших чиновников об очередной амнистии или «облегчении участи» остаются предпринимателями часто не услышанными именно потому, что поддержки со стороны государства осуществляется все-таки крайне мало. Значит, выражаясь словами известного российского драматурга Шатрова, нужно двигаться дальше, дальше, дальше. И важнейшим направлением должно стать стимулирование, поощрение личности к самоуправлению: на уровне студенческой среды, трудового коллектива, отдельного индивида, местного хозяйства. В связи с этим необходимо отметить, что некоторое развитие данной проблемы предлагает Федеральный закон №131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Так, ст.17 данного закона содержит перечень полномочий органов местного самоуправления по решению вопросов местного значения. Но вот ст.50, определяющая муниципальное имущество, свидетельствует о том, что в имуществе муниципальных органов самоуправления находится достаточно узкий и довольно не доходный объем средств и объектов. Больше того, в данном законе не прописана доходная база местных бюджетов, а известно что она крайне недостаточна¹. Отсюда следует, что реального развития местного самоуправления не получится до тех пор, пока не будет расширена свобода, компетенция данных (местных) органов самоуправления и доходная база местных бюджетов.

Казалось бы, данная проблематика (местное самоуправление) никак напрямую не связана с личностным самоуправлением предпринимателя. Однако, это не так. Очевидно, что сокращение доходной базы бюджетов органов местного самоуправления компенсируется повышением размеров арендной платы (в том числе и на землю), введением новых поборов в виде сборов, штрафов, специальных платежей (например, за землеотвод, за подключение к телефонным сетям, за благоустройство прилегающих территорий

¹ См.: Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации // Российская газета. №202. от 8 октября, 2003.

и т.п.) Мало того, что такие новшества незаконны, поскольку опираются не на законодательство, а на административные решения; они еще и малоэффективны, поскольку получаемые доходы от таких новаций мешают эффективному предпринимательству. Что касается предпринимателя, то он очень легко «самоуправляется» в такой ситуации, перекладывая новые расходы в виде дополнительных издержек на потребителей. Включая их в цены, предприниматель становится непрезентабельной личностью, часто воспринимаемой как антисоциальная. Но необходимо рассматривать проблему в комплексе: излишняя централизация финансовой и бюджетной системы, сосредоточение львиной доли доходов в федеральном бюджете не оставляют местным органам самоуправления выбора: либо они будут изыскивать новые источники доходов и хотя бы как-то выполнять свои функции, либо они не будут их изыскивать, но и функции выполнять не будут. Заложником бюрократизированной и централизованной финансовой и бюджетной системы выступают, таким образом, не только сами предприниматели, но и органы местного самоуправления. Отсюда необходимо сделать вывод о том, что всякое самоуправление есть децентрализация и дебюрократизация социальной, экономической и политической системы. Диалектика единства и борьбы двух противоположных тенденций - с одной стороны, к централизму и контролю, а с другой стороны - к самоуправлению и демократии - определяла до сих пор и будет определять и впредь содержание всей общественной жизни людей.

Совершенно понятно, что актуализация интеллектуального потенциала личности предпринимателя в таких условиях направлена на деструктивные формы ведения бизнеса. Можно было бы сказать, что личность предпринимателя является в определенном смысле заложницей излишней бюрократизации и централизации в нашей экономике. Но вот найти баланс интересов между личностью предпринимателя и местными органами управления, между муниципальными органами и госструктурами до сих пор удастся крайне редко.

Результатом этой ситуации является относительная неразвитость отечественного предпринимательства, как в качественном смысле, так и в сугубо количественном. С точки зрения качества, российское предпринимательство характеризуется такими недос-

татками, как конфликтность, низкая правовая культура, этическая неряшливость, низкий уровень профессионализма, наличие преступности в данной сфере, низкая социальная эффективность, антиэкологичность и т.п. В количественном плане дела обстоят также далеко не лучшим образом. В то время, как в индустриально развитых странах предпринимательство - малый бизнес - обеспечивает более половины ВВП, в нем занято до 60% трудоспособного населения, в России этот сектор экономики производит 10-12% ВВП, обеспечивая работой лишь 12 млн. чел., т.е. чуть больше 8% населения отрасли¹.

Человеческое богатство страны ограничено в своем самовозрастании неразвитостью отечественного предпринимательства, которое в свою очередь детерминировано фискальной и бюрократизированной политикой со стороны государства. Именно поэтому в России разворачивается процесс дезиндустриализации, когда основные фонды промышленных предприятий, энергосети и коммуникации изношены почти на 90%, а адекватной замены им нет. По этой причине российская экономика остается в фазе экономического кризиса и ни о каком переходе к новому индустриальному обществу, новому качеству экономики, удвоению ВВП всерьез говорить не приходится. А ведь еще в середине XX в. известный экономист Дж.К.Гэлбрейт в своей книге «Новое индустриальное общество» отмечал, что бедная, зависимая и слабая академическая среда - педагоги и ученые - это характеристики *зачаточного* индустриального развития². Состояние данной социальной среды в современных российских условиях - лучшее доказательство нашего «индустриализма».

Развивая свои идеи в области государственного регулирования экономики, Дж.К.Гэлбрейт писал: «В настоящее время имеется достаточно доказательств, что емкость рынка может быть увеличена, если это требуется для увеличения занятости или по другим причинам»³. Тем самым мы должны осознать, что развитие предпринимательства в России требуется потому, что само по

¹ См.: Оценка и прогноз социально-экономических последствий технологического развития Урала. Екатеринбург: ИЭУрО РАН, 2004. С.122.

² См.: Гэлбрейт Дж.К. Новое индустриальное общество: Пер. с англ. М.: АСТ. Транзиткнига, 2004. С.409.

³ См.: Гэлбрейт Дж.К. Указ. соч. С.478.

себе предпринимательство - это не только форма социальной защиты населения в условиях рыночной экономики (от безработицы, например), но и особая форма созидательной деятельности, основанная на интеллекте и обладающая способностью к самовозрастанию собственной ценности. Личностное в самоуправлении выступает способом развития человеческого богатства потому, что обеспечивает на всех социальных уровнях - на личностном, а далее - на коллективном, наконец - на общенациональном - выход общества, страны, народа в стадию устойчивого поступательного социально-экономического развития, в фазу нового индустриального хозяйствования.

Мы неслучайно начали анализ вопроса о роли личностного самоуправления в процессе самовозрастания стоимости человеческого богатства с информации и ее перевода в знания, и далее - в деятельностьные способности. Не будучи индустриально развитой экономикой, наша российская экономическая система сегодня вовлечена в глобальные процессы. Иначе говоря, мы живем в информационном обществе. С середины 90-х гг. XX в., т.е. с того момента, когда интернет из специализированной военной сети превратился в глобальную информационную магистраль, дефицит интеллектуального потенциала работника в одной стране начал «успешно» компенсироваться экспортом интеллектуальных услуг из других. Так устроена, например, система франчайзинга. Но главное состоит в том, что для страны, имеющей дефицит интеллектуального потенциала с собственных работников, такое замещение чужеродным продуктом ведет к деформациям в области менталитета, сознания, культуры.

И дело тут не в тоталитарности, авторитаризме или демократии. Так, власть может быть авторитарной, но народной и наоборот: демократичной и антинародной. Народовластие в условиях представительской демократии никоим образом не отрицает возможности узурпации этой власти в пользу определенных социальных сил: отдельных личностей, определенной номенклатуры, неких политических партий или общественных движений. «Необходимо перевернуть с ног на голову постановку глобальных проблем - указывает в связи с этим Б.Марков. - Зло производится не где-то за границей демократического общества, а в нем самом. Глобализация в сфере морали пришла в состояние резонанса с

другими формами глобализации и это становится угрожающим. Прежде всего, опасность связана с *финансовой глобализацией*, в результате которой происходит привязка национальных валют к доллару и их стоимость определяется на мировых межбанковских валютных биржах. Практически это означает, что цена рубля сегодня мало зависит от эффективности труда наших рабочих и даже от запаса ресурсов в стране. Глобализация в сфере *масс-медиа* выражается не только в появлении транснациональных издательских корпораций, ни и в становлении новых универсальных форм цензуры. Глобализация *политики* выражается в апелляции к общественному мнению, которое само выступает предметом разного рода манипуляций¹. В этих условиях утрата личностью способности к самоуправлению губительна для предпринимательства как наиболее эффективного способа хозяйствования. Но такая утрата губительна и для отдельно взятого человека, который с утратой данной способности утрачивает и собственную субъектность.

Девальвация родовой, сущностной характеристики человека как человека означает обесценивание человеческого богатства и всех ее составляющих: духовности, знаний, деятельностных способностей.

Личностное самоуправление предпринимателя реально, а не виртуально нацелено на увеличение стоимости, ценности его знаний, деятельных способностей. Здесь, как говорится, сомнения излишни. Ведь всякий вменяемый человек в процессе самоуправления самосохраняет и саморазвивает себя. Иное - доказательство отсутствия самоуправления личности, личностная деструкция. Но вот внешнее управление далеко не всегда, часто на словах, реже - на деле, ориентировано на подлинное развитие личности и увеличение человеческого богатства. Разного рода начальники манипулируют подчиненными, а в случае фиаско собственного менеджмента «умывают руки». Поэтому предприниматель понимает, что ему нечего ждать милости от государства в лице чиновника или местных органов самоуправления в лице все тех же чиновников. Развивая в себе способность к личностному самоуправлению он,

¹ См.: Марков Б. Человек в эпоху масс-медиа // Информационное общество. М.: АСТ, 2004. С.482-483.

тем самым, во-первых, формирует в себе готовность к переменам; во-вторых, вырабатывает определенные способы осуществления этих перемен; в-третьих, оценивает ход и характер этих перемен, в процессе которых реализуется его интерес, т.е. объективная необходимость в условиях и средствах к жизнедеятельности. Несовершенство государственного регулирования в хозяйственной сфере и даже в сфере экономического образования может компенсироваться только выработкой способности к личностному самоуправлению. По известному выражению английского экономиста, нобелевского лауреата Дж.Робинсон, «экономическая теория - это «ящик с инструментами». Выбор тех или иных инструментов для эффективного хозяйственного поведения человека отнюдь не является делом вкуса. Но он осуществляется самостоятельно. Никто за нас *эффективно* такой выбор сделать не может. Неадекватность профессиональной и экономической подготовки выпускников высших учебных заведений нашей страны потребностям экономики и предпринимательства - яркое тому свидетельство.

Самовозрастание стоимости человеческого богатства в процессе личностного самоуправления детерминировано обновлением самой личности на каждом этапе ее жизни. Внешнее управление не обновляет личность, а лишь побуждает ее к этому. При таком побуждении мотивация может быть крайне низкой. Но личность, самоуправляющаяся своим обновлением, - априори мотивированная в этом вопросе. Во всяком обществе данные процессы имеют место. Другое дело - в какой мере они распространены. Но чем быстрее и успешнее личность предпринимателя обновляется, чем она более соответствует времени, тем быстрее развивается экономика в целом. Неслучайно поэтому «обновляющиеся компании относятся к каждому сотруднику, как к источнику творческого вклада. И что самое интересное, их нельзя назвать ни демократическими, ни авторитарными в управлении»¹. Важно то, что такие компании ищут возможности своего развития в личности работника, а не наоборот. Если служащие компании ищут воз-

¹ См.: Уотермен Р. Фактор обновления. Как сохраняют конкурентоспособность лучшие компании: Пер. с англ. М.: ПРОГРЕСС. 1988. С.21.

возможности для своего развития в самой компании, то никакого развития не будет. Следовательно, управление в целом, будь оно стратегическим или тактическим, комплексным или специализированным, всегда вторично по отношению к самоуправлению. Личностное самоуправление таким образом выступает социально-онтологическим основанием для общественного разделения труда и формирования профессионального управления, но никак не наоборот.

В этом вопросе важно иметь в виду, что потенциал компании вовсе не представляет собой простую сумму личностных потенциалов креативных работников. От такого редуccionизма необходимо отказаться раз и навсегда. Известны случаи, когда в компании работали выдающиеся личности, обладавшие способностью к самоуправлению и высокими человеческими качествами, но компания терпела убытки и разорялась. Бывало и наоборот. Но смысл этих исключений заставляет понять ту, в общем-то, простую истину, что возрастание стоимости человеческого капитала происходит лишь тогда, когда личностное самоуправление связано с предпринимательством, т.е. особой формой хозяйствования. Прекрасно самоуправляемый специалист в компании, корпорации просто не нужен. От него ждут творчества, но самостоятельности не предоставляют. От него ожидают идей, но лишают свободы. Такова в массе своей анатомия современной российской корпоративной экономики. В постиндустриальном обществе все обстоит иначе. Ее назначение - не максимизация прибыли, о чем постоянно рассуждают у нас, а «воспитание свободной личности, которая становится неиссякаемым источником обновления»¹. Но дух корпоративизма, конкуренция, бюрократизм мешают такому воспитанию и там. И хотя давно уже доказано, что «сотрудничество намного эффективнее, чем конкуренция»², но создать необходимые для такого сотрудничества условия не всегда удается. Лишь в условиях подлинного коллективизма, которому присущи доверие, дух товарищества, трудовое мировоззрение и человеческая солидарность, такие условия создаются более или менее успешно. Отсюда мы обязаны сделать вывод о том, что возрастание стоимости

¹ См.: Там же. С.30.

² См.: Там же. С.220.

человеческого богатства в процессе развития личностного самоуправления отнюдь не является индивидуальной характеристикой социального бытия. Больше того, человеческое богатство как совокупность, ансамбль, единство духовного в нас, как наши знания и деятельные способности возрастает лишь в процессе подлинной, а не мнимой социализации, в процессе сотрудничества и сотрудничества, в процессе преодоления отчуждения человека от сферы хозяйства.

Совершенно справедливо мнение о том, что «рестрикционизм – специфическая деформация трудового потенциала наемного работника»¹.

Но точно также справедливо и суждение о том, что «определяющим фактором общественной жизни (в современных условиях – авт.) является научное знание. Оно вытесняет труд (ручной и механизированный) в его роли фактора стоимости товаров и услуг. Экономические и социальные функции капитала переходят к информации»². От того, как сама информация превратится в знания, а последние – в деятельностные способности личности, зависит характер и масштаб самовозрастания стоимости человеческого богатства.

Вместе с тем, труд превращается в интеллектуальное расширенное воспроизводство человека. Все большая часть национального дохода является результатом интеллектуального труда. Марксистское положение о превращении науки в непосредственную производителя силу общества блестяще подтверждается в современных условиях. Но непосредственный характер такая сила обретает при непосредственном характере самовозрастания человеческого богатства, т.е. при самоуправлении процессами формирования и реализации трудового и интеллектуального потенциала личности. Под воздействием внешних регламентаций ничего подобного более не происходит. Прав Д.Иванов, когда пишет, что «промышленная корпорация теряет главенствующую роль» и «ядром социальной организации, главным социальным институ-

¹ См.: Шаталова Н.И. Трудовой потенциал работника. М.: ЮНИТИ, 2003. С.142.

² См.: Иванов Я. Общество как виртуальная реальность // Информационное общество. М.: АСТ, 2004. С.357.

том становится университет, как центр производства, переработки и накопления знаний»¹.

Высказываясь против отождествления информации и знания, Д.Иванов однако не делает прогноза и перехода со стадии *информационного общества* в фазу общества *знающего*. А ведь переход информации в знания, казалось бы, предполагает такой прогноз. Но все дело в том, что для осуществления подобных прогнозов необходимо личностное самоуправление, посредством которого каждый человек сам решает для себя, как и когда действовать, тогда как «информация есть лишь коммуникация, операция, трансляция символов, побуждающая к действию»², но не само действие.

Любой учебник по экономике, как известно, начинается с того, что трактует рыночную экономику как систему, в которой каждый человек *самостоятельно* должен решить, что, как, когда, для кого производить и продавать. Но для этого необходима информация. Прав Б.Гейтс, когда утверждает, что создание глобальной информационной магистрали - интернета существенно ускорило поступление информации к хозяйствующим контрагентам и снизило степень противоречий, конфликтов в современных условиях³. Но ликвидировала ли такая глобальная система экономические кризисы? Нет, даже более того: она стала фактором их разрастания и углубления. Так, в подводной лодке, терпящей бедствие, герметизация отдельных отсеков является фактором спасения экипажа и самого судна, а разгерметизация становится катализатором крушения. Глобализация современной экономики как раз и разгерметизирует национальные стабилизаторы, внутренние ограничители (по Р.Харроду «встроенные стабилизаторы»⁴) и усугубляет ситуацию: начало кризиса в США или странах АТР подобно куриному гриппу или атипичной пневмонии переносится и в здоровые, но зависимые в условиях глобализма национальные экономики. Страдают все. Единственным стабилизатором, оставшимся в современных условиях действенным и способным пре-

¹ См.: Там же. С.357.

² См.: Там же. С.357.

³ См.: Гейтс Б. Дорога в будущее: Пер. с англ. М., 1996. С.17.

⁴ См.: Харрод Р. К теории экономической динамики // Классики кейнсианства. В 2-х т. Т.1. М.: Экономика, 1997. С.41.

дотвратить кризис, выступает личностное самоуправление предпринимателя. Неслучайно И.Ансофф, известный специалист в области стратегического управления (Сан-Диего, Калифорния, США) выделяет не два, а три типа менеджеров-управленцев: лидеров, плановиков и предпринимателей¹. Это интуитивное, подсознательное, но совершенно неубедительное с научной точки зрения конструирование такой управленческой морфологии свидетельствует о двух вещах: во-первых, специалисты в области менеджмента прекрасно сознают необходимость личностного самоуправления как важнейшего фактора развития экономики; во-вторых, они приписывают личностное самоуправление личности управленца, а это примерно то же самое, что оперировать мужчиной, превращая его в женщину. Такой псевдонаучный транссексуализм далек от реальности.

Для доказательства этого суждения обратимся к аргументации И.Ансоффа, который пытается развести управленца-плановика и управленца-предпринимателя на том основании, что первый тип не рискует, а второй рискует, что первый тип экстраполирует прошлое в будущее, а второй - изобретает это будущее без прошлого². Такие суждения крайне схоластичны. Предприниматель, по определению, самостоятельная личность, тогда как управленец, даже лучшего класса - все равно остается наемным работником, т.е. не свободным, а его действия заданными, направляемыми (Советом директоров, собранием акционеров и т.п.). Далее, управленец направляет деятельность других людей, тогда как в системе личностного самоуправления предприниматель направляет самого себя. Управленец стремится к тому, чтобы трудились, творили, создавали другие. Предприниматель стремится к этому сам. При этом предприниматель отнюдь не нигилист и не отвергает прошлое, традиции, опыт. Больше того, он использует их гораздо эффективнее и настойчивее, чем управленец. Насчет рисков также рассуждения И.Ансоффа поверхностны. Управленец-плановик, задавая тон развитию фирмы, корпорации, сам ничем не рискует. Пример, когда управленцы, навредив

¹ См.: Ансофф И. Стратегическое управление: Пер. с англ. М.: Экономика, 1989.

² См.: Там же. С.291.

одной фирме, прекрасно устраивались в других, можно приводить долго. И дело здесь не в способностях самого управленца, а в социальных и психологических условиях, которые необходимы для творчества, в том, что управленец самостоятельно не творит, он ни в коей мере не творец, тогда как предприниматель творит, он творец.

Тем самым мы вправе выделить определенную социальную онтологию в сфере самоуправления личности предпринимателя, то «комбинационное поле», в котором присутствуют социальные и психологические условия. Именно такой логики социально-философского анализа придерживался в своем исследовании проблематики творчества известный российский философ И.И.Лапшин, который к социальным условиям относил географическую среду, экономические факторы, а к психофизиологическим факторам - наследственность, психику и т.п.¹.

Объединяя интеллектуальные, двигательные (а в нашей терминологии деятельностные) и аффективные (в нашей терминологии психические) элементы между собой, И.И.Лапшин предлагал общую схему творческого акта самоуправляющейся личности, которая выглядела следующим образом:

¹ См.: *Лапшин И.И.* Философия изобретения и изобретение в философии. М.: Республика, 1999. С.7-36.

Приведенная схема свидетельствует о необходимости включения в процесс самовозрастания стоимости человеческого капитала трех составляющих: интеллектуальных процессов (перехода информации в знания), физических процессов (выработки деятельностиных способностей личности) и психических процессов (аффективные наклонности).

В контексте проблемы данного исследования, казалось бы, психические процессы можно было бы оставить без внимания, поскольку они являются объектом иной науки – психологии. Однако, и в этом прав был И.И.Лапшин, тогда возникает гносеологический разрыв в понимании творчества и всей жизнедеятельности человека, поскольку аффективные наклонности, по его мнению, являются связующими моментами с философской рефлексией человека, через них происходит преобразование инстинкта в разум, предчувствия в интеллект. Вот как это выглядит

**Аффективные
наклонности**

1. Любопытство
2. Коллекционная наклонность
3. Общительность
4. Самосохранение
5. Самозащита
6. Половое влечение
7. Архитектоническая наклонность
8. Наклонность к социальной организации

**Моменты философской
мысли**

1. Пытливость духа
2. Полнота знания
3. Широта знания
4. Глубина и ясность знания
5. Внушительность выражения
6. Философский пафос
7. Образ мира и понятие о мире
8. Социальная утопия и социальный идеал

Не конкретизируя содержание конкретных аффективных наклонностей личности и моментов философской мысли, с которыми они сопряжены посредством преобразования психической, физической, биологической, химической энергии в духовное состояние, (все это подробно и убедительно изложено у И.И.Лапшина), мы хотели бы присоединиться к тому определению, которое дал этот философ творческому акту: «Философское творчество есть одушевляемая пафосом бескорыстная пытливость человеческого духа в стремлении к установке наиболее адекватного действительности понятия о мере явлений и предвосхищению наиболее высокого и действенного социального идеала путем достижения полноты, широты и глубины знаний»².

Управленец нацелен на иное: о бескорыстии в его действиях не может быть и речи; он не создает и не предвосхищает социальный идеал, поскольку нацелен на извлечение прибыли; он сам не производит, не расширяет и не углубляет знания даже в специальной области своей практики, поскольку ориентирует на это других людей.

Предприниматель, наоборот, стремится *сочетать* получение прибыли и собственный имидж, свое социальное положение. Такое стремление суть не корыстное, а *сигистичное* (П.А.Флорен-

¹ См.: Там же. С.290.

² См.: Там же. С.297-298.

ский). Предприниматель пытается расширить собственные знания, свою компетенцию, поскольку он действует непосредственно, а не через других, самостоятельно, а не посредством наемного труда. Следовательно и здесь он ближе к социальному идеалу. Его компетентность априори должна быть социальной, а не сугубо экономической, иначе он разорится, будет устранен из бизнеса. Конечно, данные суждения нельзя абсолютизировать. Их смысл состоит в том, что предприниматель просто объективно ближе ко всему этому, чем управленец. Но чтобы предприниматель был ко всему этому ближе и субъективно, субъектно, необходимо эффективное личностное самоуправление. Только при этом условии возникает процесс самовозрастания человеческого богатства. В сфере управления, пускай даже эффективного и стратегического, самовозрастания человеческого богатства не происходит, там имеет место быть лишь рост капитала, его расширенное производство, прекрасно описанное К.Марксом. И чем выше этот рост, чем ближе этот вещной капитал, т.е. капитал как *отношение* преобразовавшийся в капитал как *форму* (деньги, станки, заводы, компании и т.п.), тем меньше может быть размер *человеческого* капитала. Это объясняется тем, что человек начинает служить золотому фетишу – прибыли. Фетишизация жизни, подмена ее высшего смысла низшим ведет к девальвации человеческого богатства через обездуховнивание личности, а далее, через девальвацию ее деятельностных способностей в условиях нарастающей специализации. Превращаясь в придаток машины, винтик общего хозяйственного механизма, рядовой работник неизбежно утрачивает и способность к самоуправлению, и к управлению, и просто к пониманию смысла и многообразия собственной жизни. Сведение бытия к существованию, творчества к прозябанию, жизни - к накоплению средств для нее, не оставляет человеку времени для самой жизни. В этом и состоит глубинная аксиологическая коллизия капитализма как рыночной экономики, в которой товаром становится сам человек. Причем не только его способность к труду, но и совесть, и донорские органы, и его жилище, и его дети. Чудовищнее ничего просто не может быть. Но ничего не может быть и печальнее, поскольку рождаясь для жизни и по существу не проживая ее, а служа лишь накоплению, зна-

чительная масса людей так и не дорастает до состояния личности, а тем более до целостной личности. Фарисейские суждения о том, что даже недоросль или уголовник есть личность, свидетельствуют об интеллектуальном люмпенстве некоторых наших сограждан. Личность есть не просто продукт социального развития. Она есть и *условие* социального развития, причем развития *прогрессивного*. Но каким условием может считаться маргинал, пауперизованная особь, которые лишь управляются *посвященными*? Они лишены личностного бытия именно потому, что не живут в духовно-социальном смысле этого слова. Для возрождения к жизни требуется овладеть механизмом личностного самоуправления, а как минимум еще и осознать самое себя. Рисуя тройственную структуру человеческого сознания, И.И.Лапшин указывал на то обстоятельство, что сознание не есть лишь комплекс психических реакций и характеристик, оно выступает как их преобразование в социальные и духовные характеристики личности. Используя малознакомые современному исследователю термины *внекрузозорность*, *трансгредидентность*, *аллокация*, *аптерцепция*, *неосознанная реминисценция*, *эпитаутопия*, *фантазм* и др., автор указывает на то, что аффективная сторона личности интересна ему лишь в контексте *преодоления* трагедии в жизни человечества¹. Смысл этой трагедии состоит в том, что человек *приспосабливает* свой дух к действительности, тогда как ее необходимо улучшать. Для этого необходимо обращение к абсолютному духу – высшим ценностям прекрасного и социального творчество, а не духовный пауперизм. Иначе как раз и не остается времени для самой жизни. Воспроизводя слова Ш.Ренувье о том, что «все умирают, не успев выполнить своей цели. Это самая печальная из печалей нашей жизни»², И.И.Лапшин видит возможность достижения цели жизни именно в творчестве. О каком творчестве наемного и управляемого извне работника, озабоченного поиском источников к существованию, может идти речь?

Иное дело, когда личность овладевает способностями к самоуправлению и перестает быть озабоченной исключительно поиском одних лишь средств к существованию, но обращается

¹ См.: Там же. С.283.

² См.: Там же. С.286.

к смыслу самой жизни, формируя в своей душе и конструктах своего сознания правильную иерархию приоритетов и ориентаций, когда она отдает «Богу – Богово, кесарю – кесарево» и не сводит общее (жизнь) к частному (зарабатыванию средств). Больше того, самоуправляемая личность *определяет* в структуре (иерархии) ценностей доминирующее начало и тем самым осуществляет не только духовный, но и личностно самостоятельный выбор, направленный на то, чтобы *жить*, а не на то, чтобы *есть*. В такой направленности и наполненности личностного самоуправления и состоит смысл самовозрастания человеческого капитала, в котором профессиональные способности отнюдь не имеют определяющего значения, в котором душевные и духовные характеристики человека являются генерирующими и креативизирующими. Именно они определяют и детерминируют поступательное, а не регрессивное развитие и профессиональных, деятельностных способностей человека, а через это способствуют подлинному, а не количественно-однобокому развитию хозяйства как *социально*-экономической системы.

Заключение

Личностное самоуправление выступает фундаментальной основой для продуктивного и эффективного социального творчества личности. Оно избавляет человека от многих ошибок и просчетов в его жизнедеятельности. Вместе с тем личностное самоуправление является важнейшим фактором общественного прогресса, позволяет более органично и целенаправленно формировать приоритеты социального развития и реализовать возможности их наполнения творчеством.

Личностное самоуправление выступает социально-онтологической основой для любой иной формы социального самоуправления: студенческого, трудового, коллективистского, потребительского, предпринимательского, местного самоуправления и т.д. Это связано с тем, что в основе любого самоуправления находится личность, ее интересы и потребности. Это объясняется тем, что всякие технологии и способы самоуправления осуществляет именно личность, а не обезличенные массы или группы населения.

Личностное самоуправление является одновременно социокультурной сферой человеческого бытия, представляет собой определенную культуру самоопределения, идентификации, адаптации, самостоятельности и самореализации человека. С этими фазами генезиса личностного самоуправления неразрывно связаны конкретные акты социокультурного и социально-психического характера: самоконтроль, самодисциплина, самостоятельность, самоуважение, самосохранение и т.д. Органический синтез этих компонентов в общих конструктах процесса личностного самоуправления создает некий *органон* - определенный способ жизни человека, его наиболее полноценного и полнокровного бытия,

Личностное самоуправление выступает глубинной основой подлинно эффективной, творческой, созидательной профессиональной деятельности человека. В основе такой деятельности лежат определенные цели, осмысление и оценку которых эффективно может осуществлять в качестве конкретных актов личностного самоуправления только сам человек.

Любые попытки определять за нас наши цели и интересы, предписывать нам образ действий и последовательность поступ-

ков, оказываются состоятельными только в том случае, когда они осуществляются совместно с нами, а не без нас, не за нас. Последнее относится к понятию социального манипулирования личностью и преследует совершенно иные, часто благовидные, но, к сожалению, неличностные цели. А «благими намерениями вымощен путь в ад», в том числе и в социальный ад тоталитаризма, авторитаризма и тирании.

Личностное самоуправление наиболее адекватно проявляет себя в предпринимательской деятельности, характеризуя его не с внешней формы, как это делают риски, географическая среда или социальное положение личности, а с внутренней, сущностной стороны. Оно наполняет предпринимательство как определенную творческую, созидательную, самостоятельную, инновационную деятельность конструктивным, позитивным, прогрессивным содержанием. Вне личностного самоуправления предприниматель порой просто «не ведает, что творит»: выпуская фальсифицированные лекарственные препараты или занимаясь контрафакцией, он наносит вред обществу, преследуя формально благие цели – максимизацию личной выгоды и извлечение наибольшей прибыли. Личностное самоуправление, составляющее переход человеческой сущности из духовного состояния в социальное, из абсолютного в *определяемое* абсолютными ценностями *операциональное* состояние страхует личность предпринимателя от социальных отклонений, от деликвентности, от рвачества и стяжательства, от фетишизации вещных форм богатства точно также, как балласт придает устойчивость судну, закрылки позволяют самолету успешно взлетать и садиться.

Личностное самоуправление представляет собой направленность человеческого духа, нацеленную на гармонизацию его бытия, на создание объективно верной, истинно правильной, социально эффективной системы ценностных ориентации индивида. Тем самым оно – процесс самовоспитания личности, детерминированный не только внешним социальным и природным окружением, но и способностью человеческого сознания наполнять духовным содержанием собственную идеальную и предметно-вещную практику субъекта деятельности. В таком смысле личностное самоуправление предпринимателя опосредует саму диалектику предпринимательской деятельности, которая характеризует-

ся глубинной внутренней дихотомией: с одной стороны, она нацелена на успех, прибыль, выгоду, доход, а с другой стороны - на комфорт, на уважение окружающих, на социальное взаимодействие, на самореализацию посредством творчества, на имидж, репутацию, славу и т.п. Для реализации первых целей нужны знания и умения, для приближения к другому полю необходимы духовность и нравственность.

Личностное самоуправление тем самым становится условием формирования из доиндустриальной, индустриальной, дезиндустриальной или постиндустриальной экономики прошлых лет экономики социальной, нравственной, культурной и цивилизованной, т.е. экономики будущего.

Осмысливая ограниченность идеалов экономизма и роли смой экономики в жизни человека, необходимо признать в качестве актуальной задачи развитие *философии экономики* как важнейшего научного направления во всей системе современных гуманитарных знаний. Необходимо найти способы органического синтеза идеалов бизнеса и идеалов творчества, идеалов духовного и меркантильного. Необходима новая философия бизнеса, предпринимательства, экономики хозяйствования, в которой общая научная картина мира была бы выстроена в системных, органичных, гармоничных координатах делания добра, а не увеличения наживы, развития личности, а не ее уничтожения, ради обогащения отдельных олигархов, сохранения экологии, а не ее разрушения. В этом новом синтезе идеалов личностное самоуправление предпринимателя, человека дела, хозяйственника, а в более широком плане – всякого субъекта экономических отношений, может быть процессуальным основанием, деятельным конструктором, тем, что философы называют переходом от интенции к актуальности. Актуализация личностного самоуправления может успешно дополнить современную теорию и практику управления, сориентировать ее в сторону большей социальной гибкости, гуманистической направленности, человеческой солидарности. Для решения задачи формирования в нашей стране социально ответственного бизнеса, развития системы социального партнерства, гражданского общества и правового государства такой новый социокультурный и социально-экономический (социально-управленческий) синтез просто необходим.

В нем, собственно говоря, и состоит научное, а не конъюнктурное, реалистическое, а не утопическое содержание подлинного, гражданского, человеческого социализма. Для реализации указанных задач необходима в первую очередь культура личностного самоуправления в сфере малого и среднего бизнеса.

1. Культура предпринимательского самоуправления личности (личностного самоуправления предпринимателя) представляет собой основу успешной социализации личности, формирования ее целостного характера. Этому служат последовательно проходящие в рамках общего генезиса личности фазы самоидентификации, самоопределения, адаптации и самореализации, которым сопутствуют специфические формы личностного самоуправления, вырабатываемые в процессе духовной и предметно-вещественной практики человека: самооценка, саморегуляция, самоконтроль и самодеятельность. Диалектическая взаимосвязь этих конкретных форм проявления личностного самоуправления с определенными фазами генезиса личности предпринимателя неразрывно связана и с выработкой человеком прикладных, частных, практических способов самоуправления в сфере предпринимательства: планирования, программирования, координирования и кооперация своей деятельности с действиями других социальных сил.

2. Основой предпринимательского самоуправления выступает культура личности, взятая в ее целостности и диалектической взаимозависимости: как материальная культура человека, так и духовная культура; как культура прошлого (традиции, обычаи, ритуалы, процедуры), так и культура настоящего, формирующаяся в процессе накопления личного опыта бытия людей. В связи с тем, что предпринимательская деятельность осуществляется в трех различных формах (индивидуальное предпринимательство, коллективное предпринимательство и корпоративное предпринимательство), то необходимо выявление культуры самоуправления личности, ее места и роли в процессе развития и совершенств всех трех указанных форм предпринимательства. Культура личностного самоуправления актуализируется только в условиях индивидуального и коллективного предпринимательства. В

условиях корпоративного предпринимательства личностное самоуправление уступает место классической практике корпоративного менеджмента, представляющего собой процесс отчуждения функции управления от субъекта и объекта управления и ее монополизацию в руках отдельного социального слоя – менеджеров, управленцев, осуществляющих ее в условиях нового общественного разделения труда (по Дж.К.Гэлбрейту – в условиях революции управляющих). Отрыв функции управления от самости человека, от непосредственно конкретной личности ведет к тому, что существенно меняется алгоритм и содержание фаз самоидентификации, адаптации, самоопределения и самореализации управляемых работников (персонала, кадров), которые становятся в этой ситуации объектами направляемых действий, манипулирования.

3. Наибольшего уровня культура личностного самоуправления достигает на индивидуальном срезе предпринимательской деятельности, а в сфере коллективного предпринимательства, которое обуславливает наиболее выгодные условия для подлинного социального творчества, в том числе и в области хозяйственной практики. Развивая в человеке чувство сопричастности общему делу, чувство человеческого достоинства, дух товарищества, взаимопомощи и братства, коллективизм поощряет личностное самоуправление не отчуждая, его от личности, стимулирует его, не деформируя его содержания. Тем самым, личность остается автономной, самодостаточной, цельной, поскольку часть ее социальной природы в условиях стихийно развивающегося общественного разделения труда не усекается, не девальвируется, не уходит в другие социальные страты, а полностью сохраняется в той же социальной среде, в которой личность продолжает осуществлять и развивать данное самоуправление.

4. Процесс личностного самоуправления реализуется в нормотворчестве, хозяйственной практике человека, обретающей в связи с этим характеристики креативности, авторства, самостоятельности, личностной идентичности. Данные характеристики выступают свидетельством субъективности личности, являющейся базисом для развития ее целостности и гармоничности, ее способности к эффективной социокультурной

коммуникации, формирования в ней социальной компетентности и социальной (гражданской) ответственности. Данные свойства представляют собой социально-культурный пласт личности, неопровержимое свидетельство ее мировоззренческой и деятельностной состоятельности. Данная состоятельность базируется на семи фундаментальных аксиологических конструктах культуры личностного самоуправления в сфере предпринимательства: духовности, самобытности, традиции, гуманности, коллективизма, патриотизма, творчества. Различные модификации и сочетания данных аксиологических предикатов могут способствовать формированию различных форм и моделей культуры личностного самоуправления в предпринимательстве. Но выпадение хотя бы одной из этих основ из культуры личностного самоуправления предпринимателя неизбежно ведет к разрушению этого самого личностного самоуправления предпринимателя и утрату им эффективной способности к социально полезной хозяйственной деятельности, основанной на принципах самостоятельности, инициативности, рисковости, конкурентности, инновационности.

5. Иерархия конкретных параметров различных типов личностного самоуправления предпринимателя предполагает включение в ее структуру не только сугубо культурологических, но и социальных, психических, этических, исторических, географических и даже политических детерминант. Задача создания общей теории культуры предпринимательского самоуправления личности предполагает выявление места и роли конкретных детерминант с учетом места и времени деятельности человека. Очевидно, что подобная периодизация (типология, морфология) культуры личностного самоуправления предпринимателя еще далека от сколько-нибудь целостного формирования. Вместе с тем, можно обнаружить эндогенные и экзогенные факторы, определяющие общий архетип культуры личностного самоуправления предпринимателя, что в общем и целом вписывается в современные теории личности. Историческая мобильность таких факторов, изменение их значения в контексте исследуемой проблемы, предполагают постоянный мониторинг самой предпринимательской

деятельности, меняющейся в целом вместе с изменением всей национальной экономики страны.

Анализ личностного самоуправления предпринимателя позволяет сделать вывод о существенном изменении внутренней духовной и социальной природы экономического человека (*homo economicus*). Все в большей мере данная научная дефиниция замещается новой — экономической личностью — *persona economicus*. Это связано с тем, что в условиях растущих рисков, нарастающих техногенных катастроф, ускорения социально-экономического развития в одних регионах мира и усугубления в отставании других территорий, роль и значение личности существенно возрастают. Личность предпринимателя, вовлеченная в новую научно-техническую революцию, в глобальные процессы интеграции, интернационализации и диверсификации хозяйства, не имеет более того лимита времени на принятие собственных управленческих решений, который у нее был прежде. Более того, хозяйствующая личность больше не может полагаться на государственную власть, которая могла бы защитить ее интересы, на корпорации, профсоюзы и иные социальные институты, которые в современных условиях не просто трансформируются, но часто просто «забывают» о человеке, о необходимости защищать личность. В этой ситуации личностное самоуправление становится не только фактором выживания человека, фактором социальной защиты людей в условиях растущей безработицы, но и условием формирования гражданского общества, правового государства и эффективной социальной экономики.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Абовин-Егидес П.М.* Философия самоуправления. М., 1997.
2. *Абрамян Э.Г.* О соотношении стереотипов и инноваций в системе культуры // Некоторые вопросы философии. Сб. Ташкент, 1976.
3. *Автономов В.С.* Модель человека в буржуазной политической экономии от А.Смита до А.Маршалла // Истоки. Вопр. истор. нар. хоз-ва и экон. мышл. М.: Экономика, 1989. Вып.1.
4. *Альтшуллер Г.С.* Найти идею. Новосибирск: Наука, 1986.
5. *Ананьев Б.Г.* О проблемах современного человекознания. М.: Наука, 1977.
6. *Андерин Р., Шихерев П.* Акулы и дельфины: Психология и этика российско-американского делового партнерства. М.: Дело, 1994.
7. *Андреева Г.М.* Социальная психология. М.: Аспект-Пресс, 1996.
8. *Амнеева А., Громова Л.А.* Поймите меня правильно. (Книга о том, как найти свой стиль мышления, эффективно использовать интеллектуальные ресурсы и обрести взаимопонимание с людьми). СПб.: Экон. школа, 1994.
9. *Анисимов О.С.* Введение в теорию предпринимательской деятельности. М., 1992.
10. *Ансофф И.* Стратегическое управление: Пер. с англ. М.: Экономика, 1989.
11. *Анциферова Л.И.* Системный подход к изучению функционирования личности // Проблемы психологии личности. М.: Наука, 1982.
12. *Арон Р.* Этапы развития социологической мысли: Пер. с фр. М., 1992.
13. *Асеев В.Г.* Мотивация поведения и формирование личности. М.: Мысль, 1976.
14. *Боданов А.А.* Вопросы социализма. Работы разных лет. М., 1990.
15. *Богданов А.А.* Методы труда и методы познания // Русская философия. Конец XIX - начало XX вв. СПб.: Ганза, 1993.
16. *Байхем У.С., Смит О.Б. и др.* Воспитай своего лидера: Как находить, развивать и удерживать в организации талантливых людей.: Пер. с англ. М.:СПб.;Киев: ИД Вильямс, 2002.
17. *Белоцерковский В.* Самоуправление. Будущее человечества или утопия? М., 1992.
18. *Бем-Баверк Е.* Теория ценности нравственных благ: Пер. с нем. М., 1949.
19. *Берд П.* Продай себя. Тактика совершенствования Вашего имиджа.: Пер. с англ. Минск: Алмафя, 1997.
20. *Бердяев М.А.* Самопознание: опыт философской автобиографии. М., 1991.

21. *Бессонов Б.Н.* Актуальность марксизма. Перспективы социализма. М.: РГУК, 2004.
22. *Богданов А.А.* Тектология. Всеобщая организационная наука. В 2-х т. М.: Экономика, 1989.
23. *Боно де Э.* Латеральное мышление.: Пер. с фр. СПб.: Питер-Балт., 1997.
24. *Борисова Т.В.* Философский анализ предпринимательской деятельности. Самара, СНЦ РАН, 2003.
25. *Брукинг Э.* Интеллектуальный капитал. Ключ к успеху в новом тысячелетии.: Пер. с англ. М.;СПб.: Питер, 2001.
26. *Брушлинский А.В.* Деятельностный подход и психологическая наука // Вопр. философии. 2001. №2.
27. *Булгаков С.Н.* Философия. М., 1990.
28. *Бурдые П.* Экономическая модель в социальных науках // Экономика и общество. 1998. №10.
29. *Бусыгин А.В.* Предпринимательство. Основной курс. М.: Наука, 1997.
30. *Бутаков А.В.* Социальное самоуправление: сущность, основные черты // Становление человека как субъекта социального творчества. Матер. Всерос. научно-практ. конф. Омск, 1997.
31. *Валовой Д.В.* Экономика: взгляды разных лет. М.: Наука, 1989.
32. *Васильев И.А., Магомед-Эминов М.Ш.* Мотивация и контроль за действием. М.: МГУ, 1991.
33. *Веблен Т.* Теория прикладного класса: Пер. с англ. М., 1984.
34. *Вебер М.* Протестантская этика и дух капитализма / Вебер М. Избр. произведения: Пер. с нем. М., 1990.
35. *Ветошкин А.П.* Культурное возрождение // Проф. образование. 1998. №2.
36. *Ветошкин А.П., Стожско К.П.* Философия экономики. Екатеринбург: УрГУ, 2001.
37. *Ветошкин А.П., Мириева Л.М.* Основы организаторской и воспитательной работы в трудовом коллективе. Омск: ОМНИТ, 1984.
38. *Вудкок М., Френсис Д.* Раскрепощенный менеджер: Пер. с англ. М., 1994.
39. *Гадамер Х.Г.* Истина и метод: основы философской герменевтики: Пер. с нем. М., 1988.
40. *Гегель Г.В.Ф.* Введение в философию. М., 1927.
41. *Гегель Г.В.Ф.* Энциклопедия философских наук. В 3-х т. Т.1. М., 1977.
42. *Генов Ф.* Психология управления. М.: Прогресс, 1992.
43. *Гильдебранд Б.* Политическая экономия настоящего и будущего: Пер. с нем. СПб., 1890.
44. *Гоббс Т.* Левиафан: Пер. с англ. М.: Соцэкгиз, 1984.
45. *Гончаров С.З.* Воспитание инженеров педагогов как субъектов социального творчества // Формирование инженерно-педагогических кадров: воспитание творчеством. Свердловск, 1989.

46. Гордеев Р.В. Кросс-культурные проблемы международного менеджмента // Менеджмент в России и за рубежом. 1988. №1.
47. Грановская Р.М., Крижанская Ю.С. Творчество и преодоление стереотипов. СПб., 1994.
48. Грачев М.В. Суперкадры: управление персоналом и международные корпорации. М.: Дело, 1993.
49. Гумилев Л.Н., Иванов К.П. Этнические процессы: к изучению // Социс. 1992. №1.
50. Дейнеко О.А. Современный организатор производства. М.: Экономика, 1984.
51. Деловая культура российского общества: «круглый стол» ученых // Общественные науки и современность. 1993. №3.
52. Дельгадо Х. Мозг и сознание: Пер. с фр. М., 1971.
53. Дилигенский Б.Г. Конец истории или смена цивилизаций? // Вопр. философии. 1991. №7.
54. Домострой. СПб., 1994.
55. Дрикер Р.Ф. Инновационность и предпринимательство: Практика и принципы. Варшава, 1992.
56. Дубинищева Т.Я. Концепции современного естествознания. Новосибирск: НГУ, 2001
57. Дэй Л. Практическая интуиция в бизнесе: Пер. с англ. М.: АСТ, 2003.
58. Елисеев О.П. Конструктивная типология и психодиагностика личности. Псков, 1994.
59. Ермилов В. Техника камлания для топ-шаманов // Деньги. 2002. №46.
60. Жариков В.С. Научно-техническая революция управления. М.: Знание, 1979.
61. Жильцова И.В. Политическое и духовное развитие общества. М: Просвещение, 1993.
62. Зайцев Г.Г. Управление персоналом. СПб.: Северо-Запад, 1998.
63. Золотов А. Самоуправление непосредственных производителей: социально-экономические и организационные аспекты. Н.Новгород, 1996.
64. Зомбарт В. Современный капитализм: Пер. с нем. М., 1992.
65. Зотов А.А. О роли концепции «экономического человека» в постановке проблемы мотивации // Мотивация экономической деятельности. Сб. тр. ВНИИСН. 1980. №11.
66. Иванов В.П. Человеческая деятельность – познание – искусство. Киев, 1977.
67. Иванцевич Д., Лобанов А.А. Человеческие ресурсы управления. М.: Дело, 1993.
68. Ильин И.А. О частной собственности // Русская философия собственности. XVIII-XX вв. СПб.: Ганза, 1993.
69. Ильин И.А. Путь к очевидности. М., 1998.

70. *Ильенков Э.В.* Диалектическая логика. М., 1984.
71. История менеджмента / Под ред. Д.В.Валового. М.: ИНФРА-М., 1997.
72. История России. В 2-х т. / Под ред. А.Н.Сахарова. М.: АСТ, 2005.
73. *Каменских Н.В., Стожко К.И.* Русское хозяйство: Философский аспект анализа. Екатеринбург, 1999.
74. *Камю А.* Бунтующий человек: Пер. с фр. М., 1999.
75. *Кант И.* Метафизика нравственности / Кант И. Сочинения. В 6 т. Т.3. М., 1964.
76. *Карнеги Д.* Как завоевать друзей и оказывать влияние на людей: Пер. с англ. Минск, 1990.
77. *Карсавин Л.П.* Прологомены к изучению личности // Русская история. Конец XIX - начало XX вв.: Антология. СПб., 1993.
78. *Карсавин Л.П.* Философия истории. СПб.: Комплект, 1993.
79. *Карлофф Б., Седеборг С.* Вызов лидеров: Пер. с швед. М.: Дело, 1996.
80. *Карлофф Б.* Деловая стратегия: Пер. с швед. М.: Дело, 1992.
81. *Кейнс Дж.М.* Общая теория занятости, процента и денег // Антология.
82. *Келле В., Ковальзон М.* Формы общественного сознания. М., 1959.
83. *Князев В.М.* Метафизика духа в русской философии конца XIX – начала XX века. Екатеринбург, 1998.
84. *Коган Л.Н.* Теория культуры. Екатеринбург, 1993.
85. *Константинов Ф.В.* Формы общественного сознания. М., 1951.
86. *Конюшева Т.В.* Внуки Дажьбога: Самоопределение человека в этнопедагогическом наследии Древней Руси. Екатеринбург, 2000.
87. *Крегер О., Тьюсон Дж.* Типы людей и бизнес: Как шестнадцать типов личности определяют Ваши успехи в работе. М.: Персей, АСТ, 1995.
88. *Кузмичев А., Петров Р.* Русские миллионщики. М.: Дело, 1993.
89. *Куриц П.* Запретный плод: Этика гуманизма: Пер с англ. М.: Гнозис, 1993.
90. *Лангер С.* Философия в новом ключе: Исследование символики разума, ритуала и искусства: Пер. с англ. М., 2000.
91. *Лапуста М.Г., Шаришкова Л.Ш.* Риски в предпринимательской деятельности. М., 1998.
92. *Латрумин Г.* Развитие самоуправления хозяйствующих организаций. Автореф. дисс... док. экон. наук. М., 1995.
93. *Леви-Стросс К.* Первобытное мышление: Пер. с англ. М., 1999.
94. *Леви-Стросс К.* Структурная антропология: Пер. с англ. М., 1983.
95. *Леднев В.П.* История русского космизма. Екатеринбург, 1999.

96. *Лейбенштайн Х.* Эффект присоединения к большинству // Вехи экономической мысли: В 3-х т. Т.1. СПб., 2000.
97. *Лекторский В.А.* Субъект // Философский энциклоп. словарь. М., 1983.
98. *Лесевич В.В.* Эмпириокритицизм как единственная научная точка зрения // Русская философия. Конец XIX - начало XX вв. СПб., 1993.
99. *Ленин В.И.* Три источника и три составных части марксизма // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т.23.
100. *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975.
101. *Литвак М.Е.* Командовать или подчиняться? Ростов н/Д: Феникс, 1997.
102. *Лифшиц Р.Л.* Духовность и бездуховность личности. Екатеринбург, 1997.
103. *Лойфман И.Я.* Мировоззренческие штудии. Екатеринбург: УрГУ, 2002.
104. *Лойфман И.Я.* Основополагающие определения сущего // Философская жизнь Урала. Проблемы общей социальной онтологии. Альманах. Екатеринбург, 1999.
105. *Львов Д.С.* Развитие экономики России и задачи экономической науки. М., 1999.
106. *Львов Д.С.* Экономический манифест: будущее российской экономики. М., 2000.
107. *Любутин К.Н., Пивоваров Д.В.* Диалектика субъекта и объекта. Екатеринбург, 1993.
108. *Марголис Дж.* Личность и сознание: Перспективы нередуктивного материализма: Пер. с англ. М., 1996.
109. *Маркс К.* Капитал Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.23-25. М., 1959.
110. *Маркс К.* К критике политической экономии / Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.13. М., 1958
111. *Маркс К.* Экономико-философские рукописи 1844 года / Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т.42. М., 1961.
112. *Маркович Д.* Социология труда: Пер. с серб. М., 1988.
113. *Маркузе Г.* Одномерный человек. Исследование идеологии развитого индустриального общества: Пер. с фр. М., 1991.
114. *Мартынов С.Д.* Профессионалы в управлении. Л., 1991.
115. *Марцева Л.М.* Проблема труда в утопическом, научном и реальном социализме. Красноярск, 1993.
116. *Маршалл А.* Принципы экономической науки. В 3 т.: Пер. с англ. М., 1993.
117. *Маслоу А.* Дальние пределы человеческой психики: Пер. с англ. СПб., 1997.
118. *Мегрелидзе К.Р.* Основные проблемы социологии мышления. Тбилиси, 1965.
119. *Менгер К.* Основания политической экономии // Австрийская школа в политической экономии. М., 1992.

120. *Мизес Л. фон.* Бюрократия. Запланированный хаос. Антикапиталистическая ментальность: Пер. с нем. М., 1993.
121. *Мильт Дж. С.* Основы политической экономии и некоторые аспекты ее применения к социальной философии: Пер. с англ. М., 1990.
122. *Мунье Э.* Манифест персонализма: Пер. с фр. М., 1999.
123. *Мы живем среди людей: Кодекс поведения* / Авт. сост. И.В.Дубровина. М., 1989.
124. *Нейман Д., Моргенштерн О.* Теория игр и экономическое поведение: Пер. с англ. М., 1970.
125. *Немчинов В.М.* Смешанная экономика: проблемы управления развитием. М., 1994.
126. *Нестеренко Г.Я.* Проблема сознания в марксистской социологии. М., 1971.
127. *Нестерова Д.В.* Экономический рост: Проблемы управления и гуманизации. Екатеринбург, 1992.
128. *Новак М.* Дух демократического капитализма: Пер. с англ. Минск, 1997.
129. *Новгородцев П.* Право на достойное человеческое существование // Русская философия собственности. XVIII-XX вв. СПб., 1993.
130. *Новгородцев П.* Об общественном идеале. М., 1991.
131. Новые идеи в философии. Вып. 2 / Отв. ред. В.В.Орлов. Пермь, 1994.
132. Образ будущего в российской социально-экономической мысли конца XIX – начала XX века: Избр. произведения / Сост. Я.И.Кузьминов. М., 1994.
133. *Овчаренко В.И.* Опыт бессознательного // Вопр. философии. 2000. №10.
134. *Ойзерман Т.И.* Материалистическое понимание истории: плюсы и минусы // Вопр. философии. 2001. №2.
135. *Олсон М.* Логика коллективных действий в обществах советского типа // ЭКО. 1992. №6.
136. *Олейник А.Н.* Институциональная экономика. М., 2000.
137. *Орлов В.В.* История человеческого интеллекта. Пермь, 1998.
138. *Ортега-и-Гассет.* Размышления о Дон Кихоте // Юность. 1996. №1.
139. *Ортега-и-Гассет.* Эстетика. Философия культуры: Пер. с нем. М., 1991.
140. *Парсон Г.* Человек в современном мире: Пер. с англ. М., 1985.
141. *Парсонс Г.* Понятие общества: компоненты и их взаимодействия // THESIS. 1993. Т.1.
142. *Печчеи А.* Человеческие качества: Пер. с англ. М., 1985.
143. *Пиаже Ж.П.* Речь и мышление ребенка: Пер. с фр. М., 1923.
144. *Пиаже Ж.П.* Избр. Психолог. Труды: Пер. с фр. М., 1969.
145. *Платонов О.А.* Русский труд. М., 1991.
146. *Платонов К.К.* Структура и развитие личности. М., 1986.

147. *Рассел Б.* Человеческое познание: его сфера и границы: Пер. с англ. М., 2000.
148. *Ролз Дж.* Теория справедливости: Пер. с англ. Новосибирск, 1995.
149. *Рожко К.Г.* Принцип деятельности. Томск, 1983.
150. *Росман В.* Разум под лезвием красоты // *Вопр. философии.* 1999. №12.
151. *Русская философия. Словарь.* М., 1995.
152. *Руткевич М.Н.* Диалектика и социология. М., 1980.
153. *Руткевич М.Н., Лойфман И.Я.* Диалектика и теория познания. М., 1994.
154. *Сагатовский В.М.* Деятельность как философская категория // *Философ. науки.* 1978. №2.
155. *Сметанкин Е.Н.* Адаптация населения в современной экономической ситуации // *Социальные исследования.* 1995. №4.
156. *Смит А.* Теория нравственных чувств: Пер. с англ. М., 1997.
157. *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов: Пер. с англ. М., 1962.
158. *Современная философия: Словарь и хрестоматия.* Ростов н/Д., 1997.
159. *Современная западная философия: Словарь.* М., 1991.
160. *Соловьев В.С.* Оправдание добра // *Русская философия собственности. XVIII-XX вв. Антология.* СПб., 1993.
161. *Соловьев В.С.* Философские начала цельного знания // *Русская философия. Конец XIX – начало XX вв. Антология.* СПб., 1993.
162. *Соловьев В.С.* Спор о справедливости. М., 1999.
163. *Сорокин П.* Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.
164. *Сорокин П.* Общедоступный учебник по социологии. М., 1994.
165. *Спиркин А.Г.* Философия. М., 2001.
166. *Спивак В.А.* Корпоративная культура: Теория и практика. СПб., 2001.
167. *Спивак В.А.* Преподавание управления персоналом и других поведенческих наук в вузе в контексте целей общего развития // *Известия С-Петерб. ун-та экон. и финансов.* 1998. №4.
168. *Стожко К.П.* Экономическая диалектика человека: История. Теория. Методология. Екатеринбург, 1994.
169. *Стожко К.П.* Труд. Собственность. Богатство. Кемерово, 1994.
170. *Стожко К.П.* Экономический гуманизм в России. Екатеринбург, 1995.
171. *Стожко К.П.* Экономическое сознание. Екатеринбург, 2002.
172. *Сухомилинский В.А.* О воспитании. М., 1985
173. *Теория развития и социальное познание* / Отв. ред. В.Н.Финогенов. Уфа, 1990.
174. *Тойнби А.* Цивилизация перед судом истории: Пер. с англ. М.; СПб., 1992.

175. *Тоффлер Э. Третья волна: Пер. с англ. М., 1999.*
176. *Трофимов В.К. Генезис и сущность русского национального менталитета. Ижевск, 2000.*
177. *Тубольский А.Н. Школа самоопределения: Первый шаг. М., 1991.*
178. *Туган-Барановский М.И. К лучшему будущему. М., 1996.*
179. *Тугаринов В.П. Философия сознания (современные вопросы). М., 1971.*
180. *Уотермен Р. Фактор обновления. Как сохраняют конкурентоспособность лучшие компании: Пер. с англ. М.: Прогресс, 1981.*
181. *Федоров Н. Философия общего дела. М., 1982.*
182. *Филатов В.И. Социально-онтологические основания целостности человека. М.; Омск, 2001.*
183. *Философский энциклопедический словарь / Л.Ф.Ильичев, П.Н.Федосеев и др. М., 1987.*
184. *Филиппов А.В. Работа с кадрами. М., 1990.*
185. *Фихте И.Г. О достоинстве человека // Фихте И.Г. Сочинения. В 2-х т. Т.1. СПб., 1993.*
186. *Франк С.Л. Этика нигилизма // Вехи; Интеллигенция в России. Сб. ст. 1909-1910. М., 1991.*
187. *Фролов И.Т. Перспективы человека. М., 1983.*
188. *Фромм Э. Человек для себя: Пер. с англ. Минск, 1992.*
189. *Фромм Э. Душа человека: Пер. с англ. М., 1992.*
190. *Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности: Пер. с англ. М., 1994.*
191. *Фрэнч М. Премудрость в личности // Вопр. философии. 2000. №4.*
192. *Фукуяма Ф. Доверие. Социальные добродетели и создание благосостояния // Новая постиндустриальная волна на Западе: Антология / Под ред. В.Л.Иноземцева. М., 1999.*
193. *Хабермас Ю. Демократия, разум, нравственность: Пер. с англ. М., 1995.*
194. *Хайек Ф. Происхождение и действие нашей морали // ЭКО. 1991. №12.*
195. *Хайек Ф. Философия рынка: Пер. с англ. М., 1985.*
196. *Хайек Ф. Дорога к рабству: Пер. с англ. М., 1992.*
197. *Хайек Ф. Пагубная самонадеянность: Пер. с англ. М., 1992*
198. *Хайер В. Как делать бизнес в Европе: Пер. с нем. М., 1992.*
199. *Хайтун С.Д. Фундаментальная сущность эволюции // Вопр. философии. 2001. №2.*
200. *Халленслебен Б. Кто субъект истории? // Общ. науки и современность. 1996. №2.*
201. *Херуберг Ф., Майнер М. Побуждение к труду и производственная адаптация // Социс. 1990. №1.*
202. *Хикс Дж., Аллен Р.Г.Д. Пересмотр теории ценности // Вехи экономической мысли. В 3-х т. Т.1. СПб., 2000.*

203. *Черняк Н.А.* Проблема человека в западноевропейской неклассической философии. Омск, 1995.
204. *Шабатура Л.Н.* Социальная компетентность личности // Становление человека как субъекта социального творчества. Монограф. исследование. Материалы Всерос. науч.-практ. конф. Омск, 1997.
205. *Шаповалов В.Ф.* Основы философии современности. К итогам XX века. М., 1998.
206. *Шибатулин Т.* Социальная психология. М., 1969.
207. *Шумихина Л.А.* Генезис русской духовности. Екатеринбург, 1998.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА I. САМОУПРАВЛЕНИЕ ЛИЧНОСТИ КАК СПОСОБ СОЦИАЛЬНОГО ТВОРЧЕСТВА	
I.1. Сущностно-содержательная характеристика личностного самоуправления.....	11
I.2. Социально-онтологические основания личностного самоуправления.....	34
I.3. Развитие творческих способностей в процессе личностного самоуправления.....	56
ГЛАВА II. ЛИЧНОСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ В СФЕРЕ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	
II.1. Культура личности как основа предпринимательского самоуправления...	74
II.2. Структура и целостность культуры личностного самоуправления в предпринимательстве.....	97
ГЛАВА III. САМОУПРАВЛЕНИЕ В СФЕРЕ КОЛЛЕКТИВНОЙ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	
I.1. Механизм самоуправления личностным потенциалом предпринимателя.....	124
I.1. Самоуправление в аспекте коллективного предпринимательства.....	148
ГЛАВА IV. ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ БОГАТСТВО В КОНТЕКСТЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ	
I.1. Личностное самоуправление как способ развития человеческого богатства.....	170
I.1. Воспроизводство человеческого богатства и проблема капитализации способностей к личностному самоуправлению в предпринимательской деятельности.....	200
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	222
БИБЛИОГРАФИЯ.....	229

Константин Петрович Стожко

Оксана Владимировна Тарасова

Александр Евграфович Новожилов

Николай Николаевич Маяков

**Социальная диалектика предпринимательства:
Личность. Самоуправление. Культура. Творчество**

Монография

Редактор Н.Ф.Большикова

Компьютерная верстка Т.Александрова

Подписано в печать 28.09.2005. Формат 60х84

Бумага офсетная. Гарнитура Times

Уч.-изд.л. 18,1 Уч.-печ. л. 14,7. Тираж 500 экз. Заказ 435

Издательство УрГУ 620083 Екатеринбург, ул. Тургенева, 4

